

Ю. А. Виноградов

“ТАМ ЗАКОЛОЛСЯ МИТРИДАТ...”

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО
В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ФИЛОМАТИС

**MILITARIA
ANTIQUA**

IV

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

ИДЕЯ СЕРИИ:

О. И. Трофимова, В. П. Никоноров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**А. Н. Кирпичников, Б. А. Литвинский,
В. П. Никоноров (ответственный редактор),
Ю. С. Худяков**

Ю. А. Виноградов

«ТАМ ЗАКОЛОЛСЯ МИТРИДАТ...»

**Военная история Боспора Киммерийского
в доримскую эпоху
(VI—I вв. до н. э.)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФИЛОМАТИС»
МОСКВА
2004**

УДК 355.48(477.9)

ББК Ц 35(2)242

Ответственный редактор

кандидат исторических наук В. П. Никоноров

Ю. А. Виноградов. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI—I вв. до н. э.). — СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Филоматис», 2004. — 208 с. (Серия «Militaria Antiqua», IV).

ISBN 5-85803-262-1 («Петербургское Востоковедение»)

ISBN 5-98111-020-1 («Филоматис»)

В 49 В книге излагается военная история одного из важнейших центров греческой колонизации Северного Причерноморья — Боспора Киммерийского (древнее название Керченского пролива и прилегающей к нему территории) в период от возникновения Боспорского государства до установления римской гегемонии как результата победы Рима над Понтийским царством. Проанализирована вся совокупность древних письменных источников (труды Страбона, Полиэна, Аппиана и др.), содержащих информацию по военному делу на Боспоре в рассматриваемую эпоху. Особое внимание уделено данным археологии — находкам оружия, воинским захоронениям, надгробиям, фортификационным сооружениям и т. д. Издание снабжено большим количеством иллюстративных материалов, включая графические реконструкции вооружения и доспехов боспорских воинов. Рассчитано на всех интересующихся военной историей далекого прошлого Юго-Восточной Европы.

Военное дело Боспора в последующий, римский, период рассмотрено в уже вышедшей в свет книге из серии «Militaria Antiqua» (Вып. II): В. А. Горончаровский. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. — СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Филоматис», 2003.

ISBN 5-85803-262-1

9 785858 032623

© «Петербургское Востоковедение», 2004

© Ю. А. Виноградов, 2004

Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

«Там закололся Митридат...» В качестве названия книги избрана строка А. С. Пушкина, отражающая одно из ярчайших событий древней истории Крыма — гибель в Пантикапее (совр. Керчь) понтийского царя Митридата VI Евпатора. Это событие знаменовало собой завершение грандиозной борьбы между Понтом и Римом за гегемонию в античном мире (подробнее см. ниже, глава XI). Вообще же, отвлекаясь от этих конкретных событий, следует признать, что война — фундаментальный фактор мировой истории, или, выражаясь другими словами, «история вопиет войнами». По этой причине можно уверенно говорить, что военная история является важнейшей составляющей мирового исторического процесса, и ее изучение имеет вполне самостоятельный научный интерес. Большое значение в этом отношении имеет не только исследование военных кампаний, передвижений войск или хода сражений, но и общее состояние военного дела втянутых в конфликт обществ, т. е. способ вооружения, особенности комплектации войск, их структура, тактические приемы ведения боевых действий и т. п. Обозначенные аспекты, разумеется, определяются многими причинами внутреннего развития, а также внешнеполитическими факторами, сложное переплетение которых также заслуживает специального изучения. С другой

стороны, нет никаких сомнений в том, что военное дело самым активным образом оказывает влияние на историческое развитие всех государств и всех народов, начиная с самой глубокой древности. Надо признать, что в последние годы интерес к военной истории и военному делу заметно повысился, в полной мере это относится и к военной истории античного мира.

Наиболее крупным античным государством, которое сложилось на северном берегу Черного моря в результате греческой колонизации региона, был Боспор (рис. 1; 2). Свое название государство получило от древнего наименования Керченского пролива (Бос-

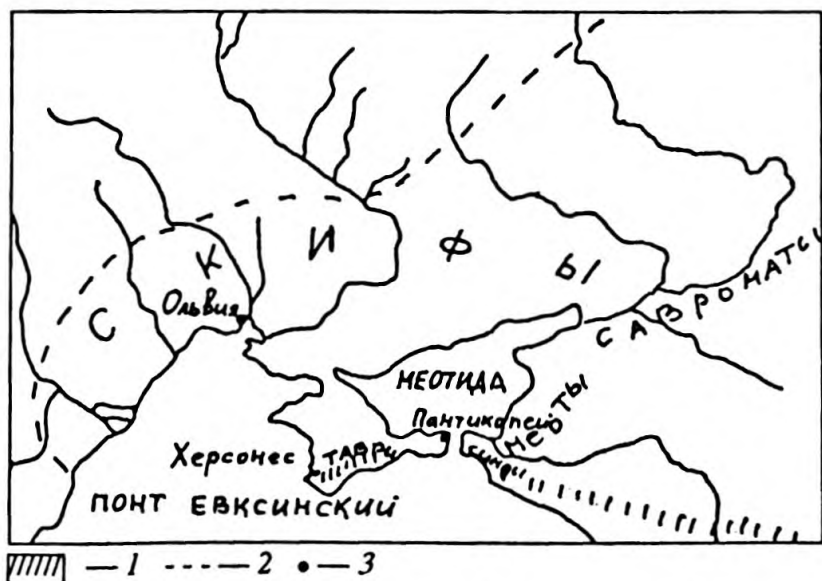

Рис. 1. Северное Причерноморье в скифскую эпоху:

- 1 — горы; 2 — граница степей и лесостепей;
3 — главные греческие колонии

Рис. 2. Греческие колонии Боспора Киммерийского

пор Киммерийский). Его тысячелетняя история демонстрирует сложнейший путь развития, наполненный самыми различными событиями, в том числе и военными. В их череде выделяю главные — возникновение на берегах пролива небольших греческих городов-государств (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Кепы и др.), создание оборонительного союза (симмахии) под главенством Археанактидов, образование единого монархического государства во главе с династией Спартокидов, переход Боспора под власть понтийского царя Митридата VI Евпатора, участие в грандиозной борьбе за гегемонию в Средиземноморье, которую Митридат начал с Римом, поражение Митридата в этой борьбе и вхождение Боспорского царства в сферу римского влияния.

К сожалению, в научной и популярной литературе военной истории и военному делу Боспора не уделяется должного внимания. По большей мере, эти вопросы рассматриваются в общих очертках развития военного дела в античных государствах Северного Причерноморья¹. Любопытно, но специальное исследование «Армия Боспорского царства» издано лишь в Польше², в России же ничего подобного до сих пор нет. Данная книга призвана в какой-то мере заполнить пробел и, как надеется автор, привлечь внимание исследователей (прежде всего молодых исследователей!) к изучению этого интереснейшего предмета. Следует сразу подчеркнуть, что многие содержащиеся в работе выводы и реконструкции являются не более чем гипотезами, нуждающимися в дальнейшем исследовании и в проверке новыми материалами.

Книга посвящена военному делу Боспора доримской эпохи, иными словами, в хронологическом отношении она охватывает более чем 500 лет боспорской истории от появления греческих колоний (рубеж VII и VI вв. или первая половина VI в. до н. э.) до поражения Митридата Евпатора и его смерти в 63 г. до н. э.

Автор

¹ Блаватский, 1954; Петерс, 1984.

² Mielczarek, 1999. В отечественной литературе следует отметить также ряд статей: Сокольский, 1954; 1955; Григорьев, 2000.

ГРЕКИ И ВАРВАРЫ НА БОСПОРЕ. ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Вряд ли могут возникнуть сомнения, что на Боспор, как и в другие районы греческой колонизации, была перенесена система военного дела, сложившаяся к тому времени в метрополии, т. е. в Древней Греции. В полной мере следует признать и то, что основные изменения в характере вооружения, фортификационного строительства и т. д., которые вырабатывались в Древней Греции, распространялись в мире греческих колоний достаточно быстро. Вместе с тем македонская фаланга или даже строй римских манипул в условиях Северного Причерноморья вряд ли могли быть с успехом применены. Жизнь на окраине античного мира в окружении многочисленных воинственных варварских племен диктовала свои законы, и это направление политических, экономических, культурных связей определяло в военном деле Боспора очень многое.

В этом отношении необходимо особо подчеркнуть, что колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма специфических условиях, по-

скольку их соседями оказались не только земледельческие племена, как это было в Западном Средиземноморье (Сицилия, юг Апеннинского полуострова и др.), но и кочевнические. Сопричастность греческих государств региона, в том числе (а вероятно, можно сказать — прежде всего) Боспора Киммерийского, к историческим судьбам великого пояса евразийских степей, ритмам Евразии, о которых много писал Л. Н. Гумилев, позволяет рассматривать их историю в этом глобальном контексте. Столь большое внимание к кочевническому фактору в истории греческих государств Северного Причерноморья определяется целым рядом обстоятельств. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что кочевники (номады) по причине своей военной силы и мобильности всегда создавали очень большие проблемы для соседних оседлых народов и государств постоянными набегами или даже масштабными завоеваниями. Крупный специалист в области изучения номадизма А. М. Хазанов справедливо указывает на то, что вплоть до нового времени с его революцией в области вооружений оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников. Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номадов с таким расчетом, чтобы те защищали земледельческие территории от нападений других номадов³. Следующее важнейшее обстоятель-

³ Khazanov, 1984. P. 222—223, 263.

ство заключается в том, что на историю греческих колоний региона и, разумеется, на их военное дело особое влияние имели изменения военно-политической обстановки, которые периодически (раз в 200—300 лет) происходили в степях Северного Причерноморья в связи с продвижением на запад с востока новых и новых кочевых народов. Совсем не случайно время вторжения кочевников на новые территории в научной литературе получило название «периода завоевания родины», т. е. борьбы пришельцев за обладание районом с прежними его хозяевами. Вполне очевидно, что передвижение кочевников из глубин Азии, как правило, приводило к дестабилизации военно-политической обстановки во всем Северном Причерноморье, накладывало заметный отпечаток на последующее развитие всех районов, прилегающих к поясу степей. «Новые номады» часто приносили с собой из Азии новые приемы ведения боевых действий и новые предметы вооружения: типы луков, стрел, мечей, детали снаряжения боевых коней — седла, стремяна и т. д. Каждое вторжение, таким образом, вносило определенные перемены в устоявшуюся за десятилетия систему военного дела как местных варварских племен, так и греческих государств. Заимствование передового опыта в военной сфере у своих соседей, как можно считать, являлось одним из важных элементов адаптации греков-колонистов к грандиозным этническим и военно-политическим переменам, имевшим место в степях северного берега Черного моря, без такой адаптации существование колоний в чуждом для них и часто враждебном окружении вообще вряд ли могло

стать сколько-нибудь продолжительным и продуктивным. Обозначенная закономерность, связанная с периодическим продвижением на запад новых волн азиатских кочевников (скифы, сираки, аорсы, роксоланы, языги и т. д.), позволяет связать с ними важные этапы в развитии античных государств Северного Причерноморья. Исходя из этого, историю Боспора доримской эпохи можно разделить на семь основных этапов.

К сожалению, боспорская история в трудах древних историков и географов освещена весьма фрагментарно, в такой ситуации принципиальное значение приобретают результаты археологического изучения древних городов, сельских поселений, могильников и т. д. Однако, как хорошо известно, современная античная археология позволяет датировать раскопанные памятники в пределах четверти или трети столетия, более точные («узкие») датировки пока невозможны. Предлагаемая периодизация, базирующаяся в основном на данных археологии, закономерно имеет достаточно условные хронологические рамки многих из выделенных периодов. Иного сейчас предположить просто невозможно — присутствующие в сочинениях древних авторов точные даты событий, имевших в истории Боспора ключевое значение (480/79, 438/37, 310/9, 63 гг. до н. э.), представляют собой, скорее, исключение из общего правила.

Семь периодов истории Боспора доримского времени можно кратко определить следующим образом:

1. Рубеж VII и VI вв. или первая половина VI в. до н. э.—480/79 г. до н. э. — период появления греков на берегах Керченского пролива, налаживания их свя-

зей с местными племенами, время относительно мирных и стабильных взаимоотношений в регионе.

2. 480/79—438/37 гг. до н. э. — период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока. Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами.

3. 438/37 г. до н. э.—рубеж IV и III вв. до н. э. — период стабилизации в степях, «золотой век» эллинизма в Северном Причерноморье. В начале этого периода власть на Боспоре перешла к Спартокидам, которые вскоре создали самое большое в регионе государство. В его состав вошли как греческие колонии Боспора Киммерийского, так и некоторые местные варварские племена; формой правления в государстве стала наследственная монархия. Период отличают теснейшие союзнические связи Боспорского государства с Великой Скифией.

4. Первая половина III в. до н. э. — время крушения Великой Скифии под ударами сарматов, продвигавшихся в степи Подонья и Прикубанья с востока. Период дестабилизации военно-политической обстановки в регионе и одновременно переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III—первая половина II в. до н. э. — период относительной стабилизации в степях Северного Причерноморья, особенно ярко проявившейся

ся на Боспоре, время продолжения и развития тесных связей с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II в. до н. э.—107 г. до н. э. — новая дестабилизация в степях Северного Причерноморья, вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Боспор, как и другие государства региона, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107—63 гг. до н. э. — Боспор в составе Всепонтийской державы Митридата. В разразившейся тогда борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор для владыки Понта стал важнейшим стратегическим пунктом в плане осуществления контроля над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее стали теми событиями, которые как бы подвели итог более чем пятивековому развитию Боспора.

В дальнейшем повествовании военная история Боспора рассматривается в обозначенных хронологических границах, каждому из выделенных периодов, как правило, соответствует отдельная глава. Но прежде чем перейти к изложению этих сюжетов, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать военное дело скифов, то есть народа, населявшего Северное Причерноморье и определявшего здесь военно-политическую ситуацию в то время, когда на берегах Керченского пролива появились греки.

ГЛАВА II

ВОЕННОЕ ДЕЛО СКИФОВ

Во время греческой колонизации северного берега Черного моря в степях региона господствовали скифы. Многочисленные археологические материалы, а также изображения скифских воинов на предметах искусства позволяют уверенно считать, что прежде всего они были конными лучниками (рис. 3; 4)⁴. Любопытно, однако, что единственный скифский лук неплохой сохранности был найден в одном из курганов IV в. до н. э. группы Три брата под Керчью⁵ (рис. 5). Этот сложный лук состоял из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры. Скифские стрелы имели длину 0,60—0,70 м, их наконечники делались в основном из бронзы. Наиболее ранние наконечники (VII—VI вв. до н. э.) имели листовидную или ромбическую форму, выступающая втулка порой снабжалась острым шипом (рис. 6, б). Правда, уже тогда появились наконечники трехлопа-

⁴ О военном деле скифов см.: Мелюкова, 1964; Черненко, 1981.

⁵ Бессонова, 1973. С. 250. Рис. 6.

1

2

3

4

5

Рис. 3. Изображения скифских воинов:

1 — изображения на амфоре из кургана Чертомлык;
2—4 — золотые бляшки из Куль-Обы; 5 — каменное изваяние
из Донецкой области

Рис. 4. Электровый сосуд из кургана Куль-Оба
с изображением скифов

стной или трехгранной формы, которые вытеснили более ранние к концу VI в. до н. э.

Лук и стрелы укладывались в специальный футляр («горит») имеющий трапециевидную или прямоугольную форму. Гориты изготавливались из дерева, обтягивались кожей, иногда украшались нашивными бляшками и т. п. Хорошо известны золотые обкладки горитов, открытые в скифских царских курганах IV в. до н. э. (Чертомлык, Мелитопольский, Пять Братьев и др.).

Вторым широко распространенным видом наступательного вооружения скифов и других варваров Северного Причерноморья были копья длиной 1,70—2,20 м. Копья имели железные наконечники с пером листовидной формы и втулкой для насаживания на древко (рис. 6, 8—9), они, конечно, использовались не только в ближнем бою, но и для метания по противнику. Для метания использовались также дротики (рис. 6, 7). Последние представляют немалый научный интерес, поскольку, скорее всего, являются оружием местного северопричерноморского происхождения, появившимся здесь довольно поздно — в V в. до н. э. По размерам дротики не отличаются от копий, но их наконечники выделяются явным своеобразием. Прежде всего это относится к размерам — тенденция развития таких наконечников сводится к увеличению длины до 0,40 и даже 0,50 м. Следует указать на своеобразие формы, поскольку наконечник дротика состоит не из двух обычных для копья частей (втулка и перо), а из трех: втулка, стержень и перо. На втулку, в которой

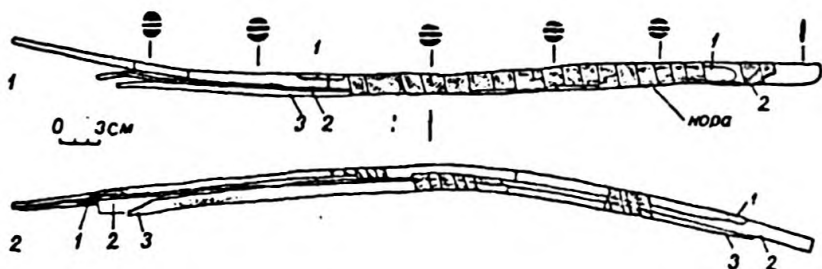

Рис. 5. Деревянный лук из Трехбратнего кургана под Керчью, вид с двух сторон (по С. С. Бессоновой)

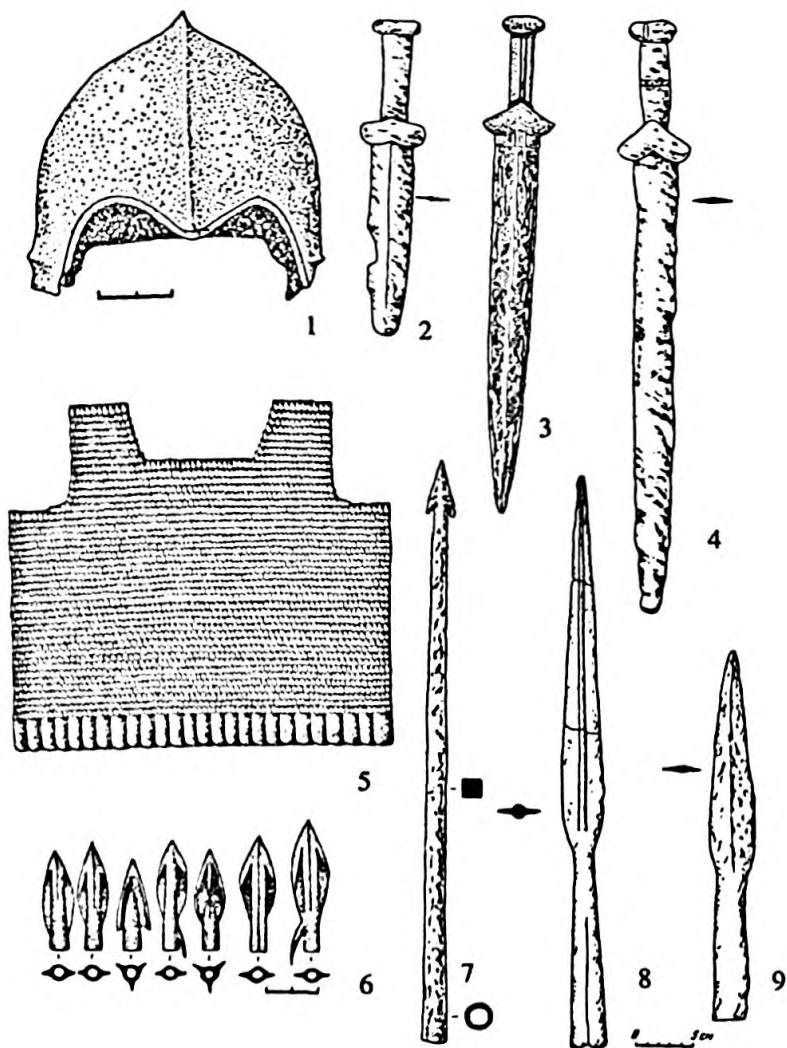

Рис. 6. Вооружение скифов:

1 — бронзовый шлем; 2—4 — мечи; 5 — чешуйчатый панцырь;
 6 — бронзовые наконечники стрел; 7 — наконечник дротика;
 8—9 — наконечники копий (1, 3, 6 — по В. А. Ильинской
 и А. И. Тереножкину; 2, 4, 5, 7—9 — по А. И. Мелюковой)

крепилось древко, приходится приблизительно $1/3$ длины наконечника, далее следует еще более длинный постепенно сужающийся к концу стержень, завершающийся небольшим жаловидным пером. Это перо с двумя боковыми шипами имеет очень небольшие размеры, составляющие приблизительно $1/10$ длины наконечника. Дротик такого типа можно признать очень хорошим метательным орудием, несколько приближающимся к идеальному метательному копьё — римскому «пилуму»⁶. Любопытно, что они использовались не столько степняками-кочевниками, сколько земледельческими племенами Прикубанья и лесостепей Северного Причерноморья.

Мечи были оружием ближнего боя и использовались для нанесения колющих и рубящих ударов. Скифские мечи («акинаки», как их обычно называют) имели длину 0,50—0,70 м (мечи длиной в 1 м встречаются

⁶ Считается, что такие метательные копьё легионеры получили уже к концу II в. до н. э. Пилум имел очень длинный наконечник и небольшое напоминающее наконечник стрелы острие. По описанию Полибия (VI, 29), наконечник пилума и древко имели равную длину — около 1,35 м, при этом древко на половину длины вставлялось во втулку наконечника. Таким образом, получалась трехчастная конструкция общей длиной около 2,1 м, в которой из трех равных по длине частей самой тяжелой была центральная (втулка с вставленным в нее древком). Такое устройство обеспечивало оптимальный режим полета копьё. При этом даже если противник не был поражен и пилум втыкался в щит, его тонкий наконечник сгибался, а длинное древко мешало свободному движению воина.

ся редко), кинжалы были короче — 0,30—0,40 м. Мечи и кинжалы при этом отличались лишь размерами, но не оформлением рукояти (рис. 6, 2—4). Перекрестие, отделявшее рукоять от лезвия, имело, по определению специалистов, «сердцевидную», «бабочковидную» или «почковидную» форму; на поздних экземплярах оно могло быть почти треугольным. Рукоять заканчивалась навершием брусковидной или овальной формы. В V в. до н. э. появились мечи и кинжалы с так называемыми «антенными» навершиями (см. рис. 10, 4—5).

Щиты у скифских воинов были овальной, прямоугольной или почти квадратной формы. Панцири принадлежали к типу доспехов с металлическим пластинчатым набором или, иными словами, к типу чешуйчатых доспехов (рис. 6, 5). Основание таких панцирей было кожаным, на него нашивались продолговатые металлические пластинки, в основном железные; для этой цели в верхней части каждой из них имелись специальные отверстия. Пластинки нашивались на основу горизонтальными рядами с таким расчетом, чтобы верхний ряд частично перекрывал нижележащий. Изготовленные таким образом чешуйчатые панцири были достаточно гибкими и удобными, они надежно защищали воина от ударов вражеских мечей и копий.

Ранние скифские шлемы (VII—VI вв. до н. э.) отливались из бронзы. Их полусферическая форма, возможно, восходит к китайским прототипам, т. е. имеет очень глубокие восточные корни. В Скифии находки таких шлемов происходят в основном из курганов

Прикубанья, поэтому их часто называют шлемами «прикубанского типа» (рис. 6, 1). Позднее скифская аристократия стала использовать защитное вооружение греческого производства — шлемы и поножи, панцири же всегда оставались своими «родными» — чешуйчатыми.

Так, в общих чертах, выглядело вооружение потенциальных противников греков на северном берегу Черного моря, однако можно сказать и иначе — так вооружались потенциальные союзники в случае возникновения конфликта, при этом отнюдь не только с какими-то варварскими группировками, но и с соседями-греками. Междоусобные споры, кровавые распри, братоубийственные войны — постоянные спутники всей греческой истории, и вряд ли здесь уместна какая-либо идеализация колонистов Боспора. Скорее всего, они без особых колебаний приглашали варварские дружины для помощи в борьбе с чем-то досадившими им соплеменниками из других колоний.

Вообще военный потенциал скифов, вне всякого сомнения, следует оценить как весьма высокий. Среди проведенных ими победоносных войн прежде всего следует назвать войну с персидским царем Дарием, которая, вероятнее всего, имела место между 515 и 512 гг. до н. э.⁷ Эта война хорошо описана в четвертой книге «Истории» Геродота, которого, как известно, за это сочинение называли «Отцом истории». Геродот нарисовал впечатляющую картину противостояния персов и скифов, наполненную массой подробно-

⁷ Об этой войне см.: Черненко, 1984.

стей и ярких деталей, но вместе с тем имеющую немалое количество и неясных, непонятных для современных ученых мест. Не вызывает сомнения, однако, что скифы тогда успешно применили стратегический план, сочетающий заманивание противника вглубь территории с тактикой «выжженной земли». Потеряв большую часть войска, Дарий вынужден был уйти из Скифии. Такая же печальная судьба ожидала Зопириона, полководца Александра Македонского (Юстин, XII, 1). В связи с этим, правда, необходимо привести весьма авторитетное мнение историка Фукидида, писавшего, что «нет народа, который сам по себе мог бы устоять перед скифами, если бы они были едины» (Фукидид, II, 97, 5). Единства в действиях скифов, как можно полагать, очень часто не хватало.

ГЛАВА III

ГРЕКИ НА БЕРЕГАХ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Боспор Киммерийский в сравнении с другими районами греческой колонизации Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес Таврический) интересен рядом особенностей (рис. 1; 2). Прежде всего необходимо подчеркнуть, что древние греки именно здесь проводили границу между Европой и Азией, по их представлениям, она шла по Керченскому проливу (Боспору Киммерийскому), а дальше к северу — по восточному берегу Азовского моря (Меотиды) и по реке Дон (Танаис). По этой причине в научной литературе Восточный Крым стал именоваться европейским Боспором, а Таманский полуостров — азиатским. Но не эти необычные для нас географические границы представляют главную особенность района.

В первую очередь следует акцентировать внимание на том, что греки вывели сюда сразу несколько колоний: в Восточный Крым — Пантикапей (будущую столицу Боспорского царства), Нимфей и Феодосию, а

на Таманский полуостров и прилегающие территории — Фанагорию, Кепы, Гермонассу и Синдскую Гавань (Горгиппию). Своим экономическим и политическим влиянием в их ряду, очевидно, сразу стал выделяться Пантикапей, расположенный в чрезвычайно удачном месте (совр. г. Керчь). Кроме названных семи городов-государств (полисов) на берегах пролива было расположено большое количество небольших городков (Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Киммерик, Патрей и др.), которые, очевидно, входили в состав того или иного полиса и никогда не были независимыми центрами. В общем, приходится признать, что в античное время район Боспора был заселен очень густо.

Второе важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, заключается в том, что колонисты здесь оказались в самом тесном соприкосновении с различными варварскими племенами — как земледельческими, так и кочевыми. Керченский полуостров, как известно, на западе подходит к Крымским горам, населенным в то время таврами, отличавшимися крайним консерватизмом, нелюбовью к иностранцам и вообще всему иноземному. Тавры занимались морским разбоем и, по свидетельству Геродота, приносили в жертву своей богине Деве всех захваченных ими эллинов, а также потерпевших кораблекрушение у крымских берегов (Геродот, IV, 103). Лучше у греков развивались отношения с земледельческими племенами Прикубанья — меотами и, особенно, синдами.

Особо следует акцентировать внимание на отношениях с кочевыми скифами, поскольку представляется возможным считать, что на берегах пролива ко-

лонисты в первую очередь столкнулись именно с ними. Бесценную информацию в этом отношении оставил Геродот, который в своей «Истории» отметил, что зимой, когда лед сковывает пролив, «скифы... толпами переходят по льду и на повозках переезжают в землю синдов» (IV, 28). Из контекста этого сообщения вполне очевидно, что скифы переправлялись из Восточного Крыма на Таманский полуостров, где обитали земледельческие племена синдов. Есть основания полагать, что Геродот описал здесь сезонные перекочевки какой-то части скифской орды, обитавшей в степях Северного Причерноморья, на зимние пастбища Прикубанья, всегда очень привлекательные для кочевников.

Нетрудно представить, что эти передвижения номадов через район Керченского пролива могли представлять серьезную угрозу для греческих колоний. Возможно, по этой причине греки здесь долго не рисковали осваивать земли, далеко отстоящие от их первоначальных поселений, во всяком случае, современная археология фиксирует практически полное отсутствие деревень в глубинных районах Восточного Крыма. Греческие колонисты на Боспоре предпочитали селиться сравнительно крупными поселениями в местах, удобных для обороны, на небольшом расстоянии друг от друга. Постепенно эти поселения превратились в города, в основном сравнительно некрупные, которые, тем не менее, достаточно быстро обзавелись фортификационными сооружениями.

Показательно, что среди всех колоний Северного Причерноморья самые ранние оборонительные сооружения были открыты археологами именно на Боспо-

ре — в Мирмекии и Порфмии. В обоих случаях возведению стен предшествовали масштабные пожары. Следует подчеркнуть, правда, что в слоях пожаров не было обнаружено наконечников стрел, обломков оружия и прочих находок, которые позволили бы уверенно судить о развернувшихся боевых действиях, однако сама возможность их на Боспоре около середины VI в. до н. э. вполне допустима.

В Мирмекии после пожара каменными стенами был укреплен акрополь (наиболее возвышенная часть) поселения. Все удобные для подъема наверх места по склону горы были перекрыты мощными каменными кладками необычного «мозаичного» облика (ширина — 1 м), примыкающими к обрывистым выходам скалы. Эти каменные конструкции, вероятнее всего, представляли собой лишь цокольные части стен, выше которых шла кладка из сырцовых кирпичей, что вообще очень характерно для архитектуры Древней Греции. Стены в совокупности образуют систему (выявленная длина более 20 м), состоящую из двух уступов, или бастioned. Оборонительное значение этой конструкции вполне очевидно (рис. 7). Общий облик ранних укреплений Порфмия очень близок мирмекийским, что заметно выделяет их из совокупности городских стен более поздних эпох. Складывается впечатление, что башен ранние оборонительные системы Боспора не имели, это, кстати, характерно и для метрополии большинства боспорских колоний города Милета в Малой Азии.

Почти нет сомнений, что нападения на греческие поселения Боспора совершали небольшие отряды ко-

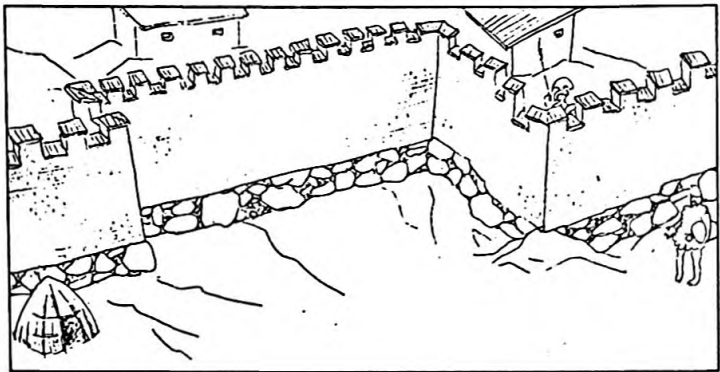

Рис. 7. Укрепления акрополя Мирмекия второй половины VI в. до н. э. (реконструкция И. О. Гурова)

чевников, а не крупные армии, — малочисленные группы первых колонистов им бы просто не сумели противостоять. В такой ситуации необходимо было научиться договариваться с варварами, и греки, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве, — по одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя. Следует оговориться, правда, что в таком контексте несколько странным выглядит сообщение древнего географа Страбона, который, рассуждая об истории Северного Причерноморья, заметил следующее: «Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (Страбон, XI, 2, 5). Когда греки изгнали скифов с Боспора и было ли это на самом деле, с уверенностью сказать чрезвычайно затруднительно; очень может быть, что

этот пассаж Страбона как-то связан с событиями, речь о которых пойдет ниже (см. главу IV). Во всяком случае, трудно поверить в то, что подобное могло иметь место в момент основания колоний.

С другой стороны, вряд ли могут быть сомнения в том, что варварская стихия всегда оставалась мало-предсказуемой, и отдельные конфликты колонистов с туземцами, конечно, имели место с самого раннего времени. Для правильного понимания особенностей взаимоотношений греков со скифами, на мой взгляд, принципиальное значение имеют некоторые суждения Лукиана Самосатского, писателя-сатирика, эрудита и интеллектуала своего времени (около 120—190 н. э.). В одном из его диалогов, «Токсарид или дружба», отмечается, что на территорию Боспора совершали нападение отдельные отряды скифов, которые названы разбойниками и за действия которых остальные скифы ответственности не несли (Лукиан. Сочинения. Токсарид или дружба, 49). Ситуацию, которую описал Лукиан, скорее всего, следует относить к концу IV—началу III в. до н. э., но вряд ли она была характерна только для этого времени, напротив, такое положение представляется очень типичным. Вполне возможно, что отдельные разбойничающие отряды скифов могли представлять опасность для греков даже тогда, когда между Скифией и Боспором существовали нормальные отношения, скрепленные договорами и взаимными клятвами. Для разбойников эти договоры и клятвы, конечно, не имели никакого значения. Результатом действий таких разбойничающих групп, вероятнее всего, стали упоминавшиеся выше крупные пожары в Мир-

мекии и Порфмии. В связи с этим можно привести и такой показательный археологический факт, как открытие в Нимфее захоронения мужчины, убитого скифской стрелой, наконечник которой застрял в левой лопатке. Погребение датируется последней четвертью VI в. до н. э.⁸

Нападениям варваров греки противостояли обычным для себя образом, защищая городские стены или же выступая за их пределы. В последнем случае на поле боя они, скорее всего, строились фалангой. Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII в. до н. э., т. е. задолго до освоения греками северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок тяжеловооруженных пехотинцев («гоплитов»), тесно сомкнутый в шеренги, число которых в классическое время обычно достигало восьми. Воины строились в длинные шеренги плечом к плечу и одновременно в ряды в затылок друг другу с таким расчетом, чтобы в случае ранения или смерти впереди стоящего его место занял воин, находящийся сзади. Сомкнув щиты и оцетинившись копьями, фаланга медленно двигалась на врага — передвижение бегом, о котором изредка сообщают древние авторы, было, очевидно, исключительным случаем, поскольку построение тогда легко спутывалось, перемешивалось, нарушалась столь необходимая для него монолитность. Очень уязвимые фланги и тыл фаланги должны были защищать отряды легковооруженных воинов и конницы. По всей видимости, бой

⁸ Грач, 1999. С. 28.

начинался с действий именно легковооруженных воинов, которые метали в неприятеля дротики и камни; вполне возможно, что в самом начале создания фаланги гоплиты тоже бросали по рядам противника метательные копья, но позднее греки как будто полностью отказались от использования метательного оружия тяжеловооруженными воинами, и это, безусловно, увеличило ударную силу их компактного боевого построения. Главным моментом сражений, которые разыгрывались между армиями древнегреческих государств, было лобовое столкновение фаланг, так сказать, «стенка на стенку». После удара копьями начинался рукопашный бой, и главную роль в нем играли уже не копья, а мечи; преследование разбитого противника осуществляли отряды конницы и, очевидно, опять же легковооруженные воины.

К слабым сторонам построения фалангой, кроме уже отмеченных обстоятельств, вне всякого сомнения, следует относить и то, что она абсолютно не приспособлена к действиям на пересеченной местности. Недостатков у фаланги, как видим, было немало, но достоинства ее в сравнении с боевыми порядками (точнее, отсутствием таковых) у потенциальных противников просто неоспоримы. В полной мере можно согласиться с древним географом Страбоном, который, вероятно, не очень преувеличивал, когда писал, что «против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бессильным» (Страбон, VII, 3, 17).

Возвращаясь к боспорским колониям, следует признать, что военные акции за пределами укреплений,

безусловно, должны предполагать сотрудничество нескольких городов-государств, поскольку сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов может быть эффективным только при наличии определенного минимума бойцов. Среднее боспорское поселение даже во время расцвета вряд ли могло выставить больше нескольких десятков воинов, что представляется явно недостаточным для открытого боя, а вот несколько сотен уже можно считать серьезной боевой силой. Необходимость обороны от враждебно настроенного варварского окружения, как можно считать, достаточно скоро стала способствовать развитию здесь военной кооперации, которая со временем привела к возникновению оборонительного союза и даже сложению единого государства, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Греки вообще высоко ценили свою систему вооружения, построения фалангой, тактику ведения боевых действий. Несмотря на недостаток конкретных материалов, имеются основания считать, что классический для Древней Греции набор вооружения гоплита (шлем, панцирь, круглый щит, поножи; копье и меч) был полностью принесен колонистами на Боспор. Ранних греческих шлемов здесь, к сожалению, не сохранилось, однако известны два скульптурных изображения шлемов (из Пантикапея и Фанагории), которые, очевидно, венчали надгробные стелы (рис. 8, 1—2)⁹. Оба изображения вырублены из местного известняка, т. е., вне всякого сомнения, изготовлены на Боспоре, что

⁹ См. Иванова, 1948. С. 31—35; Соколов, 1972. С. 184—191; Толстиков, 1999. С. 122—137.

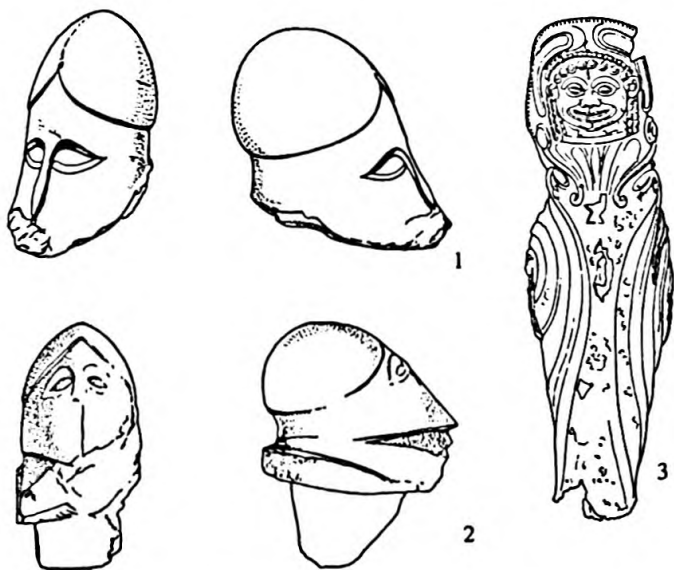

Рис. 8. Изображения коринфских шлемов (1—2)
и бронзовой поножи (3)

представляется принципиально важным для реконструкции общего набора вооружения боспорских воинов. Надгробия представляют шлемы так называемого коринфского типа, которые можно датировать не позднее начала V в. до н. э.

Такие шлемы были широко распространены в Древней Греции. Они хорошо защищали голову воина, полностью закрывали лицо, оставляя горизонтальную прорезь для глаз и вертикальную для облегчения дыхания. Этот тип, как считается, появился в конце VIII в. до н. э., его «родиной» был город Коринф, хо-

тя, разумеется, подобные шлемы могли изготавливаться и в других центрах. Ранние коринфские шлемы имели почти цилиндрическую форму, классические же шлемы этого типа (конец VII—VI в. до н. э.) отличаются более округлыми очертаниями с выделенным нашейником и несколько оттянутой вперед лицевой частью. За ними закрепилось название группы Мирроса, предложенное немецким ученым Э. Кунце, основанием для этого послужил хранящийся в Будапеште шлем, на котором прочерчено имя владельца. Самые поздние коринфские шлемы в Греции относятся к началу V в. до н. э., в них греческие воины вступили в полосу Греко-персидских войн. К этому типу, очевидно, следует относить керченские находки.

Поздние образцы коринфских шлемов сосуществовали с новым типом шлемов — халкидским, сложившимся во второй половине VI в. до н. э. Эти шлемы имели выделенный нашейник, наносник и нащечники; нащечники были двух вариантов — неподвижные и подвижные, т. е. прикрепленные к шлему на петлях (см. рис. 17, 3; 21, 3). Сформировавшись, вероятно, в области материковой Греции (Халкидике), этот тип впоследствии пользовался очень широкой популярностью, халкидские шлемы подобно коринфским, могли изготавливаться в самых различных производственных центрах. Халкидский тип шлемов, в частности, воспроизводится на многочисленных аттических краснофигурных вазовых росписях, по этой причине его порой именуют также аттическим. На Боспоре находки таких шлемов относятся к сравнительно позднему времени (IV в. до н. э.), о чем под-

робнее будет сказано ниже. В связи с изображениями шлемов в древнегреческом искусстве необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. На памятниках греческой скульптуры, рельефах и росписях коринфские шлемы встречаются достаточно часто и довольно долго, даже тогда, когда в реальной жизни они уже давно были вытеснены халкидскими. Есть веские основания считать, что такие изображения можно трактовать как признак героизации представленных персонажей. Коринфский шлем в этих композициях как бы возвращал зрителей к далеким, славным временам, ставил современных воинов в один ряд с «бойцами марафонскими», героями Фермопильского ущелья и т. п. Уже говорилось, что на Боспоре известны находки шлемов халкидского типа, но на памятниках боспорского искусства можно видеть только коринфские (рис. 8, 1, 2; 18), и такое положение, конечно, нельзя считать случайным.

Среди защитного вооружения тяжеловооруженного воина большое значение имел большой круглый щит (0,8—1,0 м в диаметре), который был создан греками в конце VIII в. до н. э. Важнейшее отличие этого щита от более ранних заключается в том, что он имел не одну, а две ручки на внутренней стороне: первая находилась в центральной части, через нее левая рука воина проходила почти по локоть, вторая ручка находилась у самого края, она удерживалась кистью руки. Порой эта ручка заменялась веревочкой, пропущенной через небольшие петли по всему периметру щита. Современному человеку, привыкшему видеть изображения воинов на произведениях античного или сред-

невекового искусства, кажется вполне очевидным, что щит с двумя ручками существовал всегда, так сказать, изначально. На самом деле это, конечно, не так. Самые ранние щиты, в том числе и на территории Греции, имели одну ручку и представляли собой что-то вроде заслонки, не очень удобной на поле боя, в особенности в регулярном боевом построении. Древние греки в конце VIII в. до н. э., поместив на щит вторую ручку, произвели настоящую революцию в военном деле. Следует отметить, правда, что не все древние народы — даже те, что имели тесные связи с греками, — восприняли от них это изобретение. У скифов, к примеру, щиты оставались такими «заслонками» еще в IV в. до н. э. (рис. 19). Необходимо особо подчеркнуть, что это нововведение значительно повысило боевые качества щита, позволило изменить всю тактику ведения боевых действий; некоторые ученые даже считают, что именно новый тип щита создал возможность построения фалангой, сделал греческую пехоту непобедимой на протяжении нескольких столетий.

Круглые щиты гоплитов изготавливались из дерева, иногда полностью покрывались листом бронзы, но чаще обтягивались кожей и обивались по краю металлом, в центральной части порой крепилась специальная эмблема, которая первоначально, скорее всего, связывалась с какими-то сакральными представлениями. В архаическое время эмблема изготавливалась из бронзы в виде плоской фигурной пластины или рельефа, часто с изображением животных, птиц, личины горгоны Медузы и т. д., и, безусловно, служила дополнительным усилением щита. Во время войн с пер-

сами распространился обычай прикреплять к нижней части щита специальный кожаный коврик (фартук), предохраняющий ноги воина от неприятельских стрел. В археологических контекстах находки щитов чрезвычайно редки, поскольку органические материалы, из которых они изготавливались, легко разрушаются. При раскопках погребений и святилищ, правда, порой встречаются металлические обивки таких щитов, бронзовые бляхи и т. п., но на Боспоре подобных находок, относящихся ко времени греческой колонизации района, пока не известно.

Отсутствуют и находки металлических панцирей, хотя их бытование здесь не вызывает особых сомнений. Панцирь — это важная составная часть оборонительного вооружения воина Древней Греции. Наиболее ранняя находка греческого доспеха относится к последней четверти VIII в. до н. э. — это бронзовый панцирь из Аргоса так называемого колоколовидного типа, аналогии которому происходят из Центральной Европы. Он состоит из двух половин (передней и задней), скрепленных между собой системой застёжек и шпилек. Любопытно, что на обеих частях условно воспроизведены анатомические детали: мышцы живота, груди — на передней части и, соответственно, лопатки — на задней.

Нет сомнения, что тогда и позднее в Древней Греции широко бытовали более легкие и дешевые холщовые панцири. Что касается металлического доспеха, то с течением времени он трансформировался в элегантную «мускульную кирасу» (или «анатомический» панцирь), название которой, закрепившееся в научной

литературе, происходит от четкой моделировки мышц живота, груди и спины на ее поверхности. Греки, очевидно, называли этот доспех «торакс».

Набор защитного вооружения греческого тяжело-вооруженного воина завершают поножи («кнемиды»), которые защищали голень от стопы до колена. Логично предполагать, что их прототипом были какие-нибудь кожаные защитные приспособления, позднее дополненные металлическими деталями. Каноническую форму кнемиды получили с VII в. до н. э., когда их высота стала составлять приблизительно 40 см. Поножи архаического и классического времени изготавливались из бронзового листа, плотно облевали ногу и не имели специальных скреп в задней части. Как и на панцирях, их поверхность часто имела орнаментацию, передающую форму мышц икры и коленной чашечки, или же украшалась иным образом.

По подсчетам Л. К. Галаниной, на Боспоре найдено 15 экземпляров поножей, что составляет приблизительно четверть всех подобных находок в Северном Причерноморье¹⁰. Считается, что все они относятся к IV в. до н. э., однако это не совсем так — среди древностей Боспора Киммерийского известны великолепные бронзовые поножи, обнаруженные в одном из курганов под Керчью, которые, безусловно, следует датировать второй половиной VI в. до н. э. (рис. 8, 3). Именно архаические греческие поножи имеют богатую орнаментацию, что так характерно для керченской находки, — коленные чашечки здесь украшены маска-

¹⁰ Галанина, 1965. С. 5—27.

ми горгоны Медузы; на выпуклостях, соответствующих икроножным мышцам, помещено по волюте; ва-лики, имитирующие длинные узкие мышцы голени, заканчиваются головами бородатых змей. Вдоль края имеются мелкие отверстия, образующие как бы кай-му, что опять же характерно для подобных изделий времени архаики. Вообще же следует особо подчерк-нуть, что данные поножи являются одной из самых ранних и, безусловно, самой эффектной деталью гре-ческого защитного вооружения из обнаруженных не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерно-морье.

Наступательное вооружение греческих воинов в основном состояло из копья и меча. Копье («дóрю») являлось главным видом оружия гоплита, его длина достигала 2—3 м. Железный наконечник копья имел листовидную форму на вытянутой втулке. С противо-положной стороны древка некоторые копья имели наконечники-втоки, сделанные из бронзы или железа (см. рис. 18, 1). Вток служил противовесом, позволял легко воткнуть копье в землю для получения упора, а также, вероятно, мог использоваться для защиты в случае поломки копья и утери его передней части.

Железные мечи появились на территории Греции в XI в. до н. э., именно они, а не серпы или кухонные ножи, были здесь самыми первыми железными ору-диями. Первоначально эти мечи повторяли формы своих предшественников бронзового века, среди ко-торых было немало довольно длинных экземпляров (0,75 м и более), но постепенно все отчетливее стала проявляться тенденция к их уменьшению. В настоя-

щее время можно утверждать, что новый тип меча, так называемый «ксифос», уже существовал к началу Греко-персидских войн (см. рис. 9, 6). Он представлял собой двулезвийный меч (длина — 0,60 м) с прямым или сильно вытянутым листообразным клинком, с металлическим перекрестием и навершием на конце рукояти. Ножны имели завершение в виде насадки округлой формы. Ксифос мог использоваться для нанесения рубящих и колющих ударов; в отличие от копья, он был вспомогательным оружием гоплита.

Приблизительно одновременно с ксифосом появился меч, который назывался «махайра» или «копис» (рис. 9, 1—5). Это был однолезвийный, несколько изогнутый меч.

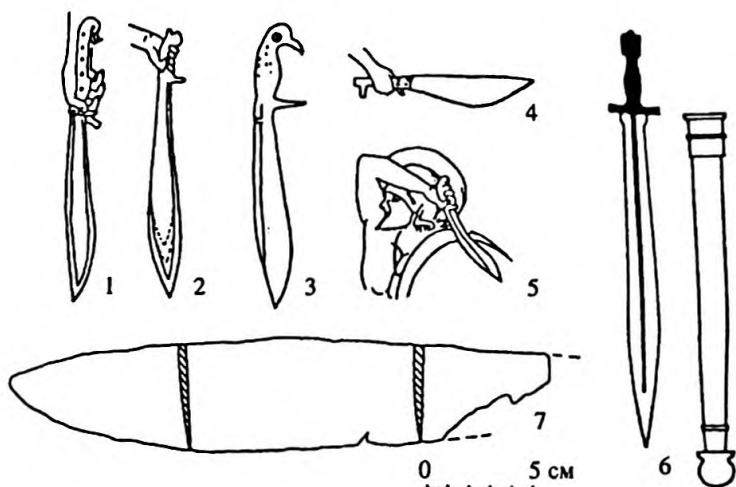

Рис. 9. Древнегреческие мечи:

1—5 — махайры по изображениям на аттических вазах;
6 — ксифос; 7 — обломок махайры из Мирмекия

гнутый меч рубящего действия, внешне напоминающий более поздний турецкий ятаган. Очертания его лезвия таковы, что при нанесении удара махайра смещалась в сторону от наносящего удар, поэтому завершение рукояти изготавливали в форме крючка, помогавшего удерживать меч в руке; иногда это завершение оформлялось в виде головки птицы или т. п. Происхождение махайры не вполне ясно, — предположения об иллирийских, этрусских и других прототипах неубедительны. Наиболее вероятно, что махайра проникла в Древнюю Грецию, а также во Фракию, Италию, Иберию с Востока. В Иберии даже сложился своеобразный тип изогнутого меча — «фальката». У нее, в отличие от махайры, затачивался не только нижний край лезвия, но и треть верхнего, начиная от острия. Таким образом, фальката могла служить для нанесения как рубящих, так и колющих ударов. Негреческое происхождение махайры, возможно, сказалось и в том, что греческие художники (вазописцы, торевты и др.) изображали именно этот меч в сценах, так сказать, несправедливых убийств, кровавой резни и т. д.

Лук и стрелы не получили в Древней Греции широкого распространения. В «Описании Эллады» Павсания говорится, что «у эллинов, за исключением критян, не было обычая стрелять из лука» (I, 23, 4). Такое положение вызывает определенное недоумение, поскольку лук достаточно популярен в греческом эпосе (вспомним лук Одиссея и избиение с его помощью женихов Пенелопы), он являлся одним из атрибутов Геракла, известны даже боги-лучники: Аполлон, Артемида. На вазах геометрического стиля (XI—VIII вв.

до н. э.) выделяются три типа луков: европейский простой; одноизогнутый сложный, т. е. состоящий из нескольких пород дерева, дерева и кости и т. п.; сложный с двойным изгибом, именуемый иногда скифским. Последний, правда, мог быть развитием более древнего лука минойского типа, сохранившегося на Крите. Именно критяне, наряду со скифами, составляли наемные контингенты стрелков из лука, которые в случае необходимости привлекались различными греческими городами-государствами.

При раскопках поселений, а также на местах сражений Греции найдено немало наконечников стрел. По способу крепления к древку их можно разделить на два основных типа — черешковые и втульчатые. Черешковые наконечники, вероятно, появились в Египте в IV в. до н. э., они были популярны на Крите, где известны монеты с их изображением. Бронзовые литые втульчатые наконечники стрел, происходящие из Греции, имеют близкие восточные аналогии. Они могли попасть сюда разными путями: из Скифии, из Скифии через Фракию и т. д.; разумеется, стрелы несли с собой восточные завоеватели — киммерийцы, персы и пр. Со всем не удивительно, что втульчатые наконечники стрел являются достаточно обычной находкой при раскопках греческих колоний на территориях, примыкающих к скифским степям, в том числе и на берегах Керченского пролива (см. рис. 13; 14, 1—9; 17, 1; 20, 2).

Вообще же на Боспоре находок наступательного вооружения известно довольно много, по большей части они происходят из погребений. Наконечники копий при этом представлены вполне обычными для

Древней Греции, можно даже сказать, интернациональными типами (рис. 10, 1—3). Сложнее обстоит дело с находками мечей, поскольку при их изучении возникает одно странное обстоятельство, — дело в том, что погребальные комплексы дают в основном мечи местных типов, характерных для варварских племен Северного Причерноморья (рис. 10, 4—5; 11), подробнее о которых говорилось в предыдущей главе, а вот на поселениях, пусть весьма редко, встречаются образцы греческого происхождения.

Среди последних — обломок греческого однолезвийного меча типа махайры, обнаруженный при раскопках Мирмекия (рис. 9, 7)¹¹. Есть основания считать, что такие мечи пользовались особой популярностью среди греческих колонистов Северного Причерноморья, на Боспоре они известны и в более позднее время (см. ниже). Мирмекийскую находку можно относить к концу VI в. до н. э. или даже к последней четверти столетия, что позволяет считать ее одной из самых ранних находок оружия подобного рода в античном мире. Другой тип греческого меча — двулезвийный колюще-рубящий ксифос — в боспорских материалах не представлен, однако его существование и использование здесь вряд ли можно оспаривать.

Обозначенное выше расхождение двух главных категорий археологических памятников (поселения и могильники) в отношении находок мечей, характерное, надо подчеркнуть, не только для Боспора, но и для другого центра греческой колонизации Северного

¹¹ Виноградов Ю. А., 1999. С. 141—146.

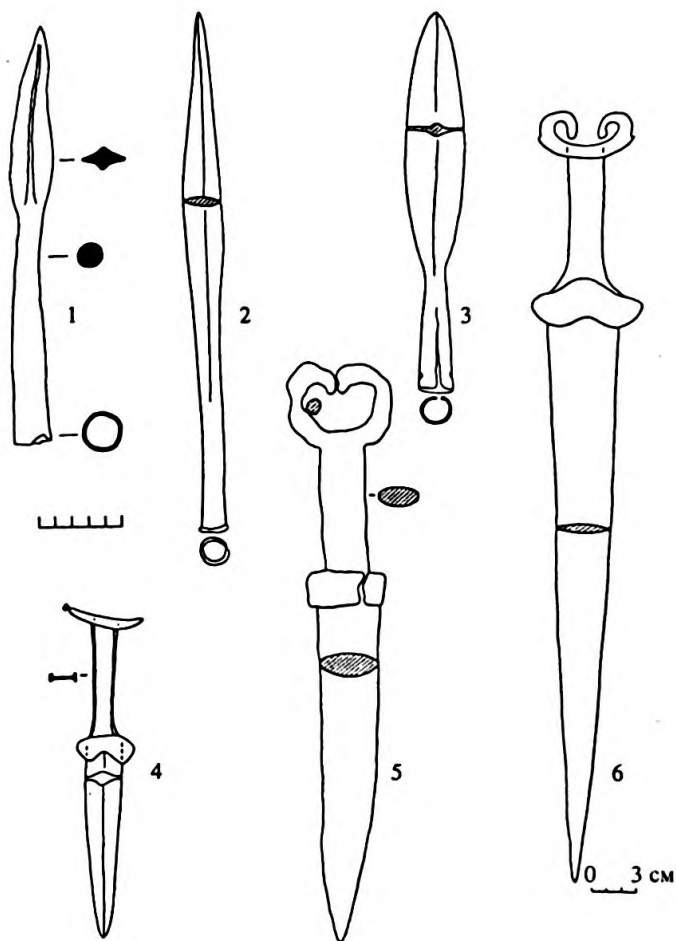

Рис. 10. Находки наконечников копий и мечей:
 1 — Мирмекий; 2—5 — Синдская Гавань
 (по Е. М. Алексеевой)

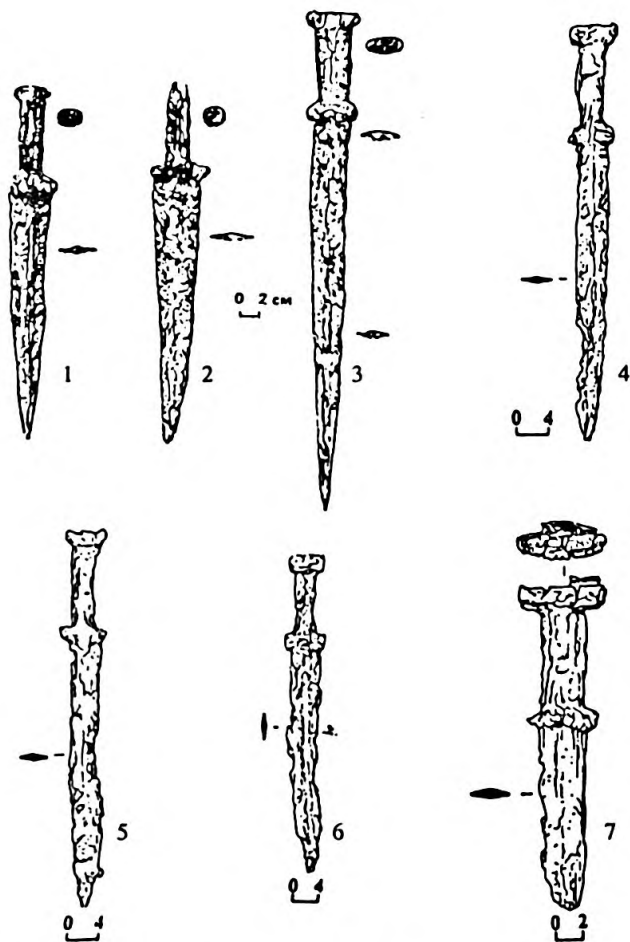

Рис. 11. Мечи местных типов из некрополей Боспора:
 1—3 — Тирамба (по А. К. Коровиной); 4—7 — Нимфей
 (по Н. Л. Грач)

Рис. 12а. Греческий гоплит второй половины VI в. до н. э.
(реконструкция А. В. Сильнова)

Рис. 126. Скифский конный лучник второй половины VI в. до н. э.
(реконструкция А. В. Сильнова)

Причерноморья — Ольвии, заслуживает особого внимания¹². На мой взгляд, распространение мечей местных типов в погребальной практике не обязательно свидетельствует о возрастании роли легковооруженной пехоты в боспорском войске, как это предполагает Д. В. Григорьев¹³. Варварские мечи в весьма своеобразной, так сказать, деликатной сфере представлений, связанных с загробным миром, вполне могли иметь особое символическое значение.

В отношении организации войск и особенностей ведения греками боевых действий на Боспоре наши знания очень ограничены из-за недостатка конкретных материалов, но все-таки можно считать, что здесь достаточно скоро действия фаланги стали осуществляться во взаимодействии с отрядами конницы. Такие отряды, разумеется, могли быть предоставлены греческим государствам союзными варварскими племенами, но, по всей видимости, этим дело не ограничивалось. В связи с изложенным можно еще раз обратить внимание, что главными противниками греков-колонистов в это время, вероятнее всего, были не крупные кочевнические армии, а отдельные небольшие группы конников, тактика действий которых сводилась к простой формуле: «Неожиданно нападать, грабить, убегать». В такой ситуации фаланга тяжеловооруженной пехоты, конечно, малоэффективна, она, скорее всего, вообще не могла ничего предпринять против мобильных отрядов конницы, которые к тому же совсем не

¹² Виноградов Ю. А. 1999. С. 143—144.

¹³ Григорьев, 2000. С. 32.

стремились вступить в сражение, а, напротив, уклонялись от него. Успешнее противостоять разбойникам могли столь же подвижные отряды греческой конницы, которые были в состоянии встретить врага в открытом поле или хотя бы организовать его преследование. Содержание боевого коня, приобретение всего необходимого снаряжения и вооружения, вне всяких сомнений, было делом весьма дорогим, доступным лишь самым состоятельным людям, прежде всего аристократам. Думается, что именно греческая аристократия боспорских колоний сравнительно быстро стала предпочитать конный строй традиционному пешему порядку фаланги. В связи с этим вполне логичным представляется, что выходцы из знатных родов самым внимательным образом присматривались к вооружению и особенностям боевых действий конницы кочевников и, соответственно, восприняли некоторые важные особенности военного опыта номадов. Все это, однако, еще не позволяет согласиться с видным скифологом Е. В. Черненко, считающим, что уже на самом раннем этапе истории греческих колоний Северного Причерноморья стало преобладать скифское вооружение, а тяжелая пехота была заменена конницей¹⁴. Нет, фаланга здесь, скорее всего, не исчезла столь быстро, но продолжала существовать, успешно сочетаясь с отрядами конницы.

¹⁴ Черненко, 1979. С. 185—186.

ГЛАВА IV

БОСПОР В БОРЬБЕ СО СКИФСКОЙ АГРЕССИЕЙ

Приблизительно на рубеже VI и V вв. до н. э. военно-политическая обстановка в степях Северного Причерноморья резко изменилась, что, очевидно, следует связывать с вторжением сюда с востока новой группы кочевников. Очень вероятно, что именно эту группу Геродот называл «царскими» скифами, сообщая при этом, что они были самыми сильными и всех остальных скифов считали своими рабами. Любопытно, что «отец истории» в их отношении заметил, что сами они скифами себя не считали, хотя так их именовали окружающие, а самоназванием этих номадов, скорее всего, было «сколоты» (Геродот, IV, 6).

Вследствие вторжения новых номадов ситуация для всех греческих государств региона, в том числе и для колоний Боспора Киммерийского, стала очень опасной приблизительно к 480 г. до н. э. К этому времени прекращается жизнь на всех известных сельских

поселениях района¹⁵, от нападений пострадали даже некоторые города. Слой пожарища и разрушений 490—480 гг. до н. э. обнаружен в Пантикапее, весьма показательно, что из него происходит немало трехгранных бронзовых наконечников скифского типа (рис. 13)¹⁶. Следы масштабного пожара конца первой трети V в. до н. э. открыты также при раскопках Мирмекии¹⁷. Здесь среди развалин построек, груд битой посуды и пр. было найдено немало очень показательных вещей: бронзовые наконечники стрел, часть которых имеют погнутые острия (иными словами, они явно использованы в боевой обстановке), детали снаряжения скифских коней и т. д. (рис. 14). Вполне очевидно, что пожары и разрушения в Пантикапее и Мирмекии были, скорее всего, связаны с нападениями скифов.

В этой обстановке боспорские города-государства, как представляется, решили противостоять внешней угрозе совместно. Тогда было создан оборонительный и одновременно религиозный союз во главе с Археанактидами. Идея о таком союзе была впервые высказана талантливым человеком и блестящим ученым Ю. Г. Виноградовым¹⁸, моим другом, тезкой и однофамильцем, который, к сожалению, столь безвременно и нелепо ушел из жизни. Эта идея сразу была под-

¹⁵ Масленников, 1998. С. 38.

¹⁶ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003. С. 323—324. Табл. XVII.

¹⁷ Виноградов Ю. А., Тохтасьев, 1994. С. 54—63.

¹⁸ Виноградов Ю. Г., 1983. С. 394—419.

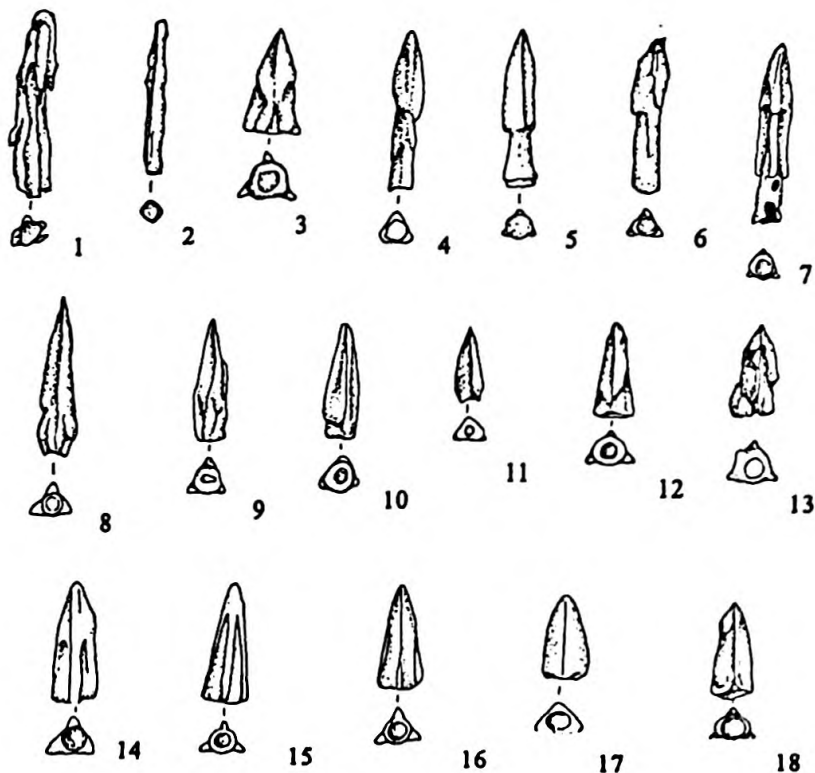

Рис. 13. Наконечники стрел
из слоя пожара 490—480 гг. до н. э. в Пантикапее
(по В. П. Толстикову, Д. В. Журавлеву и Г. А. Ломтадзе)

держана некоторыми видными исследователями истории Боспора — В. П. Толстиковым, Ф. В. Шелловым-Коведяевым и др.¹⁹; с определенными оговорками она представляется очень привлекательной и мне²⁰. Об

¹⁹ Толстиков, 1984. С. 24—59; Шелов-Коведяев, 1985. С. 58—70.

²⁰ Виноградов Ю. А., 2002. С. 183—196.

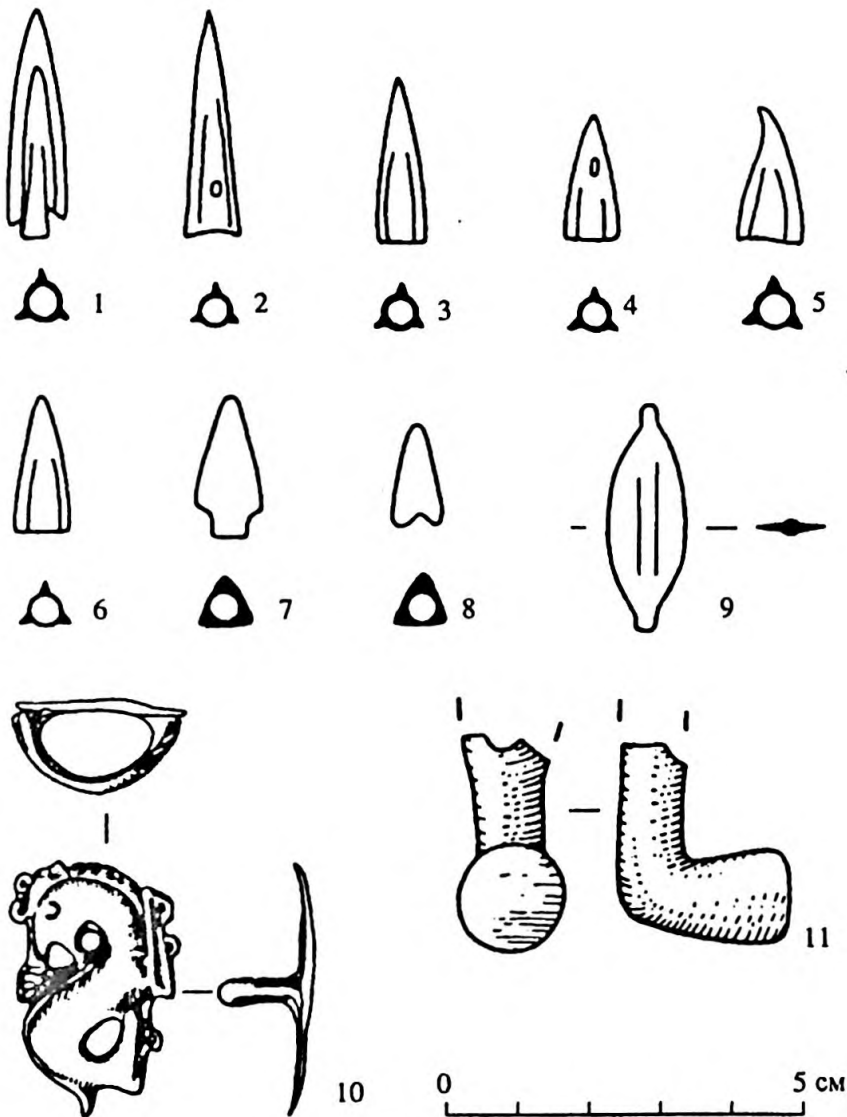

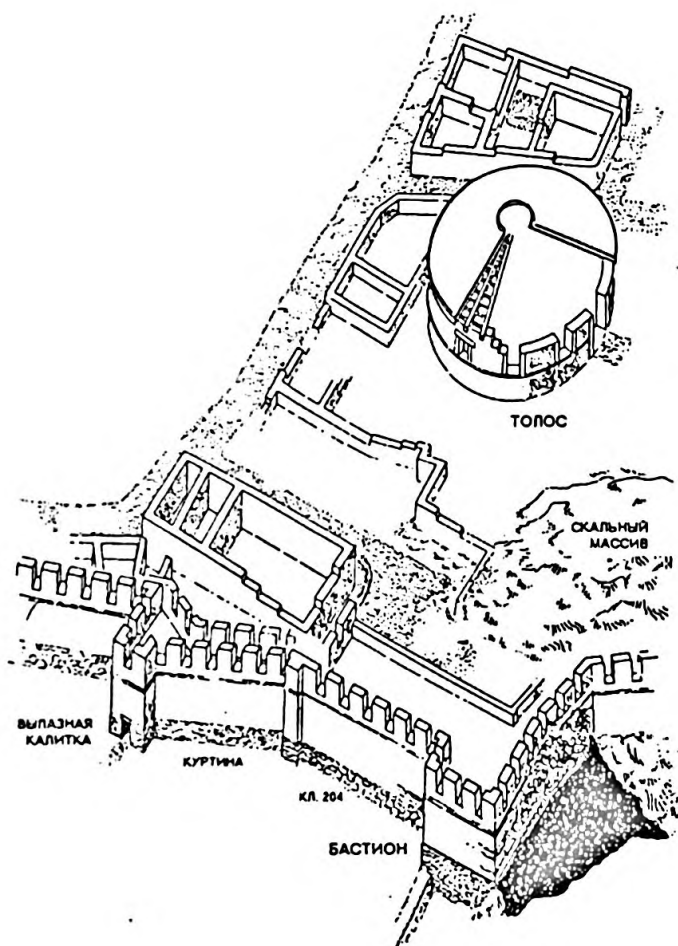
Рис. 14. Находки из слоя разрушения в Мирмекии:
 1—9 — бронзовые наконечники стрел;
 10—11 — детали конской упряжи

Археанактидах мы знаем из единственного сообщения древнего историка Диодора Сицилийского, который писал, что они царствовали на Боспоре 42 года с 480/79 г. до н. э. (Диодор, XII, 31, 1). Несмотря на краткость информации, можно полагать, что знатный греческий род Археанактидов стал во главе объединения боспорских колоний в очень трудный для них час.

Археологические исследования боспорских городов, проведенные в последние 20—30 лет, позволяют говорить о некоторых весьма важных акциях Археанактидов, направленных на их укрепление. В некоторых городах тогда были построены оборонительные стены (Пантикапей, Тиритака, Мирмекий, Порфмий, Фанагория и др.). Археологические наблюдения позволяют считать, что их приходилось возводить с очень большой поспешностью. Укрепления на акрополе Пантикапея (рис. 15), северный участок которых был недавно открыт во время раскопок, сооружались таким образом, что в их трассу были включены разрушенные к тому времени каменные здания. В результате здесь была создана продуманная система обороны бастионного типа, нижняя часть стен (цоколь) была сложена из камня, а выше шла кладка из сырцовых кирпичей. По расчетам В. П. Толстикова, высота стен достигала 7 м. Раскопками открыта любопытная конструктивная деталь оборонительной системы — калитка для вылазок около западного угла, ширина её составляет 0,80 м²¹.

В первой четверти V в. до н. э. была построена оборонительная стена Тиритаки, ширина ее составля-

²¹ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003. С. 322. Табл. II.

**Рис. 15. Укрепления акрополя Пантикапея
(по В. П. Толстикову)**

ла 1,7—1,8 м. В трассу оборонительных сооружений, как и в Пантикапее, были включены стены некоторых разрушенных домов. Оборонительная стена, построенная тогда же в Мирмекии, была более монументальной, в ширину она достигала трех метров. В высшей степени любопытно, однако, что мирмекийская стена не окружала всей площади поселения, а лишь отсекала его прилегающую к акрополю западную часть, т. е. опять же была возведена с очень большой поспешностью. Обвод оборонительных стен вокруг всего Мирмекия будет построен позднее, когда скифская угроза ослабнет.

В стратегической системе обороны Боспора этого времени, как представляется, важную роль сыграл так называемый Тиритакский вал, сооружение его обычно связывают с Археанактидами. Этот оборонительный рубеж, следы которого еще видны на современной поверхности, имеет 25 км в длину — он начинается у Азовского моря, идет в южном направлении и обрывается у Тиритаки (рис. 16). Иными словами, вал отсекал от Керченского полуострова его восточную часть.

Само по себе возведение валов и стен — типичнейший способ защиты земледельческих народов от нападения кочевников, в качестве примеров чему можно привести Дербент, Великую Китайскую стену, русские засеки и т. д. Не следует забывать и того, что древние греки были прекрасно знакомы с системой укрепления территории полуострова путем строительства стен на перешейке от моря до моря. Первая такая попытка, естественно, из известных нам, относится к середине VI в. до н. э. — это стены, построенные Мильтиадом

на Херсонесе Фракийском (Геродот, VI, 36). Боспорские греки в этом важнейшем деле, конечно, не были пионерами²².

Как представляется, система обороны Боспора Киммерийского при Археанактидах была достаточно продуманной. В зимнее время она, конечно, не могла базироваться на Тиритакском валу, который подвижные отряды кочевников легко могли обойти по льду, к примеру, около Нимфея. Но могли ли такие рейды нанести большой ущерб боспорянам? Думается, что нет. Урожай на полях был в это время уже убран, а население могло легко укрыться под защитой городских стен, остатки которых, напомним, были открыты в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Мирмекии и Порфмии. Тиритакский вал был дополнительной защитой боспорских городов в летнее время и, что особенно важно, единственной защитой боспорских (прежде всего пантикапейских) сельскохозяйственных угодий в весенне-летний сезон, когда они действительно могли пострадать от нападения номадов. Тиритакский вал в этом отношении выполнял свои задачи. Следующим этапом защитных работ, когда угроза со стороны скифов, по всей видимости, уже не была столь реальной, стало возведение так называемого Аккосова вала, который находится западнее Тиритакского и идет от Азовского моря до Черного, имея около 36 км в длину (рис. 16).

Рубежи Боспора, надо думать, защищали не только гражданские ополчения городов-государств, но и

²² Маринович, Кошеленко, 2000. С. 131—135.

союзные каждому из них силы варварских племен. О развитии самых тесных контактов греков с местными племенами во время Археанактидов свидетельствуют курганы с погребениями туземной аристократии, которые насыпались в окрестностях всех главных городов (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, возможно Гермонасса). Почти во всех курганах были захоронены воины-всадники²³.

В вооружении этих воинов любопытнейшим образом переплелись варварские и греческие черты. В наборе защитного вооружения предпочтение отдавалось греческим шлемам и поножам, а вот металлические панцири были местными, относящимися к типу пластинчатых или чешуйчатых доспехов, как уже говорилось, обычных у скифов и их юго-восточных соседей — синдов и меотов. Комплекс наступательного вооружения целиком соответствовал местным традициям: лук со стрелами, короткий меч-акинак, копье.

Наиболее показательная группа курганов местной знати времени Археанактидов (имеются, правда, и несколько более поздние памятники), насчитывающая приблизительно десяток комплексов, расположена под Нимфеем²⁴, именно здесь во время археологических раскопок были обнаружены материалы, позволяющие судить о том, как были вооружены союзники боспорян (рис. 17). Вооружение это было очень многочисленно и разнообразно; рядом с погребенными, как правило, были положены несколько мечей, кинжалов,

²³ См.: Виноградов Ю. А. 2001. С. 77—87.

²⁴ Силантьева, 1959. С. 5—107.

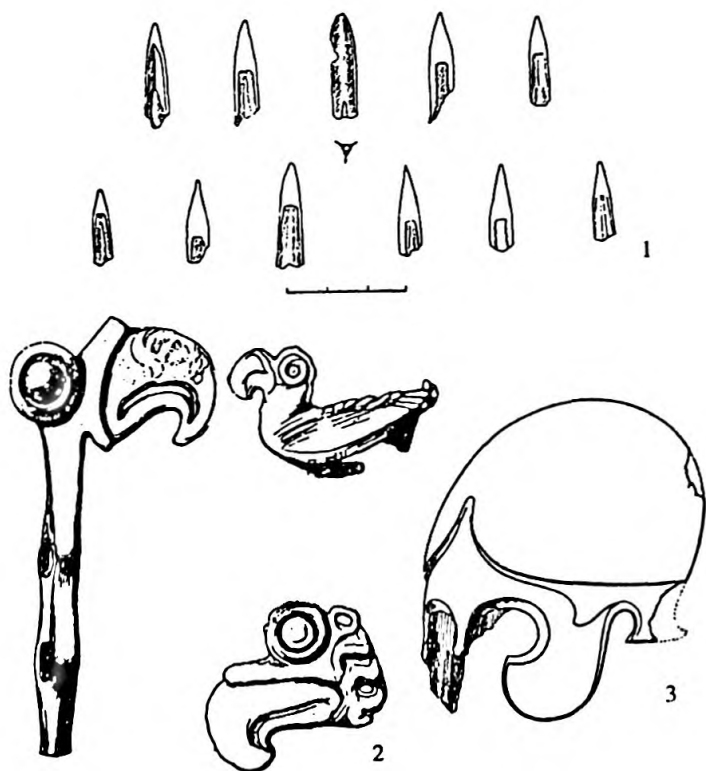

Рис. 17. Находки из Нимфейских курганов:

- 1 — бронзовые наконечники стрел;
- 2 — детали конской узды;
- 3 — бронзовый шлем халкидского типа

копий и, очевидно, лук со стрелами, от последних, естественно, сохранились лишь бронзовые наконечники стрел. Чешуйчатые панцири, столь характерные для местных племен Северного Причерноморья, были

составлены из железных и бронзовых пластинок. Комплекс защитного вооружения дополнялся греческим бронзовым шлемом халкидского типа, т. е. с выделенным наносником и нащечниками (см. главу III), а также греческими бронзовыми поножами, которые, в отличие от более ранних, не имеют пышной орнаментации. Каждого воина сопровождало захоронение коня или даже нескольких коней с великолепной уздой, украшенной бронзовыми изображениями в так называемом скифском зверином стиле. Нет сомнения, что общий облик боспорского всадничества, который реконструируется на основании находок из курганов, в частности Нимфейских, является наглядным проявлением смешения греческой и варварской элиты в единый пласт боспорской (неоднородной по своему происхождению) аристократии. Вкусы этой аристократии выступают во многих категориях свойственной ей материальной и духовной культуры, в том числе и в снаряжении боевого коня, наборе вооружения и т. д.

Кратко подводя итог сказанному выше, следует с полной определенностью признать, что оборонительные акции Археанактидов, направленные на отражение скифской агрессии, оказались вполне успешными. В рамках возглавляемого ими оборонительного союза боспоряне провели ряд крупных мероприятий по укреплению не только отдельных городов, но и — с помощью Тиритакского вала — целого района северо-восточной части Керченского полуострова. Ополчения греческих городов-государств и союзные им варварские дружины, очевидно, в основном синдские и меотские, сумели защитить боспорские рубежи, от-

стоять независимость местных колоний, что, несомненно, имело очень большое значение для их будущего развития. Одним из важных последствий такого завершения греко-скифского конфликта, вероятно, можно признать прекращение регулярных скифских передвижений через Боспор Киммерийский, которые, как отмечалось выше (см. главу III), играли столь важную роль на начальном этапе истории греческих колоний района.

ГЛАВА V

СПАРТОКИДЫ СОЗДАЮТ ДЕРЖАВУ

После успешного отражения скифской агрессии положение в районе пролива стабилизировалось приблизительно в третьей четверти V в. до н. э. Исчезновение внешней угрозы для оборонительного союза Археанактидов, вероятно, имело не только позитивные, но и негативные последствия, приведшие к тому, что в нем начались разногласия, споры или даже конфликты. Многочисленные исторические параллели убедительно свидетельствуют, что бывшие союзники, увы, часто становятся врагами. Объединение боспорских городов-государств, как представляется, не стало исключением из этого правила, можно даже предполагать, что в условиях возрастания противоречий между его участниками оборонительный союз постепенно слабел и в конце концов прекратил свое существование.

Важнейшая политическая перемена, свидетельствующая о крушении союза Археанактидов, относится к 438/37 г. до н. э. Тогда, как об этом сообщает Диодор Сицилийский (Диодор, XII, 31, 1), власть на Бос-

поре перешла к некому Спартоку. При каких обстоятельствах это случилось и кто был Спарток по своему происхождению, с уверенностью сказать нельзя. Есть основания считать, однако, что свое происхождение Спарток вел из Фракии (на это указывает его необычное имя), а власть над Боспором он получил насильственным путем. С этого времени на 330 лет на берегах пролива утвердилось династия Спартокидов.

Весьма вероятно, что изначальные владения Спартока ограничивались территорией Пантикапея, но очень скоро его преемники приступили к расширению границ государства. Уже сын Спартока, Сатир, сумел захватить Нимфей и начал боевые действия против другого полиса Восточного Крыма — Феодосии. Сохранившиеся свидетельства письменной традиции не позволяют уверенно судить о том, каким образом Нимфей был захвачен Сатиром, сопровождалось ли это военными действиями, осадой города и т. п. Ясно лишь одно: Нимфей перешел под власть Спартокидов в результате измены, вероятно, весьма влиятельного лица — афинянина Гелона. Можно отметить при этом, что Нимфей в последней трети V в. до н. э., скорее всего, входил в Афинский морской союз и, казалось бы, был защищен от всякого рода враждебных посягательств силой и авторитетом этого могущественного объединения. Однако, вероятнее всего, Нимфей был захвачен Сатиром тогда, когда Афины уже потеряли свое могущество, а возглавляемый ими союз развалился в результате поражения в Пелопоннесской войне (404 до н. э.). Любопытно при этом, что афиняне, забыв о потере Нимфея, очень быстро наладили самые

дружественные отношения с Сатиром. Эти дружественные отношения сохранились и позднее, став важным фактором боспорской истории на протяжении всего IV в. до н. э.

Боевые действия под Феодосией пусть скромно, но освещены в письменных источниках. Известно, что на помощь Феодосии пришла Гераклея Понтийская, которая располагалась на южном берегу Черного моря. Интересные детали акции гераклеотов можно найти в рассказах Полиэна о военных хитростях (Полиэн, V, 23). Дело в том, что на помощь Феодосии было выслано всего два корабля, из которых боевым («триерой») был лишь один. Сил было явно недостаточно, и поэтому Тинних, возглавлявший эту экспедицию, вынужден был пойти на хитрость. Корабли подошли к городу ночью, под покровом ночного мрака на три лодки было посажено по трубачу, после чего Тинних расставил лодки на некотором расстоянии друг от друга и приказал трубачам трубить по данному им сигналу. Расчет его был прост — обмануть осаждавших, показать, что на помощь Феодосии подошел большой флот. Приказ Тинниха был исполнен, в нужный момент трубачи затрубили, осаждавшие в испуге без всякого порядка покинули свои позиции, и, таким образом, Феодосия была освобождена от осады. Как видим, первая попытка захвата города боспорянами провалилась, по одной из версий, Сатир даже умер у стен города.

На Таманском полуострове Сатиру, скорее всего, удалось подчинить Фанагорию. Не ограничивая себя действиями только против греческих городов, он на-

чал политику активного вмешательства в дела местных племен Прикубанья, которая, надо признать, поначалу не была слишком успешной. Уже знакомый нам древний историк Полиэн (VIII, 55) рассказывает, что Сатир возвратил на престол царя синдов Гекатея, потребовал, чтобы тот развелся со своей женой меотиянкой Тиргатао и даже убил ее, а в жены взял дочь Сатира. Практика династических браков, как нетрудно заметить, использовалась правителями Боспора достаточно широко. Меотиянка, однако, сумела спастись и подняла против Боспора местные племена, которые подвергли эти территории всем ужасам войны. Осознав крушение своих планов, Сатир умер, а его преемникам пришлось откупаться от враждебных соседей богатыми дарами.

Недавно обнаруженная на Семибратнем городище (столица Синдского государства) надпись позволяет считать, что злополучный Гекатей был изгнан со своего престола вторично, на этот раз ему помог сын Сатира, Левкон I²⁵. Синдскому царю были возвращены его владения, но, очевидно, после смерти Гекатея с независимостью синдов было покончено. Боспорские надписи свидетельствуют, что Синдика была подчинена Боспору, и новым царем синдов стал Левкон. В дальнейшем Левкон подчинил другие меотские племена (торетов, керкетов, дандариев) и даже стал именоваться царем синдов и всех меотов. Нет сомнения, что он сумел подчинить и Феодосию, при нем утвердилась пышная титулатура боспорских владык — «ар-

²⁵ См.: Тохтасьев, 1998. С. 286—301.

хонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев, псессов», «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов и всех меотов» и т. п. Так возникло своеобразное по своей структуре греко-варварское Боспорское государство, в которое входили как некогда независимые греческие колонии района, так и варварские племена.

Однако и Левкону, как его отцу, пришлось столкнуться с противодействием гераклеотов, которое, очевидно, опять же имело место тогда, когда боспоряне пытались захватить Феодосию. На этот раз гераклеоты действовали даже более активно. По свидетельству Полиэна (V, 44, 1), известный греческий полководец Мемнон провел тогда разведывательную акцию: под видом переговоров о дружбе на Боспор была послана делегация, в которую входил популярный музыкант — кифаред Аристоник. Музыкант должен был дать концерт, а послу по количеству слушателей в театре стал бы ясен, так сказать, людской потенциал противника.

После такой разведки начались боевые действия, о которых Полиэн рассказал прелюбопытную историю (VI, 9), — гераклеоты производили нападения на берега Керченского пролива, совершая высадки там, где им заблагорассудится. Ясно, что их превосходство на море было полным. Для Левкона положение оказалось чрезвычайно трудным еще и по той причине, что его воины действовали как изменники и, по существу, не отражали врага. Оценив ситуацию, он избрал следующий боевой порядок: впереди были поставлены гоплиты, а за ними — скифы; при этом царь открыто объявил, что если гоплиты опять будут медлить и до-

пустят высадку неприятеля, то скифы должны стрелять им в спину из луков. Узнав об этом, гоплиты мужественно помешали врагам высадиться.

Возможно, с этими боевыми действиями были связаны пожары первой половины IV в. до н. э., открытые во время археологических раскопок в некоторых боспорских городах. В Мирмекии, к примеру, сильным пожаром были уничтожены некоторые здания, расположенные на самом берегу бухты. Нетрудно представить, что именно такие прибрежные постройки должны были подвергаться нападению при высадке неприятельских десантов.

О вооружении боспорской пехоты этого времени можно судить на основании надгробных изображений, хотя они, по большей мере, не очень богаты интересующими нас деталями. К примеру, на надгробии юноши из Пантикапея мы можем видеть лишь большой круглый щит, закрывающий тело воина приблизительно от подбородка до нижней части колен²⁶.

Более информативны рельефные стелы, обнаруженные при раскопках античной усадьбы Юбилейное I на Таманском полуострове в 80-х гг. прошлого века и уже вошедшие в научную литературу под названием «таманских рельефов». Стелы датируются приблизительно третьей четвертью IV в. до н. э., изготовлены они из мрамора, скорее всего, аттическими мастерами, но, вероятно, на Боспоре, во всяком случае, местные их особенности выступают достаточно отчетливо. На первой стеле представлен обнаженный воин с пла-

²⁶ См.: Риджвей, 1999. С. 64—65. Рис. 2.

щом, заброшенным за спину, он смело идет в бой, прикрываясь круглым щитом и сжимая меч в правой руке. Меч не сохранился, но, судя по изображению ножен, он относится к типу ксифосов²⁷.

Еще более интересен второй рельеф (рис. 18), на котором представлены два воина — пожилой (с бородой) и молодой (безбородый)²⁸. На голове у каждого коринфский шлем; старший правой рукой придерживает круглый гоплитский щит, другой рукой держит копье, лежащее на левом плече. На ногах — высокие поножи, но он изображен босым. У младшего в правой руке копье, а в левой — меч (ксифос), который он держит за перекрестие рукоятью вниз. Скульптор прекрасно изобразил втоки копий, они представляют собой суживающиеся книзу втулки и вытянутые, по всей видимости четырехугольные в поперечном сечении, острия. Шейки втоков, где втулки соединены с острием, оформлены в виде рельефных валиков. Хорошо видны и другие детали вооружения, можно рассмотреть даже изображение шапок-подшлемников, которые изготавливались из войлока или кожи и служили для амортизации ударов по шлему. Подобную подкладку имели также кнемиды. В общем, имеющиеся изобразительные материалы позволяют считать, что в IV в. до н. э. боспорская пехота сохраняла основные особенности вооружения и, надо думать, боевое построение фалангой, характерные для более раннего времени.

²⁷ Риджвей, 1999. Рис. 1.

²⁸ Подробнее по этому вопросу см.: Толстиков, 1999.

Рис. 18. Таманский рельеф:

*1 — стела с изображением двух воинов; 2 — молодой воин
(по В. П. Толстикову)*

Из приведенного выше рассказа Полиэна о столкновении Левкона I с гераклеотами, однако, можно заключить, что фаланга, состоявшая, скорее всего, из граждан боспорских городов, не стала надежным орудием в руках монархов Боспора. Вероятно, уже при ранних

Спартокидах в их вооруженных силах все более и более важную роль начинают играть отряды наемников. Среди таких контингентов можно предполагать не только гоплитов, но и так называемых «пельтастов», занимавших промежуточное положение между тяжело- и легковооруженными воинами.

Подразделения пельтастов получили широкое распространение в Греции IV в. до н. э., название свое они получили от щита («пéльта»). Пельтой назывался легкий щит в форме полумесяца, он изготавливался из дерева, возможно, даже был плетеным, покрывался овечьей или козьей кожей и, как представляется, был лишен металлических обивок. Появление пельты обычно связывается с Фракией. Наиболее ранние изображения такого щита на аттических вазовых росписях относятся ко второй половине VI в. до н. э., но популярными они стали позднее. Очень часто пельта изображалась на так называемых «боспорских» пеликах IV в. до н. э., которые, по всей видимости, изготавливались в Афинах специально для продажи на Боспоре. Однако каких-либо остатков подобных щитов здесь до сих пор не обнаружено.

Пельта была известна и скифам. На одном из шедевров греко-скифской торевтики — золотом гробне, найденном в кургане Солоха, представлена сцена сражения трех воинов (рис. 19). Спешившийся скиф, конь которого убит, отбивается от нападающего на него всадника и расположенного за всадником пешего воина; этот скиф имеет пельту, его противники — обычные скифские щиты. Приведенное изображение, очень информативное само по себе, интересно для нас еще и

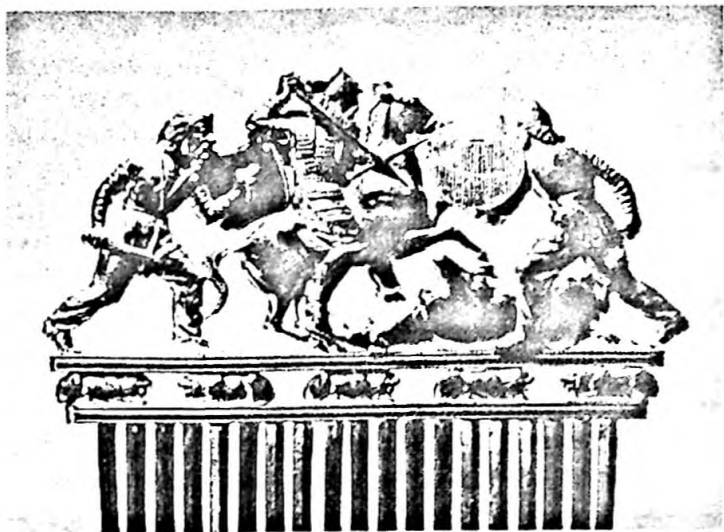
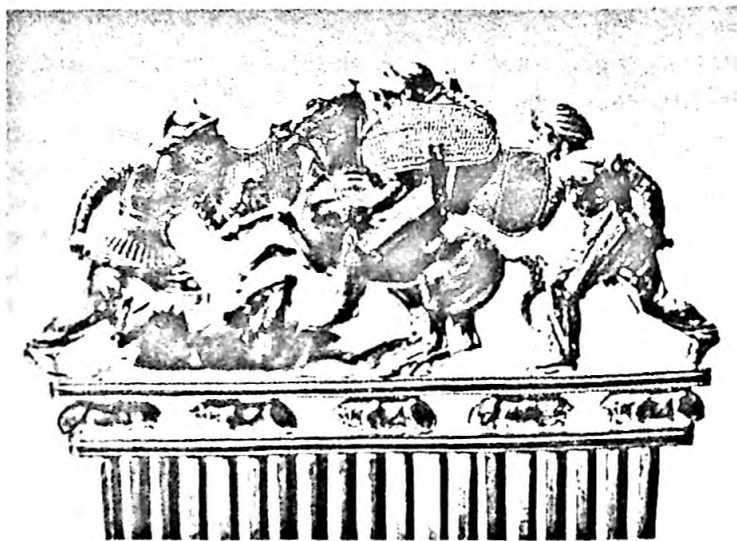

Рис. 19. Золотой гребень из кургана Солоха

по той причине, что гребень из Солохи, как и большая часть других произведений этого стиля, скорее всего, был изготовлен в мастерских Боспорского государства. Во всяком случае, многие специалисты придерживаются именно такой точки зрения.

Еще раз возвращаясь к рассказу Полиэна о войне Левкона с гераклеотами, хочется обратить внимание, что содержащаяся в нем информация чрезвычайно ценна в одном весьма существенном аспекте. Приведенное повествование, пусть в несколько анекдотичной форме, отражает реальный боевой эпизод, происшедший на Боспоре, добавлю, что это единственное описание военных действий на берегах Керченского

с изображением сражающихся скифов

пролива, которое сохранила античная письменная традиция. В высшей степени показательно, что в этом эпизоде верными союзниками Левкона выступили скифы, и у нас есть веские основания считать, что в это время уже существовал боспоро-скифский союз, важной составляющей которого, безусловно, было военное сотрудничество.

Материальными свидетельствами такого союза являются курганы варварской знати (вероятно, в основном скифской), насыпавшиеся в это время в окрестностях столицы государства — Пантикапея. Первым в их ряду следует назвать так называемый «курган Ашика» (раскопан А. Б. Ашиком в 1838 г.), поскольку он

хорошо датируется концом первой четверти IV в. до н. э., когда Левкон I достиг немалых успехов в создании Боспорского государства. В кургане был погребен воин, при котором находился интереснейший набор вооружения: шлем, панцирь, поножи, меч, лук со стрелами (рис. 20). Подчеркну, что именно в этом кургане были обнаружены бронзовые поножи с изображением голов горгоны Медузы на коленной части (рис. 8, 3), которые, как уже отмечалось, являются самой ранней находкой подобного вооружения во всем античном Северном Причерноморье. Конечно, несколько удивительно, что данные архаические поножи были помещены в погребение воина приблизительно через 150 лет после их изготовления, но, на мой взгляд, этот археологический факт имеет вполне логичное объяснение. Бронзовые поножи, как и другие предметы вооружения (панцири, шлемы и пр.), безусловно, ценились весьма дорого и по этой причине могли храниться очень долго, передаваясь, подобно реликвии, из поколения в поколение.

В этом комплексе чрезвычайно интересны и другие предметы. Прежде всего, это бронзовый шлем (рис. 20, 1), который, как отметил Б. З. Рабинович, «поражает крайней простотой формы»²⁹. Он состоит из трех грубо склепанных пластин, две из которых свернуты полукругом и образуют боковые стенки, а третья положена сверху. Его высота — 17 см, длина посередине — 25 см, наибольшая ширина — 22 см. По краю шлема имеются мелкие отверстия для прикрепления

²⁹ Рабинович, 1941. С. 166.

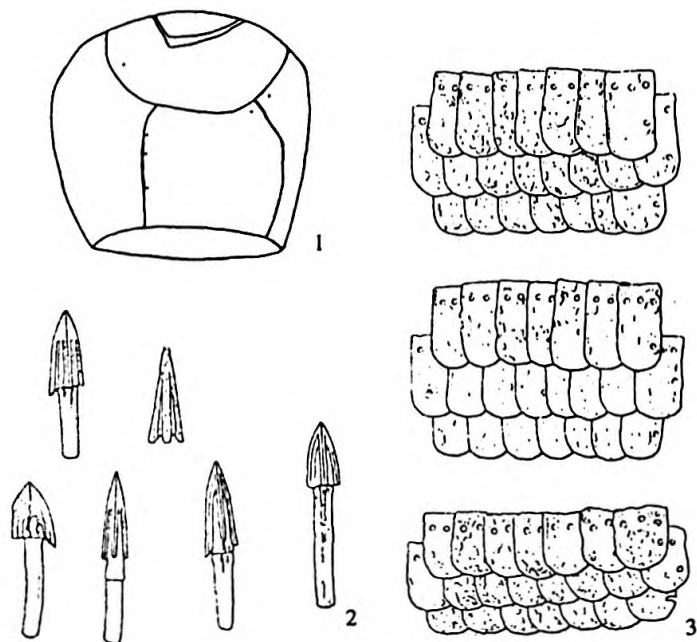

Рис. 20. Находки из кургана Ашика:

1 — шлем; 2 — наконечники стрел;

3 — обломки чешуйчатого панциря

подкладки. В отличие от обычных форм этот шлем не сужается, а как будто несколько расширяется кверху. Вероятно, простота формы может свидетельствовать в пользу его местного происхождения, хотя шлем совершенно не подходит под типы скифских, «видимо, представляя собой единичное явление», как считал Б. З. Рабинович. Другие специалисты в области древнего вооружения предполагали, что шлем был сделан

из частей разрушенных шлемов или из бронзовых пластин неизвестного назначения, возможно, даже из частей металлических сосудов, проще говоря, из греческого металлолома. В общем, этот шлем представляется в полной мере уникальным.

Панцирь также весьма любопытен (рис. 20, 3), хотя и относится к обычному для варваров Северного Причерноморья типу пластинчатых или чешуйчатых доспехов. Дело в том, что, как отмечалось выше, такие панцири были изготовлены в основном из железа, панцирь из кургана Ашика сделан из бронзовых пластин, при этом пластины здесь были не просто нашиты на основу, а прикреплены бронзовыми заклепками, что абсолютно нетипично для скифской традиции. Железный меч, скорее всего, принадлежит к типу скифских акинаков, а бронзовые наконечники стрел (рис. 20, 2) относятся к хорошо известным в Северном Причерноморье типам, которые можно датировать второй половиной—концом V в. до н. э., а также началом IV в. до н. э.

Среди более поздних курганов времени расцвета Боспорского государства при Спартокидах особое значение принадлежит кургану Куль-Оба, в котором в 1830 г. было открыто богатейшее погребение скифского военачальника. В специальном отделении саркофага был положен его парадный меч, рукоять и ножны которого имели золотые обкладки. На рукояти изображены фигуры двух животных; на пластине для подвешивания меча — морской конь (гиппокамп), на самих ножнах — грифон, лев, терзающий оленя, леопард и др. (рис. 21, 2). Кнemiды, изготовленные из

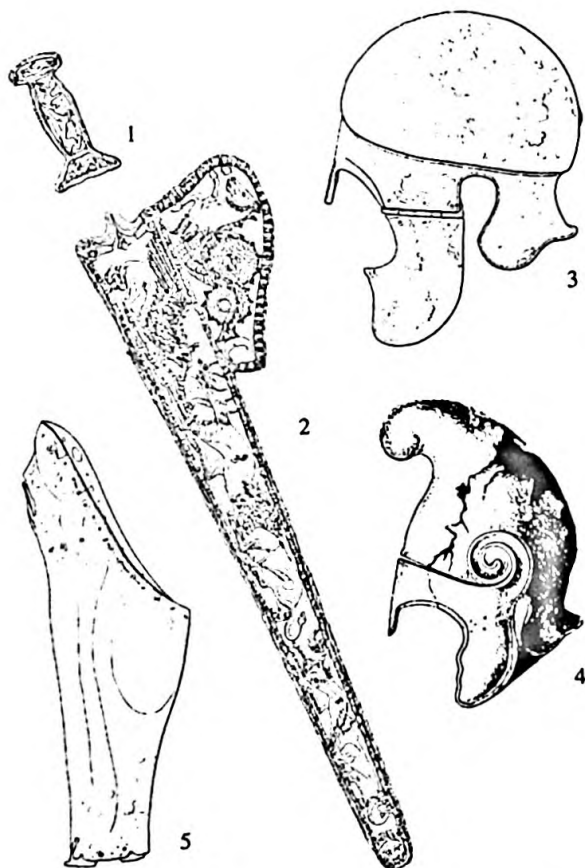

Рис. 21. Находки оружия из боспорских курганов IV в. до н. э.:

- 1 — обложенная золотом рукоять меча;
- 2 — обложенные золотом ножны меча; 3 — шлем халкидского типа; 4 — шлем в виде фригийского колпака;
- 5 — бронзовые поножи (1, 3, 5 — курган Кекуватского, 2 — Куль-Оба, 4 — Большая близница)

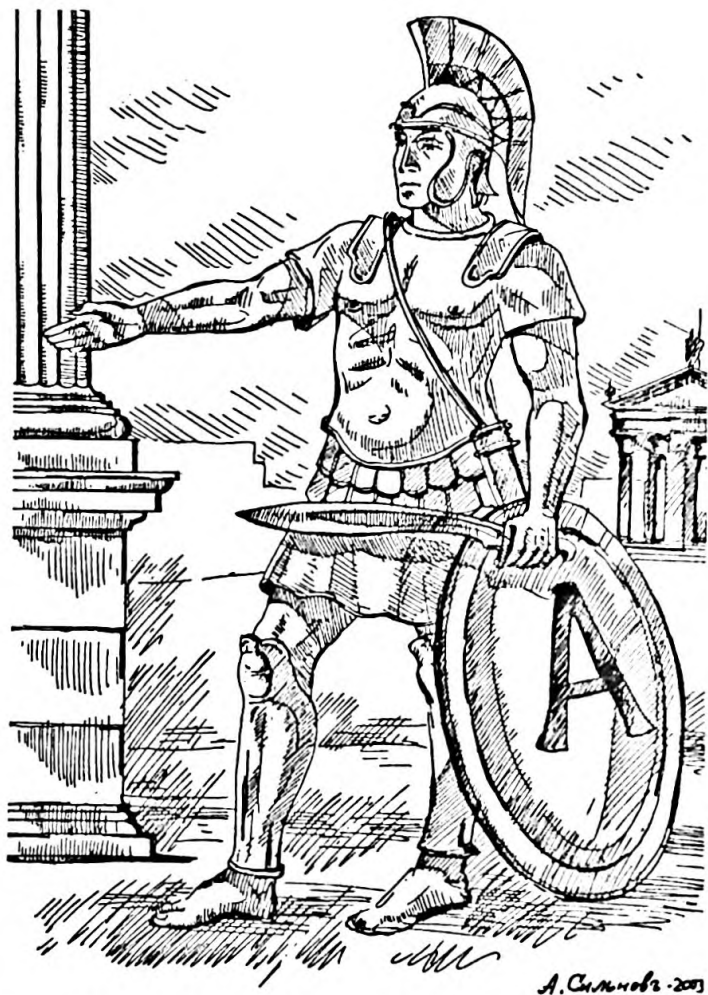

Рис. 22а. Греческий воин первой половины IV в. до н. э.
(реконструкция А. В. Сильнова)

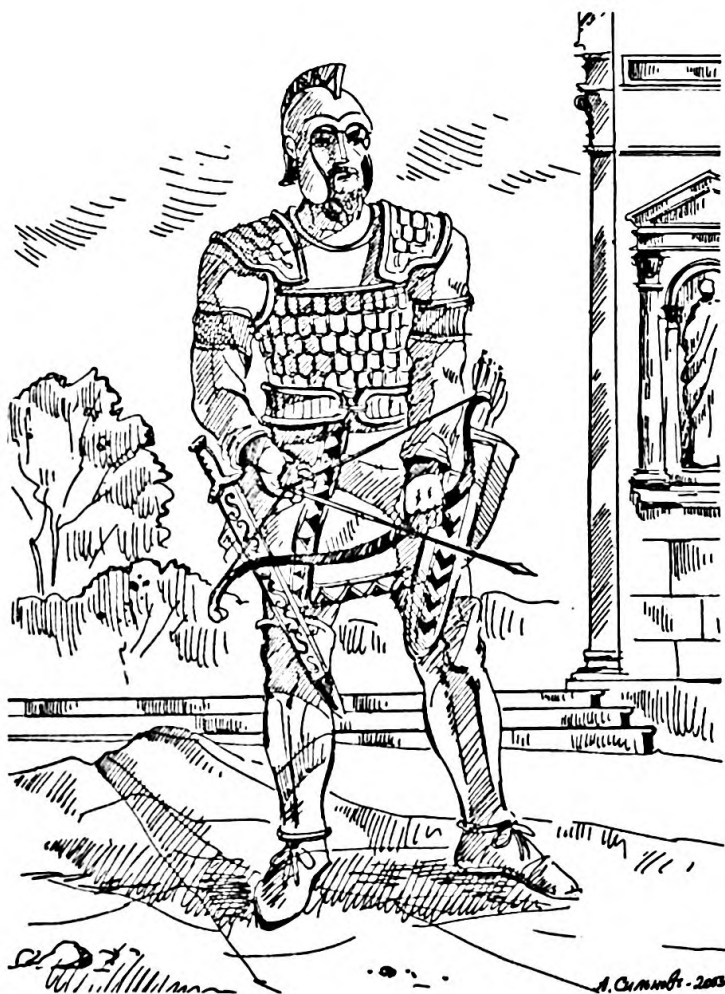

Рис. 226. Скифский воин первой половины IV в. до н. э.
(реконструкция А. В. Сильнова)

позолоченной бронзы, по размерам значительно превосходят обычные греческие поножи и позволяют считать, что погребенный в Куль-Обе воин был настоящим богатырем. Из защитного вооружения представлен также шлем. Среди наступательного вооружения, кроме меча, в склепе были найдены сотни наконечников стрел, наконечники копий и дротиков. Чрезвычайно важны для нас также происходящие из Куль-Обы находки электрового сосуда и золотых штампованных бляшек с изображениями скифов (рис. 3, 2—4; 4).

В другом кургане (на землях мирзы Кекуватского, под таким названием он вошел в литературу) был открыт не столь богатый склеп, но предметов вооружения в нем обнаружено немало. Погребенный в каждой руке имел по пучку стрел с бронзовыми позолоченными наконечниками (общее их число составляет около 300). В ногах находился бронзовый греческий шлем халкидского типа с подвижными нащечниками (рис. 21, 3), а также бронзовые поножи (рис. 21, 5). Здесь же был положен меч, от которого сохранилась обложенная золотом рукоять с представленным на ней неясным изображением зверя (рис. 21, 1).

На Таманском полуострове погребения с богатыми наборами вооружения времени ранних Спартокидов были открыты в курганах Большая и Малая Ближницы. Во время раскопок Большой Ближницы в 1865 г. был обнаружен склеп с погребением воина, в нем, кроме других находок, представлены: великолепный бронзовый шлем в виде фригийского колпака (рис. 21, 4), бронзовые пластины с позолотой, которые иссле-

дователи кургана посчитали обломками панциря и поножей, большой железный меч, небольшой кинжал, 7 копий и множество бронзовых наконечников стрел.

Особый интерес в комплексе, безусловно, представляет шлем. Вполне очевидно, что он продолжает традицию развития халкидских (аттических) шлемов, что видно по устройству его короткого наносника, подвижных нащечников, закругленных вырезов для ушей и, наконец, выгнутого назатыльника. Верхняя часть шлема, однако, оформлена совсем иначе, по-новому, — она сильно вытянута вверх и загнута вперед, имитируя форму фригийского колпака. П. Динтсис отнес этот шлем к группе «тиарообразных»³⁰. Б. З. Рабинович справедливо указывал на переходный характер такого типа шлемов от классических к эллинистическим³¹, т. е. получившим распространение уже после завоеваний Александра Македонского, в III—I вв. до н. э. Действительно, наиболее ранние их воспроизведения можно видеть на монетах царя Македонии. Шлем из Большой Близницы — тоже достаточно ранний, вероятно, его можно датировать концом IV — началом III в. до н. э.

³⁰ Dintsis, 1986. S. 123, N 63; Taf. 12, 3. Можно также отметить, что три подобных шлема были обнаружены в кладе около с. Олонешты (Молдова), состоявшем из шести греческих бронзовых шлемов и шести пар поножей. Есть предположение, что вещи клада были оставлены военачальниками Зопириона, полководца Александра Македонского, который приблизительно в 331—330 гг. до н. э. совершил неудачный поход, вероятно, против скифов (Юстин, XII, 1; Курций Руф, X, 1, 44). См.: Сергеев, 1966. С. 132—142.

³¹ Рабинович, 1941. С. 151.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что, опираясь на поддержку скифов, владыки Боспора расширяли свои владения и достигли такого положения, что стали играть очень важную роль, так сказать, в международной жизни Северного Причерноморья. При Перисаде I (сын Левкона I) их государство занимало земли, которые, как сказано в одной из боспорских надписей, лежали «между пределами тавров (т. е. Крымскими горами) и Кавказскими горами». Благоприятная обстановка IV в. до н. э. выразилась в расцвете материальной культуры всех греческих государств региона и в особенности Боспора. Выдающийся исследователь северопричерноморской античности М. И. Ростовцев с полным на то основанием назвал это столетие «золотым веком» эллинизма на северном берегу Черного моря³². Одним из ярких проявлений такой ситуации можно рассматривать активное освоение греками широких сельскохозяйственных территорий. По подсчетам специалистов, общее количество сельских поселений этого времени в обеих частях Боспорского царства составляет более 400. Чрезвычайно показательно, что все они лишены укреплений.

Боспоро-скифский союз, однако, мог быть реальным гарантом стабильности в регионе лишь до тех пор, пока скифы были господствующей военной силой в степях Северного Причерноморья, и здесь очень многое зависело от положения на восточных рубежах Скифии. Передвижения новых орд кочевников из глубин Азии, как уже не раз говорилось выше, обычно

³² Ростовцев, 1918. С. 93.

вели к дестабилизации военно-политической обстановки. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на то, что какие-то негативные явления во взаимоотношениях Боспора со скифами возникли уже в конце третьей четверти IV в. до н. э.

Очень важная информация для понимания начавшихся изменений в регионе, на мой взгляд, содержится в речи Демосфена против Формиона, которую он произнес около 328 г. до н. э. (Демосфен, XXXIV, 8). В ней знаменитый оратор, в частности, говорит о торговой поездке Формиона на Боспор. Поездка была крайне неудачной, так как вследствие войны, которая происходила тогда между боспорским царем Перисадом и скифами, товары, привезенные Формионом, почти не находили сбыта. Сам по себе факт военных столкновений между скифами и Боспором в это время очень интересен, ибо скифы, если судить по данным античных письменных источников, и до и после этого события выступали как союзники боспорских царей (Поллиэн, VI, 9, 4; Диодор, XX, 22—24). Но еще более интересен, на мой взгляд, другой аспект этого сообщения, а именно тот, который свидетельствует о крупных торговых затруднениях Формиона. Боспорское государство во второй половине IV в. до н. э. занимало значительную территорию и граничило с различными варварскими племенами, а значит, локальный конфликт с одним из них, а именно так иногда трактуется сообщение Демосфена, вряд ли мог привести к столь бедственным последствиям.

Не исключено, что уже в это время в силу каких-то причин вся система взаимоотношений Боспора с

варварским миром испытывала некоторые трудности, что, в частности, могло привести к военным конфликтам и отрицательному воздействию на боспорскую торговлю. К сожалению, в силу своей краткости, приведенное свидетельство не может быть основанием для более определенных выводов. Да и сама по себе неблагоприятная ситуация для торговли на Боспоре в это время может рассматриваться как не более чем симптом будущих потрясений. Очень может быть, что уже тогда начались отдельные походы восточных nomадов (сарматов) на запад, повлиявшие на увеличение военной напряженности в Северном Причерноморье.

ГЛАВА VI

УСОБИЩА СЫНОВЕЙ ПЕРИСАДА I

Данные археологии убедительно свидетельствуют о том, что Великая Скифия не пережила рубежа IV и III вв. до н. э., ее крушение с полным основанием можно назвать одним из важнейших, эпохальных событий древней истории. Всего скорей, эта катастрофа стала результатом целого комплекса причин, приведших к общему ослаблению Скифии, но главной из них, несомненно, было сарматское продвижение на запад. Очень важным в этом контексте представляется свидетельство Диодора Сицилийского о том, что савроматы (сарматы) «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, II, 43, 7).

Буквально накануне крушения Скифии произошло одно важное событие, в которое были вовлечены и скифы, и сарматы, и Боспорское государство. Речь идет об усобище сыновей царя Перисада I (Сатира, Евмела и Притана), о которой достаточно подробно сообщил историк Диодор Сицилийский (XX, 22—24). В самом кратком изложении его повествование сво-

дится к следующему. В 310/9 г. до н. э. умер Перисад I, и по старшинству власть перешла к Сатиру. Недовольный этим Евмел начал оспаривать власть у брата, в своей борьбе он опирался на поддержку варваров во главе с Арифарном. Понимая серьезность нависшей угрозы, Сатир собрал значительные силы: 34 тыс. воинов, из которых 30 тыс. составляли союзные скифы (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы), 2 тыс. наемников-греков и 2 тыс. наемников-фракийцев. Под командованием царя это крупное войско с большим обозом продовольствия выступило в поход.

Где произошли военные столкновения и какие варвары поддержали Евмела, из текста Диодора не вполне ясно, но есть веские основания считать, что районом боевых действий стало Прикубанье, а беглого боспорского царевича поддержало сарматское племя сираков, которое к этому времени, как представляется, уже продвинулось к восточным рубежам Боспорского государства (рис. 27). Вряд ли можно сомневаться в том, что в военном отношении это племя было чрезвычайно сильным, поскольку выставило войско, превышающее по численности объединенные боспоро-скифские силы — 42 тыс. воинов (20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты). Войско Сатира перешло реку, которая, возможно, называлась Фат, и, приблизившись к противнику, встало лагерем, который со всех сторон был окружен телегами. Отмечу, что такое устройство лагеря (табором) очень характерно для кочевников. Затем произошло сражение, в исторической литературе порой называемое битвой на Фате.

Противники построились следующим образом. Сатир по скифскому обычаю, как это специально под-

черкивает Диодор, встал в центре своих боевых порядков. Подобное построение, когда военачальник встает в центре войска, — характерный прием боевого построения не только скифов, но и других ираноязычных народов. Ксенофонт в его известном сочинении «Анабасис» в этом отношении сообщает: «Все военачальники варваров занимают место в центре войска, полагая, что они таким образом находятся в наибольшей безопасности, если с обеих сторон имеют свое войско, и что в случае необходимости передачи приказа войско будет оповещено о нем в половину времени» (I, 8, 22)³³. Весьма показательно, что в центре враждебных Сатиру сил встал Арифарн, а Евмел находился на левом фланге.

По поводу этого построения известный советский историк и археолог В. Д. Блаватский высказал предположение, что Евмел использовал здесь тактику «косо́го клина» (рис. 23), впервые столь удачно примененную знаменитым полководцем Эпаминондом в битве против спартанцев под Левктрами в 371 г. до н. э.³⁴ Тогда Эпаминонд сильно видоизменил традиционный боевой порядок фаланги, разместив свои силы не равномерно по всему фронту, а с преимуществом на левом фланге (отсюда происходит название «косо́го клина»). Поставив лучшую часть своего войска на левом фланге и создав тем самым здесь количественное

³³ В связи с этим уместно будет указать, что именно таким образом встал персидский царь Дарий в битве с Александром Македонским при Иссе (Арриан, II, 8, 11).

³⁴ Блаватский, 1954. С. 85—88.

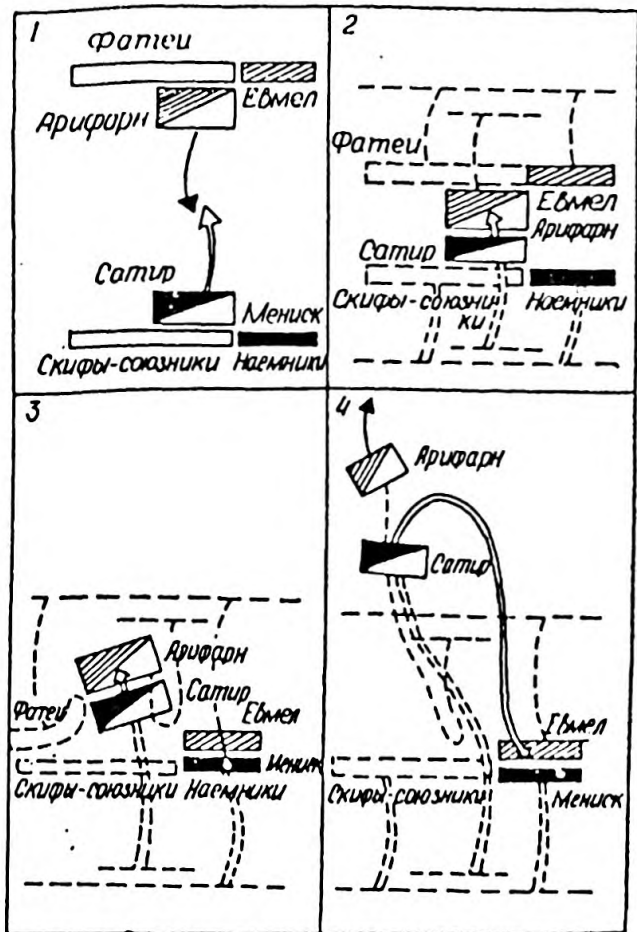

Рис. 23. Схема битвы при Фате (по В. Д. Блаватскому):

1 — боевой порядок войск Сатира и Арифарна; 2 — встречный бой конницы Сатира и Арифарна; 3 — конница Сатира опрокинула конницу Арифарна, вступивший в бой Евмел теснит наемников Сатира; 4 — конница Сатира, прекратив преследование конницы Арифарна, наносит удар по отряду Евмела и, сокрушив его, одерживает победу

и качественное преимущество, он одержал победу над непобедимыми до того спартанцами. Но использовал ли Евмел этот боевой порядок? Такое соблазнительное предположение, в общем, ничем не обосновано, более того, из описания Диодора вполне очевидно, что роль Евмела в командовании войсками во время сражения была весьма скромной, да и судьбу сражения решила совсем не пехота, а конница. Все эти соображения заставляют предпочесть схему хода битвы на Фате, которую предложил киевский скифолог Е. В. Черненко (рис. 24)³⁵.

Сатир с отборными отрядами конницы нанес удар в центр построения неприятеля, где находился царь Арифарн. После упорного боя, стоившего больших потерь обеим сторонам, он обратил сираков в бегство. Поначалу Сатир даже начал преследовать бегущих, но вскоре узнал, что его брат Евмел одерживает победу на своем фланге, прекратил преследование и, нанеся еще один удар по врагу, опять одержал победу. На этом сражение на берегу реки Фат, по существу, закончилось, полную победу в нем одержал Сатир. Важнейшую роль в этом успехе, безусловно, сыграла скифская конница, которая сначала сокрушила центр боевых порядков Арифарна, а затем, зайдя в тыл неприятеля, одержала верх и на левом его фланге.

Уцелевшие воины Арифарна и Евмела укрылись в царской ставке, стоявшей на берегу Фата; глубокая река, обтекая царскую ставку, делала ее почти неприступной. Неприступность еще более усиливалась бла-

³⁵ Черненко, 1984. С. 59—75.

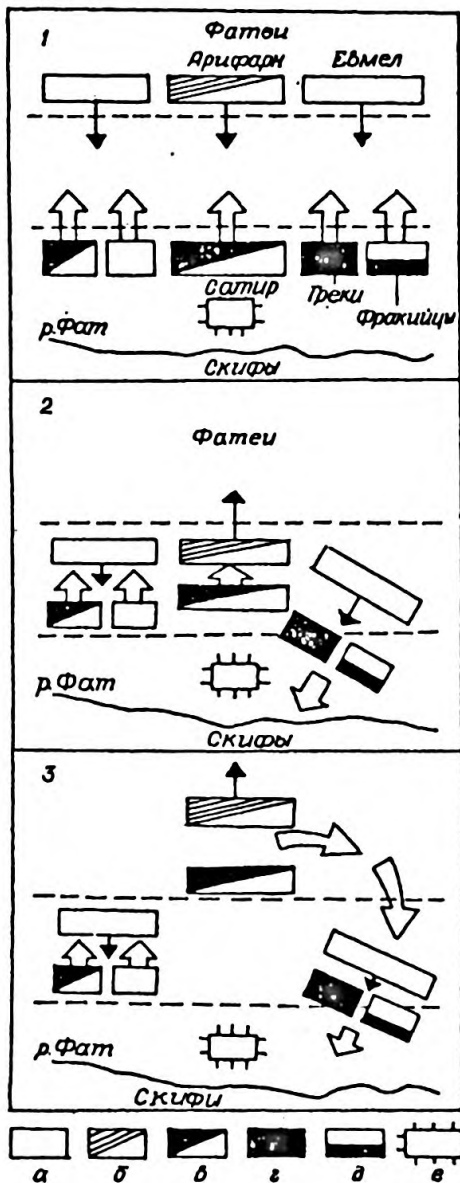

Рис. 24. Схема битвы при Фате (по Е. В. Черненко):

1 — войско Сатира и войско Арифарна перед сражением,

встречный бой; 2 — скифская конница Сатира наносит поражение коннице Арифарна и начинает ее преследование.

Евмел обращает в бегство наемников;

3 — скифская конница Сатира прекращает преследование разгромленных, меняет направление движения и наносит удар в тыл Евмела;

а — пехота; б — конница Арифарна; в — скифская конница; г — греки-наемники; д — наемники-фракийцы; е — укрепленный лагерь Сатира

годаря наличию здесь обрывистых утесов и густого леса. Подступы к крепости были к тому же защищены высокими башнями и палисадами.

После победы в сражении Сатир сначала опустошил неприятельскую страну, предал огню местные поселения, захватил большое количество добычи и пленных, а затем предпринял попытку взять крепость штурмом. Эта акция имела лишь частичный успех, но войска Сатира все-таки сумели переправиться через реку и начали вырубать лес, мешавший подходу к укреплениям. Работы быстро продвигались вперед, но и осажденные начали действовать активно — стрелки Арифарна стали поражать рубящих лес. Несмотря на все трудности и немалые потери, воины Сатира три дня продолжали свое дело и на четвертый приблизились к укреплениям. Здесь, на тесной позиции, осыпаемые тучей стрел, они несли большой урон. Положение попытался спасти предводитель наемников Мениск, его поддержал сам Сатир. В завязавшемся бою Сатир был ранен копьем в руку, рана оказалась столь серьезной (может быть, копье было отравлено), что этой же ночью царь скончался.

Крепость Арифарна была освобождена от осады, тело Сатира переправили в Пантикапей к его брату Притану, где были устроены подобающие сану усопшего пышные похороны. Приняв царскую власть, Притан не проявил должной активности и не сумел развить достигнутого предшественником успеха. Евмел же и его союзники оправились от поражения и сумели захватить немало городов и укреплений. Когда Притан наконец выступил против брата с войском, то

потерпел неудачу, войска его были оттеснены к перешейку около Меотийского озера и вынуждены были сдаться. В такой тяжелой ситуации Притан попытался укрепить свою власть в Пантикапее, но безуспешно, после чего он бежал в город Кепы, где был убит.

Таким образом, в тяжелой междоусобице полную победу одержал Евмел. Утвердившись на боспорском престоле, он жестоко расправился со своими противниками, приказав умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Бегством удалось спастись лишь сыну Сатира, царевичу Перисаду, который нашел укрытие у скифского царя Агара. Несмотря на проявленную чудовищную жестокость, в дальнейшем Евмел управлял государством очень умело и дальновидно (помогал некоторым греческим государствам, боролся с пиратами), в результате чего Боспорское царство укрепилось, расширились его границы и т. д.

Кратко резюмируя сказанное о борьбе за боспорский престол сыновей Перисада I, подчеркну, что стычку между братьями следует рассматривать не как простую междоусобицу, не как «небольшую гражданскую войну», по выражению М. И. Ростовцева³⁶, а как столкновение мощных варварских группировок. Разумеется, конфликт начался из-за спора за боспорский престол, но с вовлечением в борьбу варварских племен он явно перерос рамки простой междоусобицы и превратился в явление отнюдь не чисто боспорской истории. Военно-политическая обстановка в конце

³⁶ Rostovtzeff, 1930. P. 577.

IV в. до н. э., как можно предполагать, была такой, что и скифы и сарматы в этой войне сражались за интересы не только царевичей, но и свои собственные. Вторжения сарматов в области к западу от Дона сделали их непримиримыми врагами скифов.

В сложившейся ситуации поведение Евмела представляется вполне логичным. В своих притязаниях на боспорский престол он сделал ставку на поддержку сарматов, объединение в военном отношении, безусловно, очень сильное. Но и скифы, по всей видимости, поддержали Сатира в борьбе с братом не просто из личных симпатий к нему или только из понимания правоты его дела. В это время борьба с сарматами была, так сказать, их кровным делом, по-видимому, по этой причине они предоставили в распоряжение Сатира столь значительные силы, игравшие в боевых действиях чрезвычайно важную роль. Не случайным в данной связи представляется и то, что после смерти Сатира Притан принял царскую власть и твердое решение продолжать борьбу с Евмелом лишь после того, как прибыл к войскам (Диодор, XX, 24). Стремление войск, состоявших в основном из скифов, к продолжению успешно начатой войны сыграло здесь, по всей видимости, немалую роль. Судьба, однако, на сей раз была неблагоприятной к Притану и его союзникам, полная победа оказалась на стороне их противников-сарматов.

Совсем не исключено, что Евмел, получивший власть над государством благодаря помощи сарматов, и в дальнейшем в своей внешней политике стремился опираться на союз с ними. Возможно, с их поддерж-

кой следует в какой-то степени связывать его успехи в расширении границ и в укреплении международного престижа Боспора, о чем сообщается в рассказе Диодора. Можно даже предполагать, что события 310/9 г. до н. э. были до некоторой степени поворотным пунктом в истории Боспора. В это время традиционные союзнические взаимоотношения со Скифией прерываются, и, возможно, начинается процесс переориентации боспорской политики по отношению к туземным племенам с акцентом на связи с сарматами. Состояние источников таково, что трудно судить, насколько этот процесс был продолжен или развит после смерти Евмела (304/3 до н. э.). Однако можно предполагать, что сильнейшее в регионе объединение сарматов продолжало играть важную роль в системе связей Боспора с варварским миром и позднее.

Для изучения военного дела Боспора периода сарматской экспансии, как и для более раннего времени, большое значение имеют материалы, полученные при раскопках курганов. Первостепенную важность для понимания происшедших глобальных перемен, на мой взгляд, имеет курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун (южная оконечность Керченской бухты) в 1875 г. В его центральной могиле были обнаружены кремнированные останки воина с очень показательным погребальным инвентарем (рис. 25). Наиболее известная находка, происходящая отсюда, — золотой ажурный шлем, украшенный троекратно исполненным цветком каллы между волютами (рис. 25, 3). Некоторые исследователи сближают его по форме с сарматскими шлемами или с кожаными колпаками кочевников. Вполне

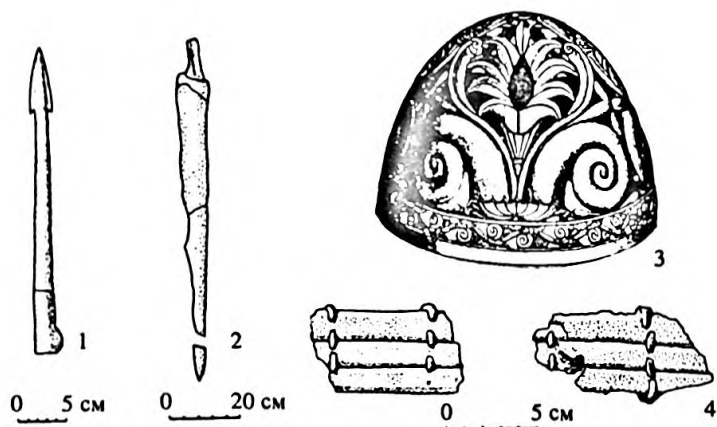

Рис. 25. Находки из кургана Ак-Бурун (1875):

1 — наконечник дротика; 2 — меч; 3 — золотой ажурный шлем; 4 — железные пластины от панциря (?)

возможно, что этот золотой шлем надевался поверх меховой шапки.

Другие вещи роднят курган Ак-Бурун с культурами народов, которые заселяли территории к востоку от Скифии (Подонье, Прикубанье). Из предметов вооружения в первую очередь обращает на себя внимание меч (рис. 25, 2). Длина его — 99 см, ширина у пяты клинка — 9 см. Нельзя согласиться с учеными, которые сближали эту находку с греческой махайрой или со скифским акинаком. Как показала А. И. Мелюкова, мечи длиннее 70 см в скифских комплексах вообще весьма редки³⁷. К сожалению, рассматриваемый

³⁷ Мелюкова, 1964. С. 60.

меч, особенно его рукоять, имеет слишком плохую сохранность, и невозможно с уверенностью судить, имел ли он металлическое перекрестие или металлическое навершие. По этой причине аналогии ему можно найти в савроматских и сарматских комплексах, где встречаются длинные мечи без металлического навершия, либо в прикубанских памятниках IV—III вв. до н. э., где были распространены довольно длинные мечи с коротким брусковидным навершием, но без металлического перекрестия. Видный исследователь древностей этого района К. Ф. Смирнов относил меч из Ак-Буруна к мечам синдо-меотского (прикубанского) типа³⁸, что представляется вполне вероятным.

Среди прочего вооружения в кургане Ак-Бурун были найдены 4 наконечника дротиков, наконечник копья, железные наконечники стрел, железные пластинки, как считают некоторые исследователи, от чешуйчатого панциря. Железные пластины (рис. 25, 4) выделяются своими крупными размерами и, в общем, мало напоминают обычный чешуйчатый доспех. Е. В. Черненко по этой причине предполагал, что они относятся к покрытию щита³⁹. Исследователи кургана, однако, были уверены в том, что они нашли здесь не щит, а именно панцирь. Возможно, это был панцирь нового, неизвестного в Скифии типа, состоявший из серии скрепленных между собой горизонтальных железных пластин, принесенный на запад продвинувшимися с востока сарматами. Можно обратить внимание, что подоб-

³⁸ Смирнов, 1980. С. 40. Рис. 2, 22.

³⁹ Черненко, 1968. С. 37.

ный по конструкции панцирь был обнаружен в более позднем сарматском погребении в Буеровой могиле на Таманском полуострове (см. главу VIII).

В наборе наступательного вооружения, как говорилось, представлены также дротики (рис. 25, 1). Как показала А. И. Мелюкова, дротики редко встречаются в степных скифских памятниках, но они хорошо представлены в лесостепных районах Северного Причерноморья и в Прикубанье⁴⁰. Железные втульчатые наконечники стрел IV—III вв. до н. э. бытовали в Скифии повсеместно, но количество их сравнительно невелико, и в колчаных наборах они почти всегда встречаются вместе с бронзовыми. Любопытно, но в рассматриваемом комплексе представлены исключительно железные наконечники. В IV в. до н. э. такие наконечники преобладали в Прикубанье и некоторых районах распространения сарматской (прохоровской) культуры.

Нетрудно заметить, что в целом весь комплекс вооружения из кургана Ак-Бурун находит наибольшее число аналогий в прикубанских памятниках. Дата его достаточно уверенно определяется в пределах конца IV—начала III в. до н. э. В связи с этим весьма соблазнительной представляется попытка связать этот курган с описанными выше событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада I. В. Ф. Гайдукевич, известный специалист в области древностей Боспора Киммерийского, высказал предположение, что здесь

⁴⁰ Мелюкова, 1964. С. 44.

Рис. 26. Надгробие воина из Керчи (1951)

был погребен один из союзников Евмела, и с этим предположением вполне можно согласиться⁴¹.

Дротики, подобные обнаруженным в кургане Ак-Бурун, как можно полагать, стали на Боспоре достаточно популярным видом метательного оружия. Очень интересно в этом отношении надгробие воина, найденное в Керчи в 1951 г. (рис. 26)⁴². В отличие от описанных выше таманских рельефов, это надгробие не рельефное, а расписное. Изображение здесь, по понятным причинам, сохранилось не очень хорошо, однако вполне можно разглядеть, что на надгробии представлен безбородый юноша, совершающий, вероятно, возлияние. На его ногах изображены кнemiды, обозначенные желтой краской (бронзовые), за спину закинут сравнительно небольшой по размерам щит круглой формы. Из наступательного вооружения представлен меч, который, судя по характеру рукояти, следует считать махайрой, и три копья или дротика. Стела датируется концом IV—III в. до н. э., большое количество копий (дротиков) у изображенного здесь воина, вероятнее всего, следует связывать с влиянием военного дела племен Прикубанья, что в контексте событий, речь о которых шла выше, представляется вполне закономерным.

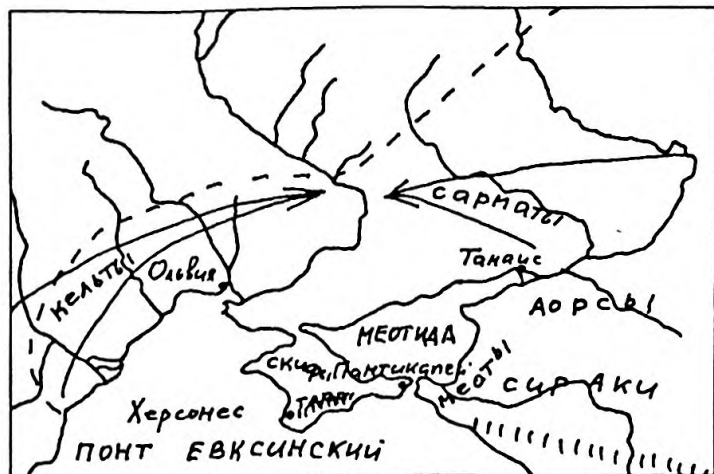
⁴¹ Gajdukevič, 1971. S. 142.

⁴² См.: Иванова, 1961. С. 108—110. Рис. 52.

ГЛАВА VII

БОСПОР ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

Победа Евмела при поддержке сарматов, однако, не спасла государство от серьезнейших потрясений, разразившихся приблизительно через 40 лет после описанной войны. В первую очередь эти потрясения коснулись Восточного Крыма, по этой причине есть веские основания считать, что виной тому стали скифы, оттесненные сарматами в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденные отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове (рис. 27). Можно напомнить в связи с этим уже приведенное выше свидетельство Лукиана Самосатского (Лукиан. Токсарид или дружба, 49), в котором говорится о нападениях групп скифских разбойников на территории Боспорского государства, разумеется, европейской его части. Но приблизительно к 270 г. до н. э. этим дело, всего скорее, уже не ограничивалось. Археологические исследования последних лет позволили установить, что на сельскохозяйственных территориях европейского Боспора в это время имела место в высшей

/// — 1 --- — 2 • — 3 ➞ — 4

Рис. 27. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии:

1 — горы; 2 — границы степей и лесостепей;
3 — главные греческие колонии; 4 — направления
кельтских походов с запада и сарматских с востока

степени драматичная ситуация. Резюмируя результаты изучения сельских поселений Восточного Крыма, известный московский археолог А. А. Масленников отмечает, что в конце первой трети III в. до н. э. на них в спешном порядке возводились укрепления, но, несмотря на это, все они погибли в 60-х гг. III в. до н. э. На большинстве исследованных селищ выявлены следы пожаров и разрушений всех построек, которые впоследствии уже не восстанавливались. В слоях разрушения обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел скифских типов, пращные камни и пр.⁴³

⁴³ Масленников, 1997. С. 63, 65.

Драматическая картина гибели поселений реконструируется на некоторых из них вполне отчетливо. Важные наблюдения были сделаны при раскопках поселения Золотое Плато: на полу двух из исследованных домов под рухнувшими стенами были найдены три человеческих скелета, в костях позвоночника одного из них торчал железный наконечник стрелы⁴⁴. Очень наглядная картина гибели во время нападения была зафиксирована также при раскопках поселения Генеральское-Западное. Археологические наблюдения показывают, что нападающие обстреливали поселение из луков: наконечники стрел обнаружены около оснований стен, часть из них погнуты; защитники поселения в борьбе с противником, скорее всего, активно использовали каменные ядра⁴⁵. Как видим, археологические материалы вполне позволяют заключить, что в 60-х гг. III в. до н. э. в Восточном Крыму разразились настоящие войны, которые оказались столь серьезными, что привели к уничтожению всей системы земледелия в районе.

Вполне возможно, что сельское население из неукрепленных поселений, спасаясь от вражеских нападений, уходило под защиту городских оборонительных стен. Не исключено, что фиксируемый в это время рост территории городов в немалой степени может быть объяснен притоком населения из степных частей полуострова. Сами города при этом активным образом укреплялись. В III в. до н. э. новая оборонитель-

⁴⁴ Масленников, 1998. С. 88.

⁴⁵ Масленников, 1996. С. 75—79.

ная стена была возведена в Мирмекии. В Тиритаке, где в конце IV—первой половине III в. до н. э. производилось обновление всей фортификационной системы, мощь отдельных ее звеньев была усилена еще и во второй половине III в. до н. э. Во второй половине столетия был перестроен по единому регулярному плану и стал мощной крепостью Порфмий (рис. 28), расположенный на западном берегу пролива в том месте, где тот имеет наименьшую ширину и где издревле существовали переправы (само название города Порфмий, вероятнее всего, восходит к древнегреческому слову «переправа»). Раскопками выявлена прямоугольная сеть улиц, которая делит крепость на восемь кварталов, вытянутых с востока на запад параллельно оборонительным стенам. Толщина стен достигала 2,5 м; исследована также северо-западная башня, которая фланкировала калитку шириной 1,5 м, устроен-

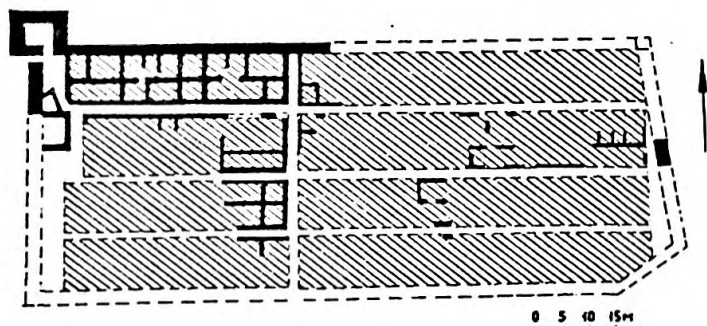

Рис. 28. План Порфмия эллинистического времени
(реконструкция Е. Г. Кастанаян)

ную в западной стене. Не вызывает особых сомнений, что столь кардинальная перестройка Порфмия была вызвана потребностями защиты переправы между европейской и азиатской частями, имевшей для Боспорского государства очень большое стратегическое значение. Концом IV в. до н. э. или первой половиной III в. до н. э. можно датировать возведение оборонительной стены Китея. В Зеноновом Херсонесе раскопками открыто мощное основание оборонительной стены III в. до н. э. Городские укрепления Пантикапея относятся к III—II вв. до н. э., но особенно внушительно выглядят укрепления акрополя столицы государства (рис. 29). В это же время были возведены укрепления в Киммерике (на вершине г. Опук). Оценивая все эти факты, следует признать, что в III—начале

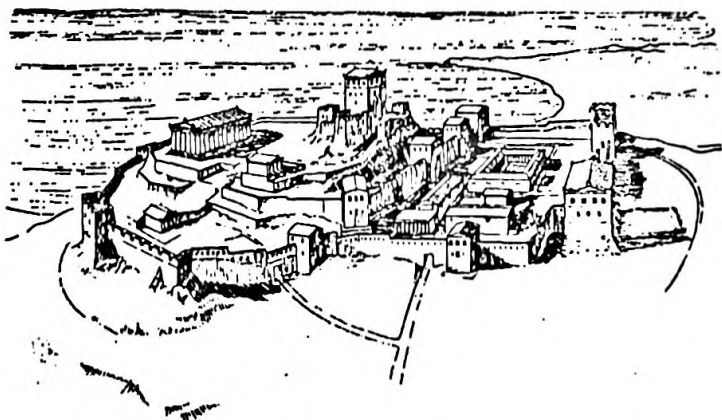

Рис. 29. Акрополь Пантикапея в III в. до н. э.
(реконструкция В. П. Толстикова)

II в. до н. э. в Восточном Крыму происходит усиление фортификационного строительства, вызванное, скорее всего, возрастанием военной угрозы со стороны Крымской Скифии.

Некоторые археологические материалы дают основание полагать, что в рассматриваемое время города европейского Боспора не просто испытывали военную угрозу, но и подвергались нападениям. При раскопках Нимфея был обнаружен проезд в оборонительной стене, заложенный большими камнями так, что оказалась оставленной лишь небольшая калитка. Около оборонительной стены были найдены каменные ядра и бронзовые наконечники стрел. Исследователь городища М. М. Худяк относил данную ситуацию к концу IV в. до н. э. и связывал ее с событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада⁴⁶. В рассказе Диодора о столкновении братьев, как было показано выше, ничего не говорится о военных действиях на собственно боспорской территории, поэтому, как представляется, наблюдение М. М. Худяка следует рассматривать не в контексте событий 310/9 г. до н. э., а в плане общей неспокойной военно-политической ситуации, сложившейся в это время на Керченском полуострове. В той же плоскости, по-видимому, можно трактовать и сильные разрушения Порфмия, происшедшие около середины III в. до н. э.

Для понимания военно-политической ситуации, сложившейся тогда на Боспоре, большое значение имеют граффити (рисунки, прочерченные по штука-

⁴⁶ Худяк, 1962. С. 35.

турке), сравнительно недавно обнаруженные в святилище Нимфея. Они вообще чрезвычайно ценны, поскольку, как считают исследователи городища, около середины III в. до н. э. святилище было ликвидировано и далее не существовало. Иными словами, полученные там материалы достаточно уверенно могут быть отнесены к раннему этапу сарматских вторжений в Северное Причерноморье.

На штукатурке были прочерчены изображения всадников и противостоящих им пеших воинов-лучников (рис. 30)⁴⁷. Всадники в конических шлемах, вооружены длинными копьями, все это позволяет видеть в них сарматов-катафрактариев. Пешие воины-лучники — это, вероятно, скифы. Напомню, что, по сообщению Диодора Сицилийского, скифское войско, поддержавшее боспорского царя Сатира в конфликте с братом, в основном состояло из пехотинцев (XX, 22). Нетрудно понять, что в сцене боя, изображенной на штукатурке, побеждают всадники-сарматы, а лучники-скифы терпят поражение. Признавая всю специфичность рисунков на штукатурке как источника по боспорской истории, отдаленность этих изображений от событий большой политики того времени, все-таки можно предполагать, что сарматы тогда, скорее всего, были «симапичней», ближе рядовым жителям Боспора, чем скифы, а сарматские победы над скифами находили отклик в их сердцах, поэтому и запечатлевались, пусть даже в такой, несколько примитивной, форме. В связи с затронутым сюжетом несколько слов необходимо

⁴⁷ Höckmann, 1999.

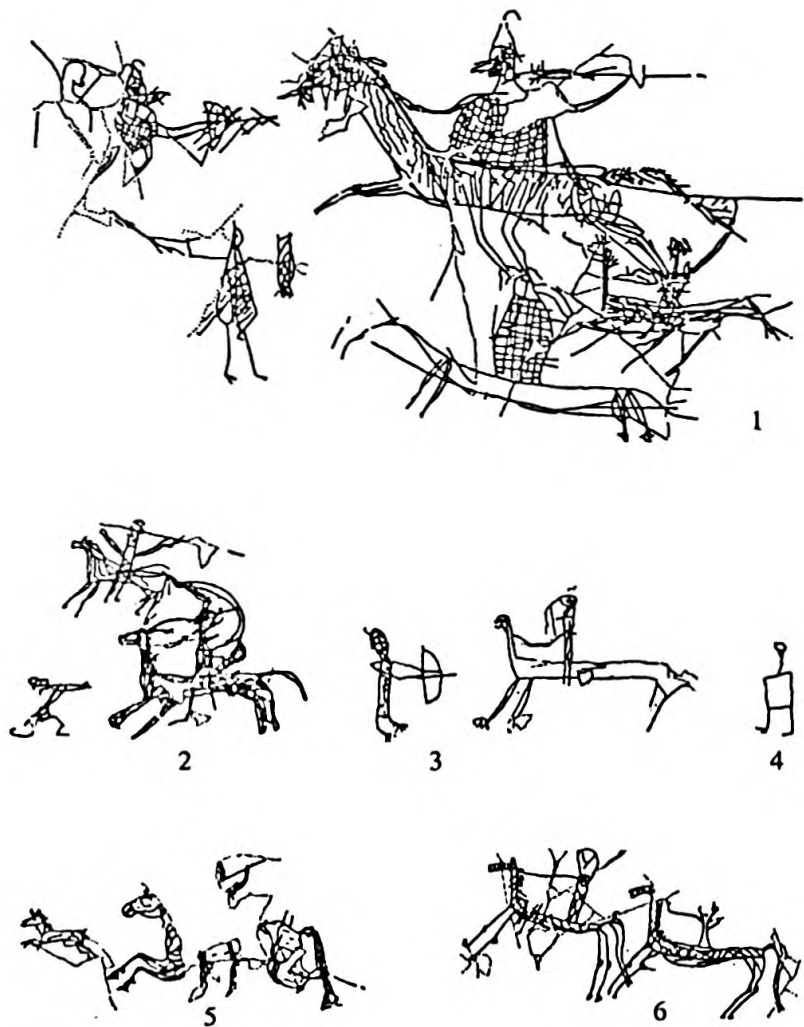

Рис. 30. Граффито из святилища Нимфея (по О. Хёкманну)

сказать о катафрактариях, как будто изображенных на граффито нимфейского святилища. Обычно так называют тяжеловооруженных конных воинов, у которых

доспехами были защищены также и их боевые кони. Само слово «катафрактарий» в переводе с древнегреческого можно передать как «прикрытый доспехом». Традиция этой системы вооружения, несомненно, происходит с востока, хотя о времени и месте ее появления в научной литературе споры не утихают. Весьма обоснованной представляется точка зрения петербургского археолога В. П. Никонорова, который пришел к заключению, что катафрактарии появились среди кочевников западной части Центральной Азии как результат их противостояния вторжению армии Александра Македонского⁴⁸. При таком понимании можно предположить, что эта система вооружения всадника, если судить по нимфейским изображениям, очень быстро попала в степи Северного Причерноморья, куда была принесена первой волной сарматского продвижения на запад.

В высшей степени любопытно, что археологические материалы, полученные во время раскопок на памятниках Таманского полуострова, не позволяют считать, будто военно-политическая ситуация здесь была более сложной, чем в Восточном Крыму. Это в особенности интересно по той причине, что именно сюда, к восточным рубежам Боспорского государства, проникли сарматские племена, прежде всего сираки. Конечно, и здесь поначалу имели место какие-то военные столкновения — в конце IV в. до н. э., к примеру, были разрушены оборонительные стены Семибратнего городища. На страницах научных изданий

⁴⁸ Nikonorov, 1998. P. 135.

эти разрушения обычно увязываются с военными действиями времени междоусобицы сыновей Перисада, а не предполагаемой сарматской агрессии, и это, возможно, справедливо. К тому же на рубеже IV и III вв. или в начале III в. до н. э. на городище были возведены новые укрепления. Последний факт также чрезвычайно любопытен, поскольку всплеска фортификационного строительства, столь явного в Восточном Крыму, на Тамани в это время как будто не произошло. Помимо Семибратнего городища, лишь при раскопках Фанагории был обнаружен небольшой участок оборонительной стены III—II вв. до н. э. Бурное фортификационное строительство фиксируется на азиатском Боспоре в более позднее время, но об этом будет сказано особо.

Следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на близость к районам, подвергшимся нападениям сарматов, положение на азиатской стороне Боспора в целом было отнюдь не хуже, чем на европейской. По всей видимости, в начальный период продвижения сарматов возможность их вторжения в пределы Боспорского царства была вполне реальной. Однако в дальнейшем, с развитием боспоро-сарматских взаимоотношений, эта угроза, скорее всего, была сведена до минимума. Весьма показательны, что ни один из греческих городов Таманского полуострова не был разрушен, для этого времени здесь даже не отмечается активного фортификационного строительства. Не уменьшая сложности военно-политической ситуации в регионе, хотелось бы высказать предположение, что подобная достаточно благоприятная ситуация в восточ-

ной части государства могла стать устойчивой лишь в том случае, если боспорские цари опирались не только на внутренние силы или на помощь со стороны греческих государств, но и на союз с местными варварскими племенами Прикубанья, в первую очередь на союз с сарматами.

Есть основания считать, что в это время Боспорское государство проводило политику самого активного проникновения в глубинные районы Прикубанья. Подобная политика проводилась также и в районе Донской дельты, где очень интересные результаты были получены при раскопках Елизаветовского поселения, самого крупного на восточной границе Скифии. Под угрозой сарматских нападений жизнь здесь прекратилась приблизительно на рубеже IV и III вв. до н. э., но ненадолго. Вскоре сюда было выведено поселение, которое в научной литературе именуется «боспорским эмпорием», просуществовавшим приблизительно 25—30 лет. Эта попытка упрочения боспорского влияния в дельте Дона не была успешной, и поселение погибло в 80—70-х гг. III в. до н. э., вероятно, в результате неожиданного нападения сарматов, но для понимания основных направлений греко-варварских контактов начала III в. до н. э. оно чрезвычайно показательное, тем более что полным успехом было ознаменовано выведение другого боспорского центра в дельте Дона — Танаиса.

Видный советский археолог, много лет руководивший раскопками Танаиса, Д. Б. Шелов считал, что город был основан в первой четверти III в. до н. э.⁴⁹

⁴⁹ Шелов, 1970. С. 23.

По сообщению Страбона, его основали боспоряне (Страбон, XI, 2, 3). Очень скоро этот город, расположенный, по существу, на пути варварских передвижений с востока на запад, стал важным экономическим центром, самым большим торжищем среди варваров после столицы Боспорского государства — Пантикапея (Там же, VII, 4, 5). Опираясь на него, Боспор твердой ногой стоял в пункте, который давал ему несомненные выгоды в плане экономического освоения района, торговли с местными туземными племенами, а также позволял ориентироваться в изменениях военно-политического характера в прилегающих степных областях. Если и ранее Боспорское государство в силу своего географического положения имело реальный и, по всей видимости, легкий доступ в Крым и Поднепровье из европейской части и к Кавказу из азиатской, то теперь в зону его активного влияния вошло и Нижнее Подонье — Приазовье.

ГЛАВА VIII

БОСПОР МЕЖДУ СКИФАМИ И САРМАТАМИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II в. до н. э.)

После потрясений времени крушения Великой Скифии жизнь постепенно нормализуется, входит в обычное русло. Из надписи будущего боспорского царя Левкона II явствует, что в середине—третьей четверти III в. до н. э. меоты и фатеи признавали власть боспорских владык, то есть владения Боспора в Прикубанье были весьма обширными. Другим важным признаком стабилизации ситуации стало возобновление жизни на сельских поселениях Боспора⁵⁰. Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что сельским поселениям при реконструкции военно-политической ситуации или, правильнее сказать, ситуаций, которые складывались в регионе на различных хронологических срезах, придается очень большое значение, и это, на мой взгляд, вполне закономерно. Именно сельские поселения могут служить надежным индикатором

⁵⁰ Масленников, 1998. С. 208.

усиления или ослабления военной угрозы по той простой причине, что они всегда легко уязвимы при нападениях неприятеля, во всяком случае, намного более уязвимы, чем укрепленные стенами города. Данные современной археологии убедительно демонстрируют, что деревни, как грибы после дождя, разрастались в окрестностях греческих городов в благоприятной внешнеполитической обстановке и, напротив, исчезали при возникновении серьезной военной угрозы. В этом отношении периоды массового выведения сельских поселений или, наоборот, их запустения, фиксируемые при археологических исследованиях, следует рассматривать в непосредственной связи с кардинальными переменами военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья.

Сельских поселений второй половины III—первой половины II в. до н. э. на Боспоре известно не очень много, гораздо меньше, чем для времени расцвета — IV в. до н. э., при этом в археологическом отношении сейчас гораздо лучше изучены сельские территории европейского, нежели азиатского Боспора. Последнее обстоятельство делает несколько условными все проводимые между ними сопоставления, но вовсе без таких сопоставлений обойтись, разумеется, невозможно. Сразу же необходимо обратить внимание на то, что почти все сельские поселения этого времени, открытые в Восточном Крыму, были укрепленными. Укрепления строились даже на самых небольших из них. Наиболее яркий памятник такого рода — Золотое на Азовском побережье Керченского полуострова. Археологическими раскопками здесь выявлена оборони-

тельная линия, состоящая из мощной стены (толщина — до 2,5 м) с серией хорошо сохранившихся выступов-бастионов⁵¹.

Имеющиеся археологические факты, на мой взгляд, позволяют считать, что военная ситуация в Восточном Крыму все еще оставалась достаточно тревожной, жизни на сельских поселениях района угрожали нападения неприятеля. Почти нет сомнений, что этим неприятелем были крымские скифы. По всей видимости, со второй половины III в. до н. э. в предгорьях Крыма начинается процесс консолидации скифского населения, приведший к окончательному сложению нового государства — Малой Скифии, которая, по сообщению Страбона, занимала Крым и область за Перешейком (Перекопом) вплоть до Днепра (Страбон, VII. 4, 5).

Союзнические отношения Боспорского царства с сарматами, которые сложились на предшествующем этапе, в рассматриваемое время получили определенное развитие, наложив свой отпечаток на военное дело, о чем будет сказано ниже. Начать же следует с того, что этими влияниями дело не ограничивалось, и на данном этапе в культуре Боспора появились весьма важные новые детали, связанные с военными событиями, происходившими на казалось бы далеком Западе. Европа, в том числе и античные государства Средиземноморья, в это время столкнулись с экспансией кельтов, которых греки называли галатами, а римляне галлами. Эта экспансия началась раньше рассматриваемого периода и развивалась волнообразно —

⁵¹ Масленников, 1998. С. 211—216.

всем известно, что около 385 г. до н. э. лишь гуси сумели спасти Рим от полного захвата галлами, пик новой волны пришелся на 80—70-е гг. III в. до н. э. В 281 г. до н. э. 20 тыс. галатов переправились в Малую Азию, где приняли самое активное участие в военных событиях, став серьезной угрозой для античных государств района. В 279 г. до н. э. кельты провели поход на Македонию и Грецию, совершив нападение на знаменитое святилище в Дельфах, откуда с большим трудом были оттеснены греками. Утвердившись во Фракии, они создали свое государство с центром в Тилисе, просуществовавшее с 280 по 213 г. до н. э. Это кельтское государство, как представляется, оказало немалое влияние на развитие событий в Северном Причерноморье, противостоя сарматскому расселению на запад (рис. 27). Данные современной археологии позволяют считать, что только после его крушения кочевники смогли продвинуться из-за Дона и прочно освоить районы Поднепровья.

Материальными свидетельствами военных столкновений, разразившихся в это время в Северном Причерноморье между сарматами и кельтами, на мой взгляд, являются кельтские шлемы, которые археологи порой находят в сарматских погребениях, в основном в районе Подонья и Прикубанья (рис. 31). Эти шлемы, которые в научной литературе именуются типом Монтефортино, вероятно, в основном изготавливались в Этрурии. Их еще называют шлемами типа «шапки жокея», поскольку те действительно несколько напоминают жокейскую кепку, надетую козырьком назад; «козырек», конечно, защищал шею воина.

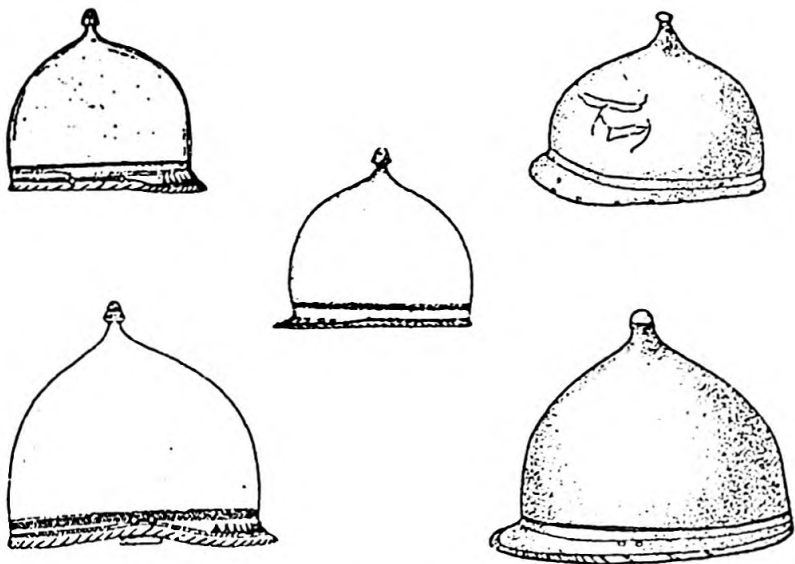

Рис. 31. Находки кельтских шлемов
из Северного Причерноморья
(по Б. А. Раеву, А. В. Симоненко и М. Ю. Трейстеру)

В античном мире прекрасные боевые качества кельтских отрядов были быстро оценены по достоинству, авторитет их в военной сфере был очень высок, и совсем не удивительно, что многие правители античных государств охотно приглашали галатов на службу. Тогда, как известно, «ни один восточный царь не вел ни одной войны без галльских наемников» (Юстин, XXV, 2, 9). Но можно ли что-нибудь сказать о присутствии кельтских наемников на Боспоре? Недавние археологические открытия свидетельствуют, что они, вероятнее всего, входили в состав египетского посольства, посетившего Боспор в первой половине III в.

до н. э. В святилище Нимфея, в том самом, где на штукатурке были изображены всадники-сарматы, сражающиеся со скифскими лучниками (см. выше), сохранилось великолепное изображение корабля «Исида» (рис. 32), на котором, как считается, прибыло посольство из Птолемеевского Египта ко двору боспорского царя Перисада II⁵². Вдоль борта этого корабля установлены характерные кельтские щиты (типа «тю-

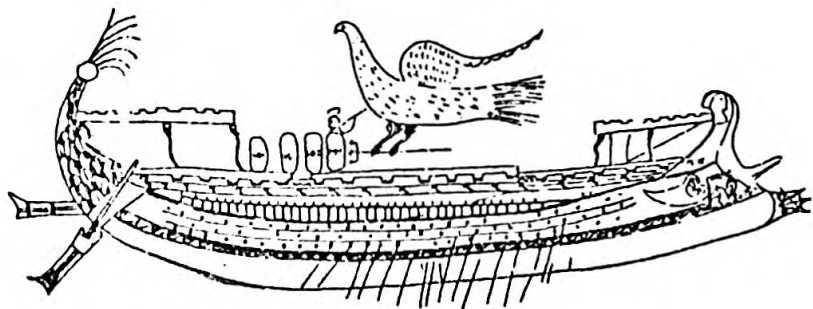

Рис. 32. Изображение корабля «Исида»
на стене святилища Нимфея

реос»)), позволяющие предполагать, что здесь присутствовали и их владельцы-кельты. Следует оговориться, однако, что непосредственного отношения к военному делу Боспора эти кельтские наемники, конечно, не имели.

Несколько слов необходимо сказать об упомянутых кельтских щитах — большие овальные щиты («тюреос» в переводе с древнегреческого можно опреде-

⁵² Грач, 1984. С. 81—88.

лить как «подобный двери») с вертикальным ребром вдоль центральной части получили широкое распространение во время кельтской экспансии III в. до н. э. в Европе, а затем и в Малой Азии (см. рис. 33, 3). Их изготавливали из дерева (длина примерно 1,10 м, ширина — 0,40—0,60 м), обтягивали, вероятнее всего, кожей и иногда снабжали металлическими обивками

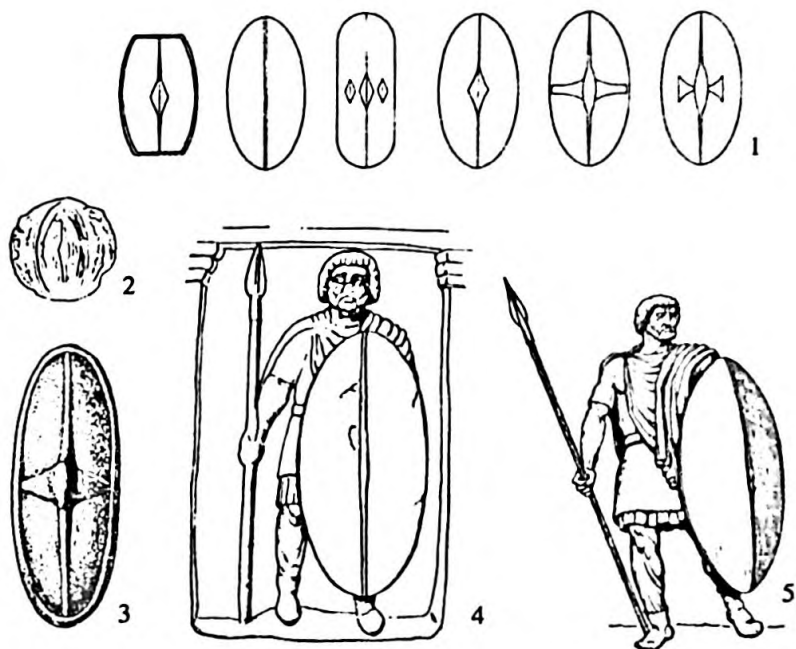

Рис. 33. Кельтские щиты на Боспоре:

- 1 — щиты III—I вв. до н. э. (по В. П. Толстикову);
 2 — изображение на монете Левкона II; 3 — изображение щита на терракотовой статуэтке (по В. И. Пругло);
 4 — изображение воина на Ахтанизовском надгробии;
 5 — воин со щитом (по В. П. Толстикову)

по краю. Металлический умбон в центре щита прикрывал деревянную ручку, за которую воин удерживал щит, надев его на вытянутую левую руку.

«Тюреос» входит в употребление на Боспоре, скорее всего, около середины III в. до н. э., и его изображения вскоре появляются на боспорских надгробиях, а затем и на терракотовых статуэтках воинов. Наиболее показательным в этом отношении является надгробие, обнаруженное около Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове в 1962 г. (рис. 33, 4, 5)⁵³. На известняковом надгробии, относящемся к концу II—началу I в. до н. э., представлено изображение стоящего в полный рост воина, который вооружен копьем и большим овальным щитом. Копье имеет листовидный наконечник с продольным ребром. Большой щит с вертикальным ребром посередине закрывает фигуру воина от плеча до щиколоток. Вполне очевидно, что он имеет сходство с типом «тюреос», хотя и не в полной мере, поскольку здесь отсутствует такая важная деталь, как выступ (умбон) в центральной части. В связи с этим можно высказать предположение, что щит ахтанизовского надгробия представляет собой поздний вариант развития щитов, типологически восходящих к кельтским образцам.

Настоящие щиты типа «тюреос» можно видеть на терракотовых статуэтках с изображением воинов (рис. 33, 3; 34). Эти статуэтки, не известные в других античных центрах Северного Причерноморья, представляют собой очень своеобразную группу боспорской коро-

⁵³ Толстиков, 1976. С. 80—90.

Рис. 34. Терракотовая статуэтка с изображением воина с кельтским щитом (Пантикапей)

III в. до н. э. боспорский царь Левкон II впервые в истории государства произвел чеканку царской медной монеты, что, возможно, следует связывать с его военными победами. Военная тематика представлена на монетах изображением щита на лицевой стороне и рукояти меча на оборотной. М. Ю. Трейстер предположил, что и щит и рукоять принадлежат к кельтским ти-

пластики II—I вв. до н. э.⁵⁴ Воины на них стоят в полный рост, опираясь на овальные щиты, на некоторых экземплярах представляется возможным рассмотреть панцири типа «мускульных кирас» (см. выше), поверх которых обычно надет длинный плащ. Изучившая эти статуэтки В. И. Пругло верно заметила, что первостепенное значение здесь имеет именно щит, который выставлен на первый план как некий символ, лучше всего характеризующий воина.

Самое раннее изображение кельтского щита на Боспоре, однако, представлено не на надгробиях или статуэтках, а на монетах (рис. 33, 2). Приблизительно в середине

⁵⁴ Пругло, 1970. С. 205—214.

пам⁵⁵. Второе предположение представляется не очень убедительным, поскольку изображение меча на монетах отчеканено не очень четко, и о его типе с уверенностью судить нельзя, а вот щит определенно относится к кельтским. По этой причине заключение М. И. Трейстера о том, что кельтская символика монет может быть связана с контактами Левкона II с галатами, в принципе представляется вполне вероятным.

В совокупности имеющихся археологических материалов, относящихся к рассматриваемому времени, определенное значение, на мой взгляд, имеет состав погребального инвентаря в гробнице, раскопанной в 1834 г. в районе Карантинного шоссе под Керчью (рис. 35)⁵⁶. Среди сделанных здесь находок имеется бронзовый щит удлиненной формы (0,51×0,27 м), возможно, кельтского типа. Щит сохранился очень плохо, однако из описания и рисунка ясно, что он имел вид выпуклого овала с обивкой гвоздями по краю. С внутренней стороны зафиксированы кожаные петли. Подобные сравнительно небольшие бронзовые щиты у кельтов, вероятнее всего, были предназначены исключительно для церемониальных или культовых целей. Думается, можно предположить, что и керченская находка использовалась подобным образом.

Из этой гробницы происходит также знаменитый железный шлем с небольшим гребнем и подвижными нащечниками (рис. 35, 3). Шлем на лобовой части был украшен серебряными изображениями в виде головы

⁵⁵ Treister, 1993. P. 791.

⁵⁶ См.: Виноградов Ю. А. 1997. С. 72—80.

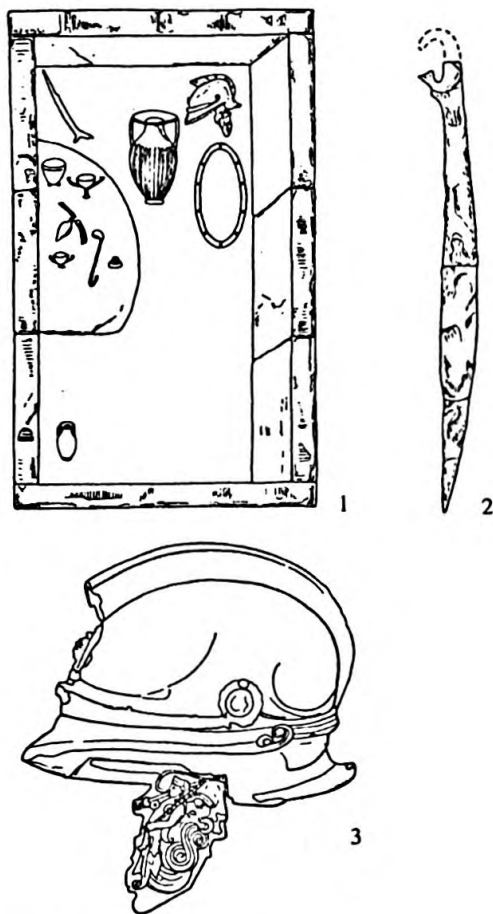

Рис. 35. Погребение воина у Карантинного шоссе под Керчью (1834):

1 — рисунок гробницы; 2 — меч-махайра;
3 — железный шлем с серебряными украшениями

А. Сильнов. 2003

Рис. 36. Греческий (слева) и кельтский воины-наемники на Боспоре (вторая половина III в. до н. э.) (реконструкция А. В. Сильнова)

Афины, масками горгоны Медузы по бокам и не вполне понятными изображениями на щечниках, возможно, они представляют фигуры мифического чудовища Сциллы с факелами.

Тип шлемов, к которому относится керченская находка, определяют как аттический эллинистического времени, их порой называют также «псевдоаттическими». Имеющиеся аналогии позволяют говорить о широкой популярности таких шлемов после походов Александра Македонского, т. е. с конца IV в. до н. э. по первую половину II в. до н. э. Очевидно, тогда были достаточно популярны и шлемы, изготовленные из железа, поскольку, по свидетельству Плутарха, в битве при Гавгамелах железный шлем надел сам великий полководец (Плутарх (б), 32). На Боспоре описанная находка не является единственной, фрагмент шлема такого типа был найден также при раскопках одного из поселений в Восточном Крыму⁵⁷.

Наступательное вооружение в погребении у Карантинного шоссе представлено железным мечом типа махайры (рис. 35, 2). О подобных мечах и их распространении на Боспоре начиная с самого раннего

⁵⁷ Обломок лобной части шлема был обнаружен в слое разрушения античного поселения на Чокракском мысу, которое, как считают исследователи, произошло в самом конце I в. до н. э. Эта находка еще раз позволяет убедиться в верности наблюдения, что шлемы, как, впрочем, и другие предметы вооружения, могли переходить из рук в руки, многократно менять своих владельцев и в общем находиться в употреблении в течение столетий. См.: Масленников, Трейстер, 1997. С. 144—149.

времени, уже говорилось выше; что касается данного экземпляра, то он имеет длину около 0,80 м. Вообще же набор вооружения, обнаруженный в описанной гробнице, очевидно, был достаточно популярен. Показательно, что на одном из боспорских надгробий конца III—начала II в. до н. э. имеется рельефное изображение воина со щитом как будто овальной формы, замахивающегося коротким изогнутым мечом⁵⁸. Почти нет сомнений, что этот меч — махайра.

Материалы данного погребения дают основание полагать, что оно принадлежит наемнику, служившему в армии боспорского царя. Хорошо известно, что эти античные «солдаты удачи» были готовы сражаться за деньги где угодно и против кого угодно. Из текста Диодора Сицилийского об усобице сыновей Перисада I мы уже знаем, что на боспорской службе находились довольно крупные отряды греческих и фракийских наемников (см. выше). Очень показательны и некоторые эпиграфические документы. Среди них — надгробие, принадлежащее пафлагонцу, который погиб, «сражаясь в земле маитов (меотов)». Иногда считается, что один из декретов в честь Левкона I был принят аркадскими наемниками, к надгробиям наемников порой относят эпитафии сиракузянина, киприота, хиосца и некоторые другие.

Совсем не исключено, что на службе у боспорского царя в третьей четверти III в. до н. э. находились также кельтские воинские контингенты, игравшие важ-

⁵⁸ Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 23, 79—80. Taf. XXXII, 449.

ную роль в политике государства. Уже говорилось, что тогда ни один восточный царь не вел ни одной войны без галатских наемников, очень может быть, что этого правила в своих действиях придерживался и боспорский царь Левкон II. Что касается гражданского ополчения, то оно, скорее всего, к этому времени уже полностью потеряло свое значение.

Выше говорилось о терракотовых статуэтках воинов с кельтскими щитами, которые достаточно ярко характеризуют одну из сторон боспорской культуры рассматриваемого времени. Столь же любопытна еще одна категория терракотовых статуэток, появившихся на Боспоре, очевидно, во второй половине III в. до н. э., — это статуэтки всадников (рис. 37). К сожалению, многие детали на них трактованы очень небрежно, пропорции коня и всадника часто переданы неверно, и в общем эти произведения никак нельзя относить к шедеврам античной коропластики. Их значение, на мой взгляд, заключается совсем в ином. Общий варварский, восточный облик костюма всадника, несмотря на всю условность трактовки, выступает здесь вполне отчетливо, в частности, в его головном уборе в виде башлыка с заостренным верхом. Нельзя сомневаться в том, что все терракотовые статуэтки так или иначе были связаны с культовыми представлениями, в данном случае эта связь выступает в сфере представлений о роли и предназначении мужчины как воина-героя. Героический идеал, как можно предполагать, в первом случае был, так сказать, навеян Западом, а во втором — Востоком. О восточных направлениях связей Боспора в военной сфере, как и прежде, свидетельствуют материалы курганных захоронений.

Курганы, содержащие погребения варварской знати, в это время сосредоточены только в азиатской части Боспора, ближе к кочевьям сарматских племен. Неудивительно, что в их культуре ярко выступают именно сарматские черты, связанные прежде всего с манерой украшать боевых коней круглыми, в основном серебряными, бляхами, так называемыми фаларами. Очень важной в ряду таких памятников представляется Буерова могила, расположенная сравнительно недалеко от Большой и Малой Близниц. Она содержала

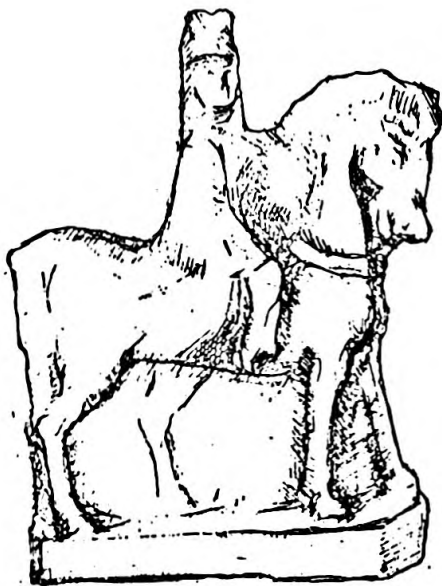

Рис. 37. Терракотовая статуэтка с изображением всадника (поселение Артющенко I на Таманском полуострове)

конское захоронение с уздечным набором из бронзовых блях, покрытых серебром и позолотой. Человеческое погребение находилось в склепе, сложенном из тесаных известняковых плит. Здесь был обнаружен весьма богатый сопровождающий инвентарь — золотые венки, большое количество серебряной и бронзовой посуды и т. п. Очень впечатляет набор оружия: 5 мечей, 6 копий, масса железных наконечников стрел, обломки панциря из кованых железных пластин, такие же пластины от щита (?) и бронзовый шлем с нащечниками. Мечи в ножнах с золотыми обкладками, безусловно, относятся к типу сарматских (рис. 38, 3).

В кургане у д. Мерджаны, расположенной недалеко от Анапы, была обнаружена золотая пластина с изображением всадника, приближающегося к сидящей на троне женщине, вероятнее всего, богине (рис. 38, 2). Среди предметов вооружения здесь был найден короткий меч или кинжал, а также два конических бронзовых шлема (рис. 38, 1). Конические шлемы, подобные находкам из Мерджан, стали изготавливаться в Древней Греции в эллинистическое время, вероятно, для защиты от рубящих ударов кельтских мечей. Неудивительно, что они представлены на таких важных памятниках времени войн с галатами в Малой Азии, как Алтарь Зевса в Пергаме, но еще чаще на рельефах с изображением оружия в святилище Афины Nikephory. Представленное на рельефах оружие, вероятнее всего, было захвачено пергамцами во время сражений с этими варварами.

Имеющиеся материалы позволяют заключить, что Боспорское государство во второй половине III—пер-

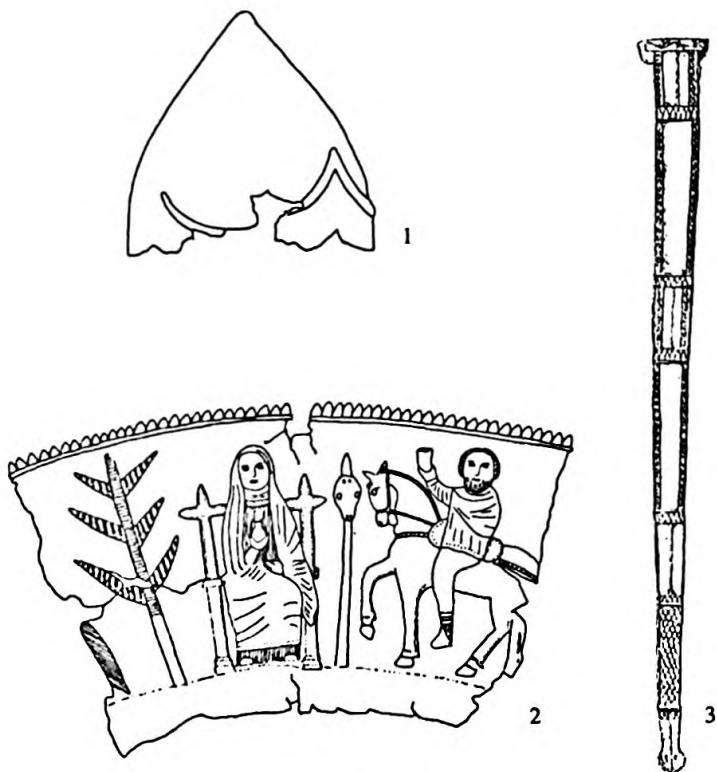

Рис. 38. Находки из боспорских курганов:

1 — бронзовый шлем; 2 — золотая пластина с изображением всадника и богини; 3 — обложенные золотом ножны меча (1, 2 — Мерджаны; 3 — Бурова могила)

вой половине II в. до н. э. в своей внешней политике опиралось на военные формирования, состоявшие из наемников, а также на союзных сарматов. Этих двух

факторов до поры до времени вполне хватало, чтобы отстаивать свои интересы, более того, обозначенный период даже можно признать временем процветания Боспора. Процветанию пришел конец, когда военнополитическая ситуация в степях Северного Причерноморья в очередной раз резко изменилась.

ГЛАВА IX

СПАРТОКИДЫ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ

Середина II в. до н. э. связывается с концом периода относительной стабилизации в Северном Причерноморье по многим причинам. Складывается впечатление, что с этого времени выплески из Азии на запад все новых и новых кочевых племен происходили, так сказать, в ускоренном ритме. Эти глобальные передвижения привели к окончательной дестабилизации обстановки в степях северного берега Понта, поскольку, как представляется, ни одно из появившихся в регионе племен не могло осуществить свою полную гегемонию, и античным государствам в этом сложном переплетении политических целей, экономических интересов, возникающих и разваливающихся союзов варварских племен было чрезвычайно непросто отстоять свою самостоятельность, выбрать собственный, сравнительно безопасный путь развития.

Выплески кочевнических волн в северопричерноморские степи стали перехлестывать через край, как уже говорилось, приблизительно с середины II в. до н. э. Совсем не исключено, что новый импульс с Востока был связан с миграцией роксоланов и языгов (рис. 39).

III — 1 --- — 2 • — 3

Рис. 39. Северное Причерноморье во второй половине II—I вв. до н. э.:

1 — горы; 2 — граница степей и лесостепей;
3 — главные греческие колонии

По свидетельству Страбона, роксоланы заняли пространства между Танаисом и Борисфеном, т. е. между Доном и Днепром (Страбон, VII, 3, 17). Описывая образ жизни кочевников, древний географ заметил, что «они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» (Там же, VIII, 3, 17). В 112—110 гг. до н. э. эти воинственные кочевники уже принимали участие в скифо-херсонесском конфликте на стороне скифов и были разбиты Диофантом (подробнее о нем будет сказано ниже), которого на помощь Херсонесу прислал царь Пон-

тийского государства (Малая Азия) Митридат VI Евпатор (Там же; VП, 3, 17). Войско варваров, состоявшее почти из 50 тыс., не устояло против 6 тыс. воинов, которыми командовал понтийский полководец, и в большинстве своем погибло, что еще раз может продемонстрировать силу дисциплинированного, хорошо обученного войска в столкновениях с варварскими толпами. Вооружение роксоланов, каким его описал Страбон, выглядит не очень совершенным: они имели шлемы и панцири из сырой воловьей кожи, сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служили копья, лук и меч. Языги продвинулись западнее роксоланов и обитали за Днепром, где известны также сарматы царские и урги (Там же, VII, 3, 17). В плане вооружения и военной организации они, скорее всего, мало отличались от роксоланов.

Новые кочевнические объединения, как легко можно заметить, очень быстро достигли Таврики. Во второй половине II в. до н. э. эпиграфические источники фиксируют здесь новых пришельцев, сатархов, появление которых Ю. М. Десятчиков связывал с широким расселением на запад центрально- и среднеазиатских кочевников⁵⁹. Вероятно, в последней четверти II в. до н. э. на азиатском Боспоре появились аспургiane, о которых Страбон писал как о меотском племени (XI, 2, 11). В дальнейшем эти варвары стали играть весьма важную роль в событиях боспорской истории.

Во второй четверти—середине II в. до н. э. на политической арене все активней начинает выступать

⁵⁹ Десятчиков, 1973. С. 131—144.

Малая Скифия в Крыму, где утвердилась власть царя Скилура. Вполне возможно, что на окончательное сложение скифского государства в Крыму в немалой степени повлияла угроза, исходящая из восточных районов причерноморских степей. Развитие конфликта между молодым скифским государством и Херсонесом привело к тому, что примерно во второй четверти II в. до н. э. произошел разгром греческих сельских поселений в Северо-Западном Крыму. Очевидно, до этого разгрома херсонеситам пытались помочь сарматы, возможно, даже существовал союз между ними и Херсонесом. Полиэн (Полиэн, VIII, 56) рассказывает, что царица сарматов Амага с группой отборных воинов совершила большой переход, неожиданным ударом захватила дворец царя скифов, убила его, а захваченную скифами страну вернула грекам. Однако не все северопрichernоморские кочевники в начавшемся конфликте заняли антискифскую позицию. Как уже говорилось, роксоланы выступили против греков на стороне скифов (Страбон, VII, 3, 17).

Союз с сарматами, как следует считать, оказался не очень надежным, Херсонес так и не сумел противостоять скифскому натиску. Около середины II в. до н. э. на руинах некоторых греческих укреплений были построены скифские крепости, таким образом, владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму оказались под властью варваров, а к концу столетия они уже ограничивались только ближайшими его окрестностями. По существу, враг подступил к самым стенам города.

В истории Ольвийского государства новое обострение кризиса также приходится на середину II в. до н. э.

В этой ситуации ольвиополиты вынуждены были в очередной раз искать себе защитника среди соседних варваров, что в конце концов привело к подчинению полиса скифам, которое выразилось на сей раз в виде протектората царя Скилура. Правители Боспора Киммерийского пытались выйти из кризиса своим путем.

Сразу следует признать, что дестабилизация военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья и на сей раз весьма болезненно отозвалась на Боспоре. Начало этого кризисного периода, скорее всего, было связано с какими-то политическими переменами, связанными с неким Гигиенонтом. Имя этого правителя встречается на немногочисленных монетах (золотых, серебряных и бронзовых) и на клеймах керамических черепиц. Любопытно, что на монетах Гигиенонт имеет титул архонта, а не царя, хотя последнее для Боспора уже давно стало обычным. Вопросы о времени его правления и связи с династией Спартокидов вызывают большие споры среди специалистов. Е. А. Молев, специально изучивший вопрос об архонте Гигиенонте, пришел к заключению, что его правление относится приблизительно к 145—130 гг. до н. э.⁶⁰ Судя по изображению скачущего всадника на реверсе его серебряных монет, можно предполагать, что этому правителю удалось одержать военную победу. Е. А. Молев допускает, что это была победа над сатархами. Этот успех, однако, не мог спасти государство от новых военных потрясений, при этом почти нет сомнений,

⁶⁰ Молев, 1994. С. 22.

что основная угроза ему исходила именно с востока, а не с запада.

По свидетельству Страбона, которое можно отнести к рассматриваемому периоду, кочевые и земледельческие племена меотов имели одинаковую воинственность (Страбон, XI, 2, 4), а подвластные Боспору племена поднимали восстания (Там же, XI, 2, 11). По всей видимости, в это время были полностью потеряны все владения боспорских царей в Прикубанье. Неудивительно, что результаты дестабилизации, обусловленной в первую очередь изменениями в сарматском мире, наиболее рельефно проявились на азиатской стороне. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в середине II в до н. э. в пожарах гибнут многие поселения Таманского полуострова, прежде всего такой показательный памятник, как Таманский толос⁶¹. Как считал крупный специалист в области античных древностей района Н. И. Сокольский, именно с середины II в. до н. э. началось создание оборонительной системы, состоявшей из валов и серии укрепленных поселений, на Фонталовском полуострове (северо-западная часть Таманского полуострова)⁶², который в древности, вероятно, являлся островом. Этот остров имел очень большое стратегическое значение, поскольку позволял контролировать самую узкую часть Керченского пролива, где находились переправы, связывающие европейскую и азиатскую части Боспора (см. также главу VII о Порфмии). Оборонительная сис-

⁶¹ Сокольский, 1976. С. 46.

⁶² Там же. С. 107, 116.

тема, состоявшая из 12 крепостей, была создана здесь позднее, вероятно, в I в. до н. э.⁶³

Враждебные отношения с местными племенами Прикубанья, чреватые частыми военными конфликтами, как представляется, проявляются и в том, что для второй половины II в. до н. э. вплоть до митридатовского периода на Таманском полуострове мы не знаем ни одного кургана варварской знати, который можно было бы более-менее уверенно датировать этим временем. В этом отношении реконструируемая картина выглядит просто уникальной, поскольку ранее, начиная с V в. до н. э., такого здесь никогда не было. Думается, есть все основания заключить, что азиатский Боспор находился в это время в весьма критическом положении, взаимоотношения с местными варварскими племенами достигли крайней степени обострения. На европейской стороне результаты дестабилизации проявились несколько позднее, чем на азиатской. Поселения Азовского побережья Керченского полуострова гибнут на рубеже II и I вв. до н. э., о запустении района свидетельствует и Страбон (Страбон, VII, 4, 5). Но эти факты логичнее связывать уже не с враждебностью каких-то варварских племен, а с обстоятельствами подчинения Боспора Митридату VI Евпатору, с восстанием Савмака, боевыми действиями понтийских полководцев и т. д. (см. ниже).

Всего скорее, именно к этому времени следует относить сообщение Страбона об активной деятельности морских разбойников Северо-Западного Кавказа —

⁶³ См.: Толстиков, 1992. С. 41—65.

ахейцев, зигов и гениохов (XI, 2, 12). Для своих разбоев эти варвары использовали небольшие, узкие и легкие ладьи, которые греки называли «камарами». Такие лодки вмещали около 25 человек, редко — до 30. Пираты господствовали на море, нападали на грузовые суда и даже на отдельные местности или города. После таких походов они возвращались в родные места, но поскольку не имели удобных стоянок, то взваливали камары на плечи и уносили их в леса, в которых обитали; перед новыми разбоями пираты подобным же образом сносили ладьи к берегу.

Описывая особенности их разбойничьего образа жизни, древний географ отмечает, что порой им содействовали боспорские правители, предоставляя им стоянки, позволяя покупку провианта и продажу награбленного. В лучшие для Боспорского государства времена царь Евмел, как говорилось выше, прославился отнюдь не сотрудничеством с грабителями, а беспощадной борьбой с ними (Диодор, XX, 25), но ситуация в регионе изменилась самым кардинальным образом, и правители Боспора вынуждены были, по существу, сотрудничать с морскими разбойниками.

Экономический кризис, разразившийся на Боспоре в это время, имел многие негативные последствия, сказавшиеся прежде всего на состоянии государственной казны. Оскудение казны, в свою очередь, закономерно вело к ослаблению обороноспособности государства. Средств для содержания сильной наемной армии, состоящей из греков, галатов и т. п., явно не хватало. Дружины соседних варварских племен также не желали отстаивать интересы Спартокидов беспла-

но, да и вообще дружеские отношения с варварами, точнее, с варварской аристократией всегда стоили Боспору немалых средств. Во второй половине II в. до н. э. таких средств уже не было.

В результате всех этих негативных перемен последний из Спартокидов — Перисад V, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору» (Страбон, VII, 4, 4). В процитированном пассаже из текста Страбона немалую дискуссию среди исследователей вызвал вопрос о том, каким именно варварам вынужден был платить дань Боспор. Ответ, казалось бы, прост: поскольку военных сил для отражения варварской угрозы явно не хватало, то платить надо было всем, кто этого требовал, а таких в это время, надо думать, было немало.

В отечественной литературе предпочтение отдается точке зрения, что дань выплачивалась скифам. Однако очерченная выше ситуация заставляет с большим вниманием относиться к идее, что это были сарматы, во всяком случае, именно с их стороны, как представляется, тогда исходила для Боспора основная угроза. Боспоро-скифские отношения носили в это время иной характер, и для этого утверждения имеются достаточно веские основания. Обнаруженные сравнительно недавно эпиграфические документы, прежде всего надпись дочери царя Скилура из Пантикапея⁶⁴, в которой, в частности, сообщается, что эта знатная женщина была женой боспорского аристократа Гераклида,

⁶⁴ Виноградов Ю. Г. 1987. С. 55—86.

позволяют предполагать самые тесные связи Боспора со скифами, так сказать, на самом высоком уровне. Из другой пантикапейской надписи известно, что знатный скиф по имени Аргот в 170—150 гг. до н. э. был супругом боспорской царицы Камасарии, иными словами, был введен в элиту государства. В 1999 г. при раскопках столицы Крымской Скифии — Неаполя Скифского Ю. П. Зайцевым были обнаружены фрагменты надписи «могучего Аргота, повелителя Скифии». Этот важнейший документ полностью еще не изучен, но уже сейчас есть основания считать, что названный в нем Аргот и супруг Камасарии — одно и то же лицо. Ю. П. Зайцев в этой связи предполагает, что брак с боспорской царицей стал началом политической карьеры Аргота, важным межгосударственным актом, во многом определившим дальнейшую его судьбу. Как видим, имеются немалые основания считать, что в середине—второй половине II в. до н. э. существовал боспоро-скифский союз, ставший важным фактором военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Признавая важность этого союза, следует осознать также и все его своеобразие.

Сам по себе боспоро-скифский союз, конечно, не означал того, что боспоряне были свободны от дани скифам. Ю. Г. Виноградов был не совсем прав, утверждая, что с союзников дань взиматься не могла⁶⁵, она, всего скорее, взималась, пусть в скрытой форме дипломатических даров. Зададимся, однако, другим вопросом: мог ли этот союз и эти дипломатические дары

⁶⁵ Виноградов Ю. Г. 1999. С. 62, примеч. 2.

гарантировать безопасность Боспора, надежно защитить его восточные границы в столь непростой военно-политической обстановке. Думается, что нет. То, что в свое время могла обеспечить Боспорскому государству Великая Скифия, Малой Скифии было явно не по силам. Когда же в результате нарастающей дестабилизации обстановки в регионе неэффективность этого альянса стала вполне очевидной, был найден новый спасительный вариант в виде передачи власти понтийскому царю Митридату VI Евпатору.

ГЛАВА X

ПОДЧИНЕНИЕ БОСПОРА МИТРИДАТУ VI ЕВПАТОРУ

Детали сложной и драматической истории, связанной с переходом власти на Боспоре к понтийскому царю, известны прежде всего по знаменитому декрету в честь Диофанта, который был обнаружен при раскопках Херсонеса. Надпись повествует о том, что Херсонесское государство, оказавшееся в труднейшей ситуации в результате натиска скифов, обратилось за помощью к Митридату. На помощь к херсонеситам было прислано понтийское войско во главе с Диофантом. После первых побед над скифами и таврами он прибыл на Боспор, чтобы, как логично ожидать, предупредить возможное выступление боспорян на стороне скифов. Эта акция представляется абсолютно оправданной, ибо боспоро-скифский союз, речь о котором шла выше, как будто к тому должен был обязывать. Возможно, уже в это время была достигнута и предварительная договоренность о передаче власти Перисадом V («последним») в пользу понтийского царя.

Вновь разгромив скифов, которые попытались взять реванш, и выступивших на их стороне роксоланов (в надписи названы «ревксиналами»), Диофант второй раз прибыл на Боспор, где «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора». Этот пассаж декрета, всего скорее, следует понимать как свидетельство об окончательном решении вопроса о передаче власти понтийскому царю. Против такого поворота событий выступили скифы во главе с Савмаком; в результате поднятого ими восстания Перисад был убит, Диофанту же удалось спастись на херсонесском корабле. Собрав силы, понтийский полководец начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство». Перечисленные события, потрясшие Боспор, вероятно, охватили весь 107 г. до н. э., с этого времени почти на 50 лет Митридат VI Евпатор стал владыкой Боспорского государства, а вскоре и фактически всего Северного Причерноморья.

Разумеется, отнюдь не все детали этих важных событий освещены имеющимися источниками в достаточной степени. В научной литературе, как известно, большую полемику вызвало то место декрета в честь Диофанта, в котором говорится, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада, «вскормившего его», но кого именно вскормил боспорский царь, остается не вполне ясным. Традиционно это выражение относили к Савмаку, который, соответственно, совершил страшное злодеяние, подняв руку на своего благодетеля. Сам он при этом рассматривался как скифский царе-

вич, получивший воспитание при дворе боспорского царя.

Академик С. А. Жебелев в слове «вскормившего» усмотрел указание на рабскую принадлежность Савмака, и восстание при этом стало трактоваться как выступление рабов⁶⁶. Это проявление классовой борьбы на Боспоре было поставлено в ряд других крупных рабских восстаний, потрясших античный мир. В советской антиковедческой науке гипотеза С. А. Жебелева, по существу, сразу стала господствующей, получившей статус почти бесспорного факта. В настоящее время этой точки зрения как будто уже никто не придерживается, а вскормленным Перисада считают не только Савмака — некоторые ученые признают, что это был Диофант или даже сам Митридат VI Евпатор, хотя, на мой взгляд, наиболее логично считать, что при дворе Перисада был «вскормлен» скифский царевич Савмак.

Ю. Г. Виноградов в этих событиях видел дворцовый переворот, осуществленный полуварварской верхушкой Боспорского царства⁶⁷. Действительно, с имеющимися материалами больше согласуется представление о восстании Савмака как о попытке скифов удержать Боспорское царство в орбите своего влияния и, возможно, втянуть его в борьбу с Херсонесом. Следует особо подчеркнуть, что эти события никак нельзя считать случайными, связанными с действиями только скифского царевича-авантюриста, напротив, они

⁶⁶ Жебелев, 1953. С. 82 и след.

⁶⁷ Виноградов Ю. Г. 1987. С. 79—80, 86.

стали закономерным следствием боспоро-скифского сближения, о котором речь шла выше.

Восстание Савмака и боевые действия Диофанта против мятежников, безусловно, должны были привести к разрушениям боспорских поселений. Разрушения конца II—начала I в. до н. э. действительно фиксируются при археологических раскопках на некоторых памятниках. К примеру, городище Крутой Берег в Восточном Крыму погибло в конце II в. до н. э. На рубеже веков или несколько позднее был разрушен Зенонов Херсонес. На азиатской стороне Боспора в конце II в. до н. э. погибло Раевское городище. К интерпретации перечисленных археологических фактов исследователи, по большей мере, относятся очень осторожно. Лишь разрушения Пантикапея этого времени, где погибли все монументальные здания, были уничтожены укрепления акрополя и пр., уверенно связываются с потрясениями, которые столица Боспора испытала при последнем Перисаде и в период владычества Митридата VI Евпатора.

Наряду с победами Диофанта над скифами Савмака, имеются данные о победах на Боспоре Киммерийском другого понтийского полководца — Неоптолема. Краткая информация о действиях Неоптолема содержится в двух пассажах из «Географии» Страбона. Приведу обе цитаты:

«Лед в этих местностях столь крепок у устья Меотийского озера (т. е. в Керченском проливе), что в том месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, он же разбил в морском сражении тех же варваров летом, когда лед растаял» (II, 1, 16).

«Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном» (VII, 3, 18).

Эти скудные упоминания чрезвычайно интересны в нескольких аспектах. Е. А. Молев вполне обоснованно считает, что победы Неоптолема «привели к утверждению прав Митридата на весь Боспор и установлению дружественных отношений с варварскими племенами Подонья — Приазовья»⁶⁸, то есть, безусловно, имели очень большое, можно сказать, историческое значение.

В высшей степени любопытен, конечно, сам факт сражения на льду. В «ледовых сражениях», как представляется, всегда имеется некоторая загадка; в них, на мой взгляд, одна из сторон стремилась перехитрить противника, поставить его в заведомо невыгодную позицию, но об этом речь пойдет ниже. Наибольший интерес ученых, разумеется, привлек вопрос о том, каких именно варваров и когда разбил Неоптолем на Боспоре. По причине краткости упоминаний Страбона и отсутствия другой информации неудивительно, что высказанные точки зрения очень сильно разнятся. В противниках понтийского полководца видели скифов, скифов и тавров, скифов и ахейцев, сарматов и т. д. Логика рассуждений исследователей, касавшихся этого сюжета, сводится к тому, что конницей должны располагать кочевники (скифы и сарматы), но поскольку предполагать у них наличие флота, пусть самого примитивного, в высшей степени затруднительно, то счи-

⁶⁸ Молев, 1995. С. 45.

тается, что кочевников поддерживали племена, занимавшиеся морским разбоем (тавры, ахейцы). В процитированных выше пассажах Страбона, однако, говорится, что в двух сражениях Неоптолем разбил одних и тех же варваров, т. е., как можно понимать, имеющих конницу и располагающих флотом.

Удивительно, но немалое количество сторонников имеет и точка зрения, что Неоптолем сражался против восставших боспорян. Такое понимание, на мой взгляд, весьма сомнительно хотя бы по той причине, что Страбон не мог назвать боспорян варварами. Для него, как и для других античных историков, они, конечно, были эллинами, пусть и заброшенными судьбой к самым северным рубежам ойкумены и по этой причине в культурном отношении весьма своеобразными, но все-таки эллинами. Спасти их от варварской угрозы как раз и должен был Митридат VI Евпатор.

Более распространенной и логичной является точка зрения, что это были какие-то меотские или территориально близкие им контингенты, которые стремились нанести удар по Боспору с востока. В. Ф. Гайдукевич с полным основанием отмечал, что нападающие, по-видимому, действовали из азиатской части государства, пытаясь при этом захватить переправы и прорваться на европейскую сторону⁶⁹. Во всяком случае, локализация противников понтийского царя вблизи от границ азиатского Боспора представляется почти бесспорной.

В отношении времени ведения боевых действий можно предполагать, что они развернулись на Керчен-

⁶⁹ Gajdukevič, 1971. S. 318.

ском проливе либо в конце II в. до н. э., вскоре после подавления восстания Савмака, либо же после неудач Первой Митридатовой войны с Римом, когда Боспор попытался выйти из подчинения (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 64). Понтийский царь, как известно, провел карательную акцию уже по завершении Второй войны (Там же, 67). Первая точка зрения представляется предпочтительней, поскольку позднее Первой войны полководец Неоптолем вообще не упоминается в источниках. Есть веские основания полагать, что после предательства другого видного митридатова полководца, Архелая (85 до н. э.), который являлся Неоптолему братом, тот вообще был отстранен от командования войсками.

Но с кем же из местных варваров пришлось сражаться Неоптолему? Для ответа на этот вопрос зададимся другим: какому из местных племен, кроме, разумеется, скифов, о которых речь шла выше, было невыгодно подчинение Боспора понтийскому царю? Кто еще был заинтересован в сохранении старого порядка, мог нанести удар с востока и к тому же располагал флотом? Как ни мало мы знаем о варварских племенах Северного Причерноморья этого времени, ответ напрашивается сам собой. Выше уже говорилось, что по свидетельству Страбона (Страбон, XI, 2, 12) известно, что пиратствующие племена ахейцев, зигов и гениохов господствовали на море, порой им содействовали и правители Боспора, предоставлявшие пиратам стоянки, возможность покупки провианта и продажи награбленного. Таким образом, позиции этих варваров в районе пролива были достаточно прочны, а

сложившаяся тогда ситуация в высшей степени выгодна. Нет сомнений, что великий царь, утвердив свою власть на Боспоре Киммерийском, не стал мириться с этими безобразиями и сделал все возможное, чтобы железной рукой навести порядок на море. Пираты же, естественно, стремились к обратному, в результате чего и произошли два упомянутых сражения.

Другие местные племена, как представляется, не располагали флотом для проведения морского сражения, за исключением, разумеется, сатархов и тавров, о пиратстве которых имеется информация, но их участие в событиях на Боспоре пока не поддается сколь-либо логичному объяснению. Любопытную трансформацию по рассматриваемому вопросу претерпели взгляды Е. А. Молева. Поначалу он считал, что это был флот Савмака, который привлек на свою сторону синдов и меотов, позднее же стал допускать, что скифов своим флотом поддерживали ахейцы, зиги и гениохи, но в конном сражении на льду с понтийцами, по его заключению, бились одни скифы⁷⁰. Последнее допущение, необходимо подчеркнуть, противоречит тексту Страбона, поскольку в интересующем нас фрагменте говорится о двух победах Неоптолема над одними и теми же варварами. В таком случае логичнее было бы предполагать, что и в конном сражении вместе со скифами принимали участие ахейцы, зиги и гениохи. По мнению Е. А. Молева, это было невозможным по той причине, что, как ему представляется, описание быта ахейцев у Страбона не позволяет предполагать наличие у них конницы.

⁷⁰ Молев, 1976. С. 46; ср.: Молев, 1995. С. 45.

В связи с этим следует особо отметить, что быт ахейцев древний географ не описывал вообще, его занимали лишь их морские разбои. Вывод же об отсутствии у ахейцев конницы представляется просто наивным, поскольку трудно себе представить варварский народ, особенно в непосредственной близости от степей, у которого бы, по крайней мере, аристократия не имела привычки владеть конями и в случае необходимости выступать в поход в конном строю. О силе сухопутной армии ахейцев можно судить по тому, что карательная акция, предпринятая против них Митридатом после Второй войны с Римом, оказалась неудачной, более того — в результате сражений и из-за тяжелого климата было потеряно две трети понтийского войска (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 67).

Приведенное выше мнение Е. А. Молева об отсутствии у северокавказских морских разбойников конницы, несмотря на всю его спорность, при определенном смещении акцентов, как представляется, все-таки может способствовать лучшему пониманию сути происшедших событий. В этой связи можно обратиться к деяниям других морских разбойников, значительно более знаменитых, чем ахейцы, зиги и гениохи, а именно — норманнов. Набеги норманнов, как хорошо известно, в VIII—XI вв. держали в страхе всю Европу.

Вряд ли уместны сомнения в том, что в плане ведения боевых действий они представляли собой типичную «морскую пехоту». В связи с этим писавшие о них восточные авторы неоднократно отмечали, что если бы норманны (русы) были всадниками, то они бы стали «великим бичом для людей» и «приобрели бы

господство над многими народами». Но этого не произошло.

Любопытно, но лошади у норманнов были. Данные археологии убедительно свидетельствуют о том, что население Скандинавии наряду с другими домашними животными разводило и лошадей, погребения с конями имеются в местных некрополях. Этих животных даже приносили в жертву богам. Во время походов во Францию норманны делали набеги не только на ладьях, но и в пешем порядке, и на лошадях, местному населению под страхом наказания было строжайше запрещено продавать пришельцам лошадей, так же как и вооружение. Все эти детали, безусловно, очень любопытны, но, тем не менее, конными воинами норманны так и не стали, — как свидетельствует один персидский автор, на коне они не обнаруживали присущей им смелости. Все приведенные свидетельства о норманнах, по моему мнению, указывают на одну простую, но чрезвычайно важную истину, — вооруженный человек, сидящий на коне, совсем не обязательно является конным воином. Для того чтобы стать таковым, и он сам, и его конь должны пройти специальную подготовку.

Возможно, сходная ситуация имела место в античное время в приморской полосе Северного Кавказа, где обитали ахейцы, зиги и гениохи. Лошадей они, конечно, имели, но сражаться в конном строю не умели или, скорее всего, умели плохо. Может быть, именно по этой причине Неоптолем и решил дать сражение на льду. Вряд ли можно сомневаться, что инициатива выбора места для сражений принадлежала именно

ему. Логика понтийского полководца проста и абсолютно оправданна — в таких условиях, т. е. на льду, даже небольшой отряд профессиональной конницы может легко победить массу всадников, которые вообще не привыкли сражаться в конном строю.

Кратко резюмируя изложенное, можно отметить, что главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором были с одной стороны крымские скифы, а с другой — ахейцы, зиги и гениохи. Имеющиеся источники позволяют считать, что впоследствии и с теми, и с другими понтийскому царю пришлось столкнуться неоднократно (см. ниже).

С обстоятельствами войн Митридата Евпатора за Боспор, как можно предполагать, было связано сооружение одного любопытнейшего памятника. Это самый грандиозный на Керченском полуострове курган Кара-Оба, расположенный на европейской стороне и выделяющийся среди прочих рядом важных параметров: высота его — 25,6 м, а диаметр насыпи — около 120 м. Масштабность памятника еще более усиливается от того, что он был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, в 2,5 км на северо-запад от Куль-Обы при выходе в открытую степь. Положение памятника, надо признать, в высшей степени показательное.

Курган раскапывался в 1859—1861 гг. директором Керченского музея А. Е. Люценко и через 100 лет, в 60-х гг. XX в., известным скифологом П. Н. Шульцем, но до конца так и не был исследован. В результате проведенных работ была выяснена одна любопытная особенность конструкции кургана — наличие здесь двух мощных каменных крепид, т. е. обкладок осно-

вания насыпи. Кара-Оба — действительно уникальный памятник Боспора не только благодаря наличию двух крепид, но и потому, что он, скорее всего, имел форму ступенчатого конуса. Сделанные при раскопках находки позволяют считать, что курган был сооружен во II в. до н. э., может быть, даже во второй его половине. Что же стало причиной возведения в это время в столь любопытном с топографической стороны месте такого необычного по своей конструкции кургана?

Несмотря на то что памятник до сих пор полностью не раскопан, предположение о том, что здесь был погребен боспорский царь, вызывает очень большие сомнения. Кара-Оба, как представляется, имела совсем иное предназначение. Для понимания этого памятника, на мой взгляд, очень большое значение имеет могила, обнаруженная А. Е. Люценко под насыпью на скале. Она была заполнена человеческими костями, как бы изрубленными на части, это дало исследователю основание предположить, что курган был насыпан в честь битвы, происшедшей поблизости.

Петербургский археолог А. Н. Щеглов сопоставил Кара-Обу с памятником, весьма отдаленным от Боспора, но типологически ему очень близким, — Шверинским курганом, расположенным в ближайших окрестностях Херсонеса. Обращает на себя внимание, что и этот памятник выделялся очень большими размерами и необычной, конусовидной формой насыпи. При раскопках здесь были обнаружены две каменные крепиды, а между ними — бронзовый сосуд, заполненный черной массой, вероятно, сожженным прахом

покойного (покойных?), который был полит благовоениями. Местные жители утверждали, что в окрестностях кургана они находили человеческие черепа.

А. Н. Щеглов считает, что сходство Кара-Обы и Шверинского кургана не случайно. Эти курганы, более грандиозные, чем Сорос, сооруженный над прахом греческих воинов, погибших в Марафонской битве, и не менее великолепные, чем Трофей римского императора Траяна, по его мнению, представляют собой памятники мемориального характера, связанные, скорее всего, с военными победами войск Митридата под Херсонесом и на Боспоре в конце II в. до н. э. Иными словами, они должны были увековечить память о подвигах понтийских воинов в сражениях со скифами, победы над которыми стали важными событиями в завершении создания Черноморской державы Митридата. Данная трактовка, на мой взгляд, представляется очень вероятной.

Подчинение Боспорского царства Митридату VI Евпатору было важным этапом на пути создания его Всепонтийской державы, в которой Черное море стало фактически внутренним. Планы владыки Понта, как известно, шли еще дальше, и в них столкновение с Римом было неизбежно. Понтийская держава была создана к началу Первой Митридатовой войны, в этой и последующей войнах Северному Причерноморью отводилась роль поставщика воинских контингентов, всевозможного снаряжения, продовольствия и т. д. Основная масса войск при этом рекрутировалась из среды варварских племен, часть которых была подчинена

Понту, а другая имела какие-то договоры с Митридатом, их царьки считались его друзьями.

Создавая Всепонтийскую державу, Митридат VI Евпатор столкнулся с противодействием ряда варварских племен Северного Причерноморья. Выше говорилось о его борьбе с крымскими скифами, поддержавшими их роксоланами, а также, по всей видимости, ахейцами, зигами и гениохами. Позднее, уже в начале I в. до н. э., понтийскому царю были подчинены бастарны и сарматы (Плутарх. О судьбе римлян, 11), обитавшие в областях Северо-Западного Причерноморья. Вполне возможно, что они были покорены Неоптолемом, если связывать с его военными победами здесь свидетельство Страбона о так называемых башнях Неоптолема в устье Тираса (Страбон, VII, 3, 16). Именно так трактуют это сообщение некоторые исследователи.

Контроль над этим сложным племенным миром, надо думать, для Митридата являлся задачей, скорее всего, более трудной, чем его покорение, по этой причине не может возникать особых сомнений в том, что великий царь проводил весьма продуманную и последовательную политику по отношению к северопричерноморским варварам. Нет сомнения, что своим крымским победам Митридат придавал очень большое значение в той глобальной борьбе, которую он начинал с Римом, при этом значение не только в плане практическом, то есть связанном с оценкой людских и материальных ресурсов региона, но и в плане пропагандистском. Официальная пропаганда провозглашала Митридата VI победителем скифов, ранее не знавших поражений, то есть превзошедшим Кира, Дария и Зопи-

риона владыкой, справиться с которым Риму будет не по силам. Именно из непобедимой Скифии у него была набрана «большая часть войска» (Юстин, 38, 7, 3). Пропагандистские декларации, однако, не обязательно полностью соответствуют действительности, и если попытаться отместить многие суждения современных исследователей, ставших жертвой этой официальной традиции, то картина связей понтийского царя с варварами Северного Причерноморья представится несколько иной и, думается, значительно более сложной и драматичной. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют считать, что верными союзниками понтийского царя в борьбе с римлянами были отнюдь не скифы, а сармато-меотские племена Прикубанья, бастарны и некоторые другие.

ГЛАВА XI

МИТРИДАТ И БОСПОР

После утверждения власти понтийского царя над Боспорским царством, сопровождавшегося, как говорилось выше, очень бурными событиями, связанными со скифским восстанием под руководством Савмака, а также борьбой с разбойничающими племенами ахейцев, зигов и гениохов, Боспор вошел в державу Митридата Евпатора почти на полстолетия. При этом именно Боспор стал тем центром, вокруг которого владыка Понта стремился консолидировать местные силы для вовлечения их в борьбу с Римом. Страбон отмечал, что с того времени Боспору был подчинен Херсонес (Страбон, VII, 4, 3). М. И. Ростовцев даже считал, что именно Пантикапей стал столицей всех североприморских владений Митридата⁷¹. Несмотря на то что Херсонес и Ольвия в рамках этого образования имели определенную автономию, могли чеканить монету и т. д., в данном заключении М. И. Ростовцева есть немалый исторический смысл — Боспор стал той

⁷¹ Rostovtzeff, 1932. P. 232.

ключевой точкой, опираясь на которую, Митридат мог наилучшим образом контролировать материальные и людские ресурсы региона. Вряд ли можно сомневаться в том, что Боспор достаточно жестко контролировался царской администрацией, только такой контроль мог обеспечить царю необходимую базу в планировавшейся им борьбе с Римом за гегемонию в античном мире.

Столь важный стратегический пункт, каковым для понтийского царя являлся Боспор Киммерийский, разумеется, необходимо было надежно укрепить, имея при этом в виду прежде всего не вероятные действия главного противника — Рима, а вторжения со стороны местных варварских племен. Племенной мир Северного Причерноморья, как говорилось выше, в это время отличался очень большой подвижностью, ситуация здесь могла быстро измениться в самом неблагоприятном для понтийского царя направлении.

Для того чтобы противостоять подобному развитию ситуации и держать район под контролем, Митридат разместил в ключевых пунктах Боспора свои гарнизоны. Очень интересную информацию для понимания положения этих контингентов дает обнаруженная в 1986 г. в окрестностях Фанагории надпись, датированная 88/87 г. до н. э. Из нее следует, что в городе находился отряд наемников, которым было даровано гражданство. Ю. Г. Виноградов очень обоснованно предположил, что понимать это надо следующим образом: в 87 г. до н. э., когда войска Суллы поставили Митридата в очень трудное положение и царь был жизненно заинтересован в получении де-

нежных средств, фанагорийцы решили не платить наемникам, а сделать их гражданами ⁷².

Совсем не удивительно, что именно при Митридате VI Евпаторе в основном была создана система укреплений границ Боспора, которая, правда, начала формироваться несколько ранее, о чем уже было сказано, и достигла своего максимального развития позднее, при преемниках Митридата. Действительно, если судить по материалам азиатской стороны, в это время продолжали существовать старые укрепленные пункты, к примеру, резиденция Хрисалиска, усадьба, построенная около хутора Рассвет под Анапой не ранее начала II в. до н. э., а также укрепленное здание на Семибратнем городище, построенное во второй половине III в. до н. э. Активно строились новые укрепленные пункты, к примеру, Владимировка и Цемдолинское под Новороссийском. Эти крупные постройки площадью около 200 кв. м и толщиной внешних стен 1,7 м чрезвычайно интересны в том отношении, что дают наглядное представление о стремлении понтийского царя обезопасить данную часть своих боспорских владений от нападений северокавказских племен, обитавших поблизости, — ахейцев, зигов и гениохов. Укреплению этого района, безусловно, необходимо было уделить особое внимание, и в общем исследователи с полным основанием связывают возведение названных зданий с политикой Митридата. По мнению С. Ю. Сапрыкина, царь Понта стал создавать здесь систему военно-земледельческих поселений, заселяемых

⁷² Виноградов Ю. Г. 1991. С. 104—124.

местными племенами, которые были лояльны по отношению к царю⁷³. Названные и некоторые другие укрепленные поселения, возведенные на Боспоре в конце II—I в. до н. э. или позднее, относятся к типу эллинистических «домов-башен» (рис. 40). Имеются веские основания считать, что этот тип построек был перенесен сюда из Малой Азии, когда Северное Причерноморье стало частью Понтийской державы Митридата Евпатора.

На европейской стороне Боспора активное фортификационное строительство относится в основном к более позднему времени. Можно допустить, что здесь вполне удовлетворительной была уже существовавшая система укреплений. Археологическая изученность памятников этого времени, однако, такова, что конкретной информации о развитии военно-политической ситуации она почти не дает. Весьма симптоматичным, однако, представляется тот факт, что во второй четверти—середине I в. до н. э. укрепленное поселение было построено у с. Новоотрадное в Восточном Крыму (рис. 41).

Борьба Митридата с Римом растянулась на долгие годы. Проведенные им войны — Первая (88—85 до н. э.), Вторая (83—82 до н. э.) и Третья (74—63 до н. э.) — наполнены походами и сражениями, славными подвигами и кровавой резней, примерами воинской верности и гнусного предательства. Все в них переплелось! В специальной литературе ход борьбы Понта с Римом описан достаточно подробно, и вряд ли следует еще раз останавливаться на этой истории. Для нас перипетии

⁷³ Сапрыкин, 1996. С. 276.

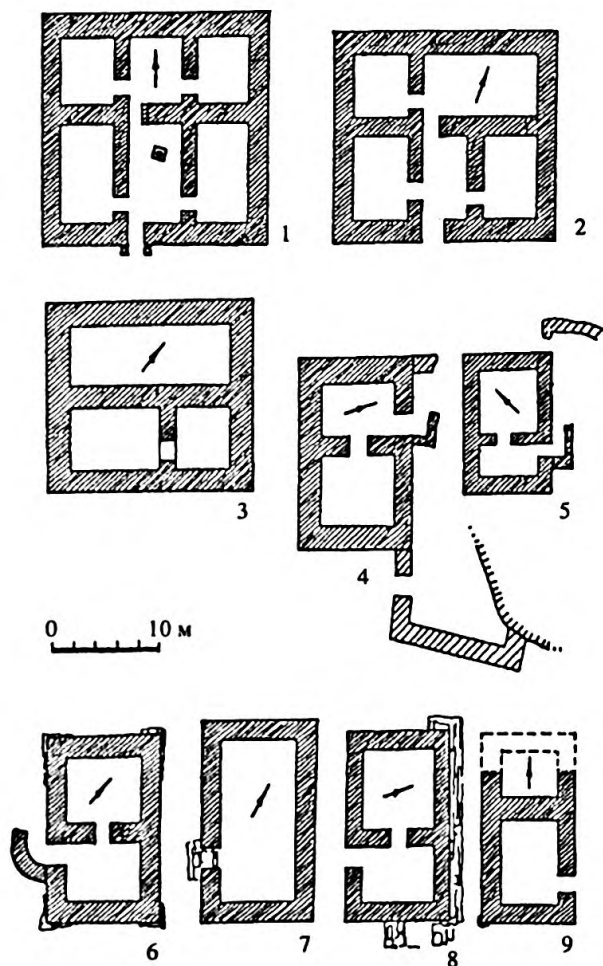

Рис. 40. Планы «домов-башен» Боспора Киммерийского
(по Я. М. Паромову)

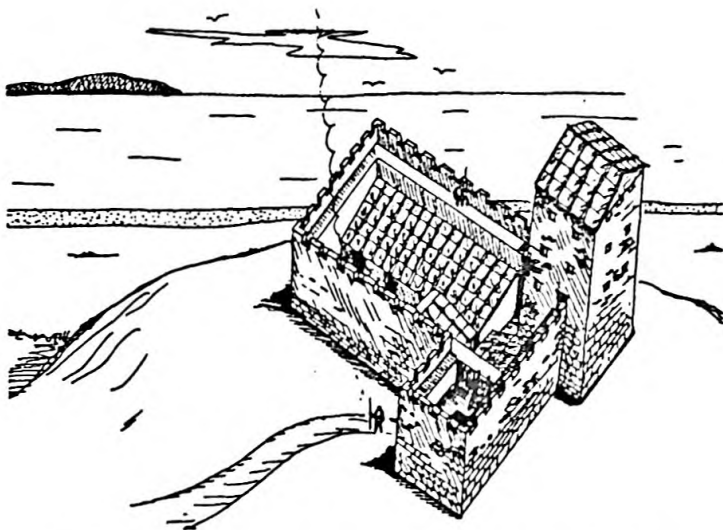

Рис. 41. Новоотрадное на Керченском полуострове.
Реконструкция крепости конца II—I вв. до н. э.
(реконструкция А. А. Масленникова)

Митридатовых войн интересны не сами по себе, а лишь в том аспекте, в каком они касались Боспора Киммерийского.

В этом отношении необходимо указать, что уже во время Первой войны неудачный для Митридата ход военных действий привел к попытке отделения Боспора от Понтийской державы (Аппиан (а). Митридатовы войны, 64). Для того чтобы восстановить власть, царь готовил против боспорян большой флот и огромное войско; размах приготовлений был столь велик, что у римлян даже возникли подозрения, будто все это собирается не для похода на Боспор Киммерий-

ский, а против Рима. Данное обстоятельство, собственно, и стало поводом для начала Второй Митридадовой войны, а карательная экспедиция на Боспор состоялась уже после ее завершения.

О боевых действиях этой кампании мы знаем очень немного. Аппиан сообщает лишь то, что тогда был предпринят поход против ахейцев. Поход оказался очень неудачным, потеряв две трети войска (конечно, экспедиционного корпуса, а не всей армии) из-за боев и тяжелого климата, Митридат вынужден был вернуться (Там же, 67). Позднее, скорее всего, был предпринят еще один поход, и ахейцы были подчинены понтийскому царю, поскольку во время Третьей Митридадовой войны они упомянуты в составе его войска (Там же, 69).

Есть основания предполагать, что в это же время Митридату на Боспоре пришлось бороться еще с одним варварским объединением, скорее всего, скифами. Среди эпиграфических памятников, найденных в последние годы на античных памятниках Восточного Крыма, имеется один любопытный документ — это каменная база бронзовой статуи Митридата, обнаруженная на некрополе Нимфея. На базе была начертана надпись с благодарностью за победу, которая, разумеется, была одержана над варварами и, если судить по некоторым деталям надписи, после Первой Митридадовой войны.

С. Ю. Сапрыкин считает, что тогда победили сарматов⁷⁴, а В. П. Яйленко полагает, что это были ски-

⁷⁴ Сапрыкин, 1996. С. 159.

фы⁷⁵. Более верной представляется вторая точка зрения, поскольку возведение памятника победе Митридата над какими-то другими варварами (сарматами или т. п.) на европейском Боспоре кажется не вполне логичным, а вот в контексте победы над крымскими скифами он вполне уместен. В свете изложенного очень вероятным представляется, что попытка боспорян выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне с Римом была связана с позицией не греческих городов, а некоторых из местных варварских племен⁷⁶. Эти варвары, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попытались восстановить на Боспоре свои утерянные позиции. По всей видимости, и на сей раз инициатива исходила прежде всего от скифов и ахейцев, которые, как говорилось выше, боролись против установления власти Митридата над Боспором Киммерийским, были разгромлены, но о былом влиянии в районе пролива не забыли и мечтали о его возвращении.

Восстановив власть над Боспором, Митридат назначил здесь правителем своего сына Махара (Аппиан (а). Митридатовы войны, 67). К этому времени он уже полностью прекратил разыгрывать роль защитника эллинских свобод, пытаясь сконцентрировать все силы для продолжения тяжелой борьбы с Римом. Определяя территориальные границы владений Махара, В. Ф. Гайдукевич считал, что ему был подчинен не только Боспор, но и все другие греческие центры Се-

⁷⁵ Яйленко, 1985. С. 618.

⁷⁶ Шелов, 1983. С. 53.

верного Причерноморья⁷⁷, что, очевидно, следует принимать с определенными оговорками. Конечно, Махар не был царем Боспора и тем более — всего Северного Причерноморья, а являлся наместником, управлявшим от имени царя, но роль его в политической системе региона была очень существенной.

Поражения, нанесенные Митридату Лукуллом во время Третьей войны, привели к тому, что Махар осознал безнадежность дальнейшей борьбы и решился на измену. Он направил к римскому полководцу посольство, даровал ему золотой венок и «заключил дружбу» (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 83; Плутарх (*б*). Лукулл, 24), римлянам были направлены также запасы продовольствия, подготовленные для нужд войск Митридата (Мемнон, 54, 1). После предательства сына положение Митридата становилось почти безнадежным.

Царь Понта, однако, не желал складывать оружия. Даже окончательно разбитый Помпеем в Малой Азии, он отнюдь не отказался от борьбы. Более того, тогда он задумал дерзкий план переноса военных действий на территорию противника, для чего нужно было осуществить поход на Рим с востока. Первым шагом к реализации этого плана, естественно, было возвращение власти над Боспором, где все еще правил изменник Махар (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 101). Путь к Боспору лежал через Кавказ, населенный многими воинственными племенами, при этом с некоторыми из них царь сумел договориться, а других при-

⁷⁷ Гайдукевич, 1949. С. 305.

нудил к повиновению силой. Известно, что он был дружески принят гениохами, а вот с ахейцами вновь пришлось бороться. Митридат одержал еще одну (третью?) победу над ними (Там же, 102), после чего те способствовали успешному завершению его нелегкого пути (Страбон, XI, 2, 13).

Совершив рискованный переход через Кавказ, Митридат вышел в Прикубанье. Все местные племена принимали понтийского царя очень радушно, пропустили через свою территорию, обменялись многими подарками и заключили союз, для укрепления которого Митридат отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Как свидетельствует Аппиан, именно во время этого похода у Митридата окончательно сложился план вторжения в Италию через Альпы (Аппиан (а). Митридатовы войны, 102). Думается, что поддержка меото-сарматских племен сыграла здесь очень важную роль. Показательно, что римский полководец Помпей не рискнул преследовать Митридата, поскольку посчитал, что путь его проходил через земли многочисленных неизвестных и воинственных племен. Тогда-то он и отдал приказ о морской блокаде Боспора Киммерийского (Дион Кассий, XXXVII, 2—3; Плутарх (б). Помпей, 39).

Вряд ли можно согласиться с заключением Г. Бенгтсона, что «своим авантюрным бегством в Пантикапей» понтийский царь сам исключил себя из мировой политики⁷⁸. Нет, этим отчаянным шагом Митридат попытался сохранить себя в мировой политике, ис-

⁷⁸ Бенгтсон, 1982. С. 321.

пользовать свой последний шанс в борьбе с могучим противником.

Махар, узнавший о том, что отец проделал огромный путь в столь короткое время и, очевидно, этого не ожидавший, не предпринял никаких попыток сопротивления, хотел даже перед ним оправдаться. Все, однако, было напрасно. В конце концов Махар был вынужден бежать в Херсонес, а для того чтобы избежать преследования, сжечь корабли. Эта предосторожность оказалась напрасной, у Митридата нашлись другие корабли, в такой абсолютно безнадёжной ситуации Махар принял решение покончить жизнь самоубийством (Аппиан (*a*). Митридатовы войны, 102).

По свидетельству Аппиана, царь «захватил Пантикапей» (Там же, 107), а его военачальники — другие укрепленные места (Там же, 108). На основании этих свидетельств следует считать, что Митридат восстановил свою власть над Боспором силой оружия. Археологические материалы также могут поддержать данную точку зрения. Серьезные разрушения этого времени зафиксированы при раскопках Пантикапея, небольшая крепость на месте переправы через пролив (Порфмий) вовсе прекратила существование. Слой пожара на городище Патрей относится к концу правления Митридата, в слое разрушения обнаружены даже два человеческих скелета. По заключению А. А. Масленникова, все сельские поселения Восточного Крыма тогда лежали в развалинах⁷⁹. Не следует забывать, правда, что перед прибытием царя на Боспор многие

⁷⁹ Масленников, 1998. С. 216.

местные поселения пострадали от страшного землетрясения, о чем сообщают древние авторы (Дион Кассий, XXXVII, 3, 3).

В отношении Мирмекия можно достаточно уверенно полагать, что он пострадал в результате действий понтийского царя против Махара. Небольшой монетный клад, обнаруженный на городище, содержал самые поздние монеты, относящиеся к 80—70-м гг. до н. э. Были обнаружены также 6 монет южнопонтийского города Амиса (тоже, вероятно, клад), которые датируются 80-ми гг. Во второй половине I в. до н. э. центральная часть Мирмекия уже превратилась в руины. Одновременно с Мирмекием, скорее всего, пострадала и прекратила существование сельская усадьба, расположенная в его окрестностях.

Признавая бесспорность фактов разрушения боспорских поселений, имевших место во время борьбы Митридата за восстановление своей власти в этом районе, необходимо, конечно, четко осознавать, что он прибыл сюда не только для того, чтобы покарать изменников, и даже прежде всего не для этого, — в первую очередь, его захватывали идеи дальнейшей борьбы с Римом, а для этого было нужно не только карать, но и созидать. Положение великого царя, однако, становилось все более критическим, свою роль в этом, конечно, сыграла и плотная морская блокада Боспора, установленная Помпеем. В такой ситуации владыка Понта, уже практически потерявший свою державу, вынужден был вступить в переговоры с римским полководцем. Помпей, по существу, потребовал от Митридата капитуляции, а также его личной явки к рим-

лянам. Царь на это пойти не мог, но, не отказавшись от дипломатических контактов, обещал послать к Помпею кого-нибудь из сыновей (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 107). Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, этот мужественный человек, как писал древний историк Дион Кассий, по-прежнему считал, что для него нет ничего невозможного (Дион Кассий, XXXVII, 11, 2). Митридат ускоренными темпами готовился к задуманному походу, «он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 107).

Археологические материалы также позволяют считать, что Митридат стремился в кратчайшие сроки получить все необходимое для похода. На сельскохозяйственных территориях Боспора восстанавливались старые и строились новые поселения. Совершенствовались и оборонительные системы — в Пантикапее в первой половине I в. до н. э., вероятнее всего в 60-х гг., были перестроены укрепления, в результате чего куртины получили более сложную планировку, удобную для установки метательных машин. Исследователь городища В. П. Толстиков связывает эту реконструкцию с деятельностью гарнизона Митридата⁸⁰ (рис. 42).

Все эти чрезвычайные меры, усугубленные злоупотреблениями царской администрации (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 107), а также римской блокадой,

⁸⁰ Толстиков, 1985. С. 360.

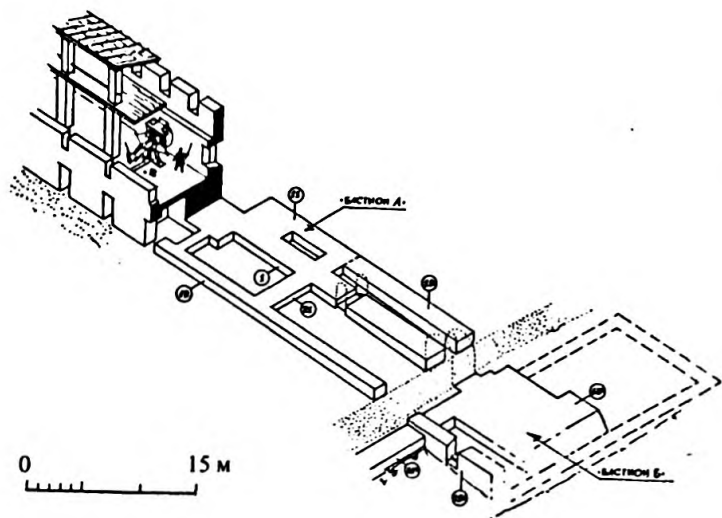

Рис. 42. Акрополь Пантикапея. Куртина, предназначенная для установки катапульт (реконструкция В. П. Толстикова)

вызвали огромное недовольство боспорян. Между тем для планируемого похода стали собираться необходимые силы — 60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много другого войска. Часть этого войска была послана из Пантикапея в Фанагорию, чтобы еще больше укрепить контроль над проливом (Там же, 108). Положение на Боспоре, однако, стало не просто критическим, а взрывоопасным. Любопытно, что именно в Фанагории, куда был направлен царский отряд, и вспыхнуло антимиитридатовское восстание, к которому призвал горожан фанагориец Кастор. Повстанцы обложили дровами ту часть города, где находились

сыновья и дочери Митридата, и подожгли ее. Почти все царские дети сдались в плен, лишь царица Клеопатра оказала сопротивление, и отец сумел спасти ее на специально посланном корабле (Там же, 108).

После этих событий от Митридата отложились Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие города по берегу Понта. Только в такой ситуации великий царь решил обратиться к скифам, прося их как можно скорее прибыть к нему с войском. Тогда к скифским властям были посланы дочери Митридата, но отряд, который сопровождал девушек, взбунтовался, и они оказались в руках Помпея (Там же, 108; ср.: Дион Кассий, XXXVII, 11, 4). Уже потеряв все царство и не рассчитывая больше на поддержку скифов, Митридат все еще надеялся на продолжение борьбы с Римом, он считал возможным совершить поход в Италию при поддержке кельтов, с которыми давно заключил союз и поддерживал дружбу. Но и царское войско в это время заколебалось, стало волноваться вследствие, главным образом, грандиозности запланированной военной акции (Аппиан (*а*). Митридатовы войны, 109).

Митридату изменил даже сын Фарнак, которого отец высоко ценил и считал своим преемником. Судьба распорядилась так, что любимый сын встал во главе заговора, который, правда, был раскрыт (Там же, 110; Дион Кассий, XXXVII, 12, 2), хотя это не спасло царя, а лишь подтолкнуло Фарнака к более активным действиям. Он, прежде всего, явился в лагерь к римским перебежчикам и склонил их к выступлению против Митридата, поскольку для них возвращение на родину в рядах вражеской армии было неприемлемо.

После этого царевич разослал своих сторонников по другим расположенным поблизости лагерным стоянкам, договорившись о совместных действиях. Утром следующего дня в соответствии с договоренностью перебежчики первыми подняли военный клич, его поддержали воины, стоявшие недалеко от них, а также флот. Другие же присоединились к нему «скорее из страха, чем по доброй воле» (Аппиан (а). Митридадовы войны, 110).

Не сумев договориться с Фарнаком, Митридат осознал крушение всех своих надежд и очень опасался, что мятежники выдадут его в руки римлян. Такой исход для великого врага Рима был абсолютно неприемлем, по этой причине он решился на самоубийство. История его неудачного отравления уже давно стала хрестоматийной, все древние авторы излагают ее приблизительно одинаково (Там же, 111; Дион Кассий, XXXVII, 13, 1—2 и др.).

Митридат решил уйти из жизни, приняв яд, который он всегда носил с собой в рукояти меча. Две его дочери пожелали разделить судьбу отца, они тоже приняли яд и тотчас умерли. На Митридата же смертельное зелье не подействовало «вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравления» (Аппиан (а). Митридадовы войны, 111). Как видим, в конце жизни судьба сыграла с этим восточным владыкой очень жестокую шутку, — по существу, по своей собственной вине царь был лишен права на легкую смерть.

Завершение этой трагедии описывается по-разному: Дион Кассий писал, что Митридата убили мечами

воины, которых царь раньше послал к Фарнаку (Дион Кассий, XXXVII, 13, 3), Павел Орозий считал, что это сделал солдат-галл (VI, 5, 6), а другие древние историки отмечали, что царя убил начальник галлов Битонит (Аппиан (а). Митридатовы войны, 111; Ливий. Перихи, 102). Несмотря на несхожесть описаний, можно предположить, что они совсем не противоречат друг другу, а просто описывают событие с некоторыми расхождениями. Очень может быть, что пришедший в отчаяние царь по его просьбе был убит Битонитом, предводителем отряда галатов, который ранее был послан для переговоров к Фарнаку и, соответственно, принес Митридату роковое для него известие.

Археологические материалы, относящиеся к времени владычества Митридата над Боспором, позволяют лучше понять историческую ситуацию, поскольку, как неоднократно говорилось выше, несут информацию о многочисленных разрушениях на боспорских поселениях, фортификационном строительстве и т. д. Любопытно, но погребальным памятникам этого времени в научной литературе уделено очень мало внимания. Сложилась ситуация, которую вполне можно назвать парадоксальной, — истории Митридата VI Евпатора посвящены монографии, в них собраны все сведения письменной традиции и данные археологии о войнах с Римом, но при этом не выделено ни единого погребального комплекса на Боспоре, который можно было бы назвать погребением воина митридатовской армии. Такие комплексы, однако, есть, и они известны давно.

Среди них в первую очередь следует выделить так называемый Ахтанизовский клад. Он был обнаружен в 1900 г. при случайных обстоятельствах, и часть инвентаря была расхищена. Из предметов этого клада можно выделить бронзовый кованный шлем (рис. 43, 2), набор серебряных блях, украшавших конскую сбрую (рис. 43, 1), три шейные гривны, серебряные и стеклянные сосуды, золотую застежку с хрустальной пронизью в центре, золотые фибулы с резными сердоликами, 27 тисненых золотых нашивных бляшек и пр. Среди последних 5 бля-

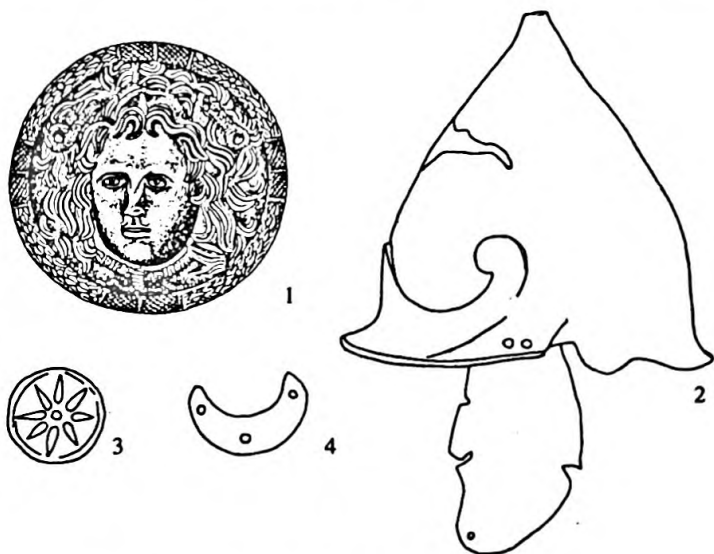

Рис. 43. Находки из Ахтанизовского клада:

- 1 — серебряная бляха конской сбруи (фалар);
 2 — бронзовый шлем; 3, 4 — золотые нашивные бляшки
 (1 — по В. И. Мордвинцевой)

шек имеют изображение восьмиконечной лучевой розетки и 3 — полумесяца (рис. 43, 3, 4), их вполне можно включать в совокупность официальных символов державы Митридата Евпатора, на что обратил внимание еще М. И. Ростовцев⁸¹.

Другое подобное погребение было открыто в кургане около станицы Старо-Титоровской намного раньше Ахтанизовского клада, в 1845 г. Здесь были обнаружены шлем, меч, кинжал, бронзовые сосуды, стеклянный сосуд, два серебряных фалара, застежка с резным камнем и пр. Есть основания полагать, что у Ахтанизовского лимана и под Старо-Титоровской были погребены воины, которые сражались в составе войск Митридата Евпатора и получили от царя богатые дары. Некоторые ученые признают, что царскими дарами его верным союзникам являлись серебряные фалары, застежки-медальоны и дорогие стеклянные сосуды. В обоих случаях этот набор присутствует. По моему мнению, совсем не случайно и расположение обоих памятников на азиатской стороне Боспора, поскольку, как неоднократно говорилось выше, с варварскими племенами этого района Митридат наладил самые тесные связи.

Оценивая митридатовский этап в истории Боспора и всего Северного Причерноморья, вряд ли стоит задаваться вопросом, а мог ли владыка Понта победить в борьбе с могучим противником и, соответственно, могла ли история пойти совсем иным путем? В подобного рода рассуждениях, конечно, нет особого смысла.

⁸¹ Ростовцев, 1925. С. 557.

Другое дело — вопрос о причинах поражения Митридата. Одной из таких причин, на мой взгляд, стало то, что он не сумел создать в Северном Причерноморье прочную базу для столь грандиозного противостояния. Точнее, «единый греко-варварский блок» был создан, но он оказался непрочным, просуществовал лишь до первых поражений понтийского царя. В ситуации начавшихся разочарований в политике Митридата все острее стали проявляться противоречия между греками и варварами Северного Причерноморья, а также противоречия внутри мира варваров, отдельных племен или их группировок. Эти противоречия, очевидно, удалось лишь временно сгладить, но отнюдь не ликвидировать. В общем, представляется возможным признать, что даже выдающейся личности Митридата Евпатора не удалось консолидировать нестабильный мир варваров Северного Причерноморья. Ход войн с Римом, да и развитие межплеменных отношений постоянно подтачивали основы этого непрочного союза, который стал быстро давать трещины в весьма существенных его составляющих, прежде всего в Крымской Скифии. При таком положении, как представляется, Митридату было очень трудно надеяться на успех в борьбе с Римом. Победа над Малой Скифией, как видим, не обеспечила победы над Великим Римом. Сокрушив Митридата, римляне приняли от него эстафету покровительства причерноморским грекам и, как правильно считают Я. В. Доманский и Э. Д. Фролов, справились с этой непростой задачей и успешней, и продуктивней⁸².

⁸² Доманский, Фролов, 1995. С. 94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поражение Митридата в борьбе с Римом и его смерть на Боспоре знаменовали собой завершение целого пласта исторического развития греческих государств Северного Причерноморья. Отныне они попадают под контроль Римской державы, становятся своего рода форпостами, выдвинутыми далеко на северо-восток, в гущу воинственных, опасных для цивилизованного мира племен. Новые исторические реалии, безусловно, сказались на военном деле Боспорского государства, хотя в принципе оно оставалось в русле закономерностей, обозначенных всем предшествующим развитием.

Военная история Боспора доримского времени, как было показано выше, имела ряд очень острых моментов, которые вполне можно назвать кризисными или даже катастрофическими (480 г. до н. э., приблизительно 270 г. до н. э., вторая половина II в. до н. э. и, вероятно, некоторые другие, пока не столь явные). Эти кризисы, по большей мере, определялись военно-политической и демографической ситуацией в степях Северного Причерноморья, складывавшейся в связи с продвижением на запад новых кочевнических народов, вступавших здесь в так называемый «период за-

воевания родины». В доримской истории региона, по всей видимости, можно выделить три крупные волны передвижения кочевников, которые могут быть связаны со следующими народами: скелотами или «царскими» скифами в конце VI—начале V в. до н. э., сарматами (сираками и, вероятно, аорсами) на рубеже IV—III вв. до н. э., наконец, роксоланами, языгами и др. в середине II в. до н. э. Каждая из этих «волн» имеет определенную специфику, но их объединяет то, что вторжение номадов в степи Причерноморья знаменовало собой дестабилизацию здесь военно-политической ситуации, а утверждение власти новых хозяев степей означало стабилизацию положения, начало относительно мирного этапа в истории региона. Обозначенная ритмика исторического процесса, на мой взгляд, чрезвычайно важна для понимания особенностей развития как греческих государств северного берега Черного моря, так и окружавших их варварских племен, иными словами — для понимания единства их истории.

Нет сомнения, что греки принесли на берега Черного моря систему военного дела, которая сложилась к тому времени в метрополии, и находки греческого вооружения в самых ранних контекстах в этом отношении вполне закономерны. В весьма специфических местных условиях эта система, как представляется, достаточно быстро стала трансформироваться, адаптируясь к местной среде. Имеющиеся памятники археологии позволяют проследить здесь скифские, сарматские, меотские влияния. Эта адаптация прежде всего выразилась в возрастании роли конницы, луч-

ников и т. п. Особенно восприимчивой к этим влияниям, скорее всего, была греческая аристократия.

Дружеские связи с варварским миром, практика смешанных браков, о которых сообщают письменные источники и свидетельствуют данные археологии, прежде всего знаменитые боспорские курганы, позволяют достаточно уверенно считать, что здесь быстро стала формироваться смешанная по своему составу греко-варварская элита Боспора Киммерийского. Во всяком случае, при Археанактидах это любопытнейшее явление проявилось уже вполне отчетливо. Есть основания считать также, что уже Археанактиды с успехом использовали в своих интересах противоречия, существовавшие в среде варварских племен Северного Причерноморья. Отражая скифскую агрессию, они, как представляется, опирались на поддержку земледельческих племен Прикубанья (синдов и меотов), которая, очевидно, в немалой степени определила благоприятный для Боспора исход этого опаснейшего противостояния.

Одновременно с ростом роли конницы падало значение гражданского ополчения, которое, очевидно, вообще исчезло после создания державы Спартокидов. Утвердившийся здесь деспотический строй, по выражению Ю. В. Готье, «вытравил следы демократических учреждений, если они вообще когда-либо там существовали».⁷¹ В ряду таких «учреждений» вполне можно рассматривать и гражданское ополчение. Важным фактором международной политики в Северном

⁷¹ Готье, 1925. С. 206.

Причерноморье при ранних Спартокидах стал боспорско-скифский союз, который надолго определил достаточно спокойную, стабильную ситуацию, повлияв на расцвет материальной культуры во всем регионе.

Тесные связи со скифами, по всей видимости, в определенной степени способствовали обозначившейся ранее трансформации военной системы Боспора в плане усиления в ней местных заимствований.

Следует признать, однако, и то, что, несмотря на такую трансформацию, боспорская армия отнюдь не стала вариантом скифской или меотской. Она всегда оставалась армией греческой, которую от вооруженных формирований варварских племен и государств отличает ряд весьма важных обстоятельств, касающихся системы вооружения, характера боевого построения, способа ведения военных действий и т. д. Живая связь колоний с метрополией осуществлялась и в военной сфере, все достижения в этой области несли с собой специалисты своего дела, наемники, которых цари Боспора охотно приглашали к себе на службу.

На различных исторических этапах наемниками служили здесь греки, происходившие из самых различных районов Древней Греции, фракийцы и, по всей видимости, кельты (галаты).

Сочетание в армии Боспора при Спартокидах трех обозначенных компонентов — аристократической боспорской конницы, отрядов греческих и прочих наемников, а также контингентов, предоставленных союзными варварскими племенами, — определило ее своеобразие и в общем на протяжении почти трех столетий позволило решать весьма сложные военные

проблемы, которые ставили перед государством глобальные военно-политические и этнические перемены в Северном Причерноморье (к примеру, во второй четверти III в. до н. э.). Лишь системный экономический и политический кризис, разразившийся на Боспоре, как и в других греческих государствах Северного Причерноморья, во второй половине II в. до н. э., привел к падению Спартокидов и переходу власти к Митридату VI Евпатору. Вполне допустимо считать, что одной из важных причин такого развития событий стало то обстоятельство, что в среде варваров региона просто не нашлось надежной опоры для долговременного союза, который мог бы стать гарантом стабильности как на Боспоре, так и в прилегающих к нему областях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Письменные источники

Аппиан (а). Римские войны / Пер. С. А. Жебелева и др. СПб., 1994.

Аппиан Александрийский (б). Римская история / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998.

Арриан. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. СПб., 1993.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1993.

Демосфен. Речи: В 3 т. / Отв. ред. Е. С. Голубцова и др. М., 1994—1996.

Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis*). Т. I: Греческие авторы. Вып. 2. СПб., 1896.

Дион Кассий. Римская история // Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. I, вып. 3. СПб., 1900.

Dio's Roman History: in Nine Volumes / With an English Transl. by E. Cary, on the Basis of the Version by H. B. Foster. London; New York, 1914—1927.

Ксенофонт. Анабасис / Пер., статья и примеч. М. И. Максимовой. М., 1994.

Курций Руф, Квинт. История Александра Македонского / Ред. А. А. Вигасин. М., 1993.

Ливий, Тит. История Рима от основания города / Пер. под ред. М. Л. Гаспарова и др. Т. I—III. М., 1989—1993.

Лукиан. Избранное: Пер. с древнегреч. / Сост., предисл. И. М. Нахов. М., 1987.

Лукиан Самосатский. Сочинения / Под общ. ред. А. И. Зайцева. Т. I—II. СПб., 2001.

Мемнон. О Геракле // Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. I, вып. 2. СПб., 1896.

Орозий, Павел. История против язычников. Книги I—VII. СПб., 2001—2003.

Павсаний. Описание Эллады / Пер. и вступ. ст. С. П. Кондратьева. Т. I—II. М., 1994.

Плутарх (а). Застольные беседы / Изд. подгот. Я. М. Боровский и др. Л., 1990.

Плутарх (б). Сравнительные жизнеописания. Изд. 2-е, испр. и доп. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев и др. Т. I—II. М., 1994.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. Ф. Г. Мищенко, с его предисл., примеч., указат., карт. Т. I—III. СПб., 1994—1995.

Полиэн. Стратегемы / Под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.

Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1994.

Фукидид. История / Изд. подгот. Г. А. Стратановский и др. Л., 1981.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiae Philippicae» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2—4; 1955. № 1.

Исследования

Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.

Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратного кургана // Скифские древности. Киев, 1973.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Виноградов Ю. А. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб.; Кишинев, 1997.

Виноградов Ю. А. Новые находки оружия на городище Мирмекий // *Памятники старины. Концепции. Открытия*. Версии. Т. I. СПб.; Псков, 1999.

Виноградов Ю. А. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // *ВДИ*. 2001. № 4.

Виноградов Ю. А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире*. СПб., 2002.

Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // *ВДИ*. 1994. № 1.

Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. Т. I. М., 1983.

Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора // *ВДИ*. 1987. № 1.

Виноградов Ю. Г. Фанагорийские наемники // *ВДИ*. 1991. № 4.

Виноградов Ю. Г. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова)*. Запорожье, 1999.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Галанина Л. К. Греческие поножи Северного Причерноморья // *АСГЭ*. Вып. 7. 1965.

Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.

Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // *ВДИ*. 1984. № 1.

Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Григорьев Д. В. Состав войска и его тактика в VI—V вв. до н. э. на Боспоре // РА. 2000. № 3.

Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.

Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII—I вв. до н. э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

Иванова А. П. Новая скульптурная находка в Керчи // КСИИМК. Вып. XXIII. 1948.

Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.

Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков: Энциклопедия военной истории. М., 2001.

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. О боспорских валах // ДБ. Вып. 3. 2000.

Масленников А. А. Новые материалы к истории военного дела античного Боспора // ВДИ. 1996. № 1.

Масленников А. А. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.

Масленников А. А., Трейстер М. Ю. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // Археология. 1997. № 1. Киев, 1997.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964.

Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976.

Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.

Молев Е. А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.
Петерс Б. Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Пругло В. И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 1970.

Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.

Риджвей Б. С. Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 1999.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.

Сергеев Г. П. Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2.

Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. 1959.

Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162. 1980.

Соколов Г. И. Фанагорийский известняковый шлем // СА. 1972. № 2.

Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. № 33. 1954.

Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК. Вып. 58. 1955.

Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

Толстиков В. П. Надгробие воина из Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1.

Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI—первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3.

Толстиков В. П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.

Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского государства // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып. 10. М., 1992.

Толстиков В. П. Костюм и вооружение на Таманской стеле воинов // Таманский рельеф. М., 1999.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Многокамерные строительные комплексы и система застройки акрополя Пантикапея VI—V вв. до н. э. // ДБ. Вып. 6. 2003.

Тохтасьев С. Р. К чтению и интерпретации посвятельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Nyrboreus*. Vol. 4/2. СПб., 1998.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Худяк М. М. Из истории Нимфея в VI—III вв. до н.э. Л., 1962.

Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Черненко Е. В. Влияние военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.

Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.

Шеллов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985.

Яйленко В. П. Новые эпиграфические памятники о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.

Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 B.C. — A.D. 450. Oxford, 2002.

Cernenko E. V. The Scythians, 700—300 B.C. London, 1993.

Dintsis P. Hellenistische Helme. I—II. Roma, 1986.

Eichberg M. Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars. Frankfurt am Main etc., 1987.

Gajdukevič V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971.

Hanson V. D. The Wars of the Ancient Greeks and Their Invention of Western Military Culture. London, 1999.

Höckmann O. Naval and Other Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5/4. Leiden, 1999.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.

Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrusland. Berlin, 1909.

Launey M. Recherches sur les Armées Hellenistiques. Part. I—II. Paris, 1949—1950.

Mielczarek M. The Army of the Bosporean Kingdom. Łódź, 1999.

Nikonorov V. P. Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Rostovtzeff M. The Bosporean Kingdom // Cambridge Ancient History. Vol. VIII. Cambridge, 1930.

Rostovtzeff M. Pontus and Its Neighbours: the First Mithridatic War // Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, 1932.

Sekunda N. V. The Ancient Greeks. London, 1993.

Sekunda N. V. Classical Warfare // The Cambridge Ancient History. Plates to Volumes V and VI. The Fifth and Fourth Centuries B.C. New Edition. Cambridge, 1994.

Sekunda N. V. Greek Hoplite, 480—323 B.C. Oxford, 2000.

Shchukin M. The Celts in Eastern Europe // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 14/2. Oxford; Cambridge (Mass.), 1995.

Simonenko A. V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. Bd. 7. Berlin; Mainz, 2001.

Snodgrass A. M. Arms and Armor of the Greeks. Baltimore; London, 1999.

Treister M. Ju. The Celts in the north Pontic Area: a reassessment // Antiquity. Vol. 67 (No. 257). Oxford, 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ДБ	— Древности Боспора. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
РА	— Российская археология. М.
СА	— Советская археология. М.

SUMMARY

The Cimmerian Bosphorus — under this denomination the Kerch Gulf together with the territory adjacent to it was called in Antiquity — saw in the former half of the 6th century the pioneering Greek newcomers who established several colonies there, such as Panticapaeum, Nymphaeum, Phanagoria, etc.). It is there that the largest ancient state was founded within the Northern Pontic area — the Greek-barbarian Bosporan kingdom. Its military history is interesting in many aspects, of which one of the most important demonstrates peculiarities of an adaptation of Greek military system to specific military-political and demographic conditions of the region under review. Undoubtedly, the Greeks brought to the Black Sea northern coast the system of warfare that had formed by that time in the mother country, and finds of genuine Greek weapons coming from the earliest archaeological contexts of the region are quite natural. However, under conditions of the Northern Pontic area this system seems to have been sufficiently fast transformed by adapting to the local milieu. The available archaeological evidence allows to reveal here Scythian, Sarmatian and Maeotic influences. This adaptation became apparent, first of all, in an increasing role of cavalry troops, archers, etc. Best

susceptible to these influences were most likely the local Greek nobles.

The most important feature of the Greek colonies of the Northern Pontic area was the fact that they interacted with a very mobile world of the Eurasian nomads. Periodical movements of nomads from east to west (approximately once for 200—300 years) caused serious changes of the military-political situation in the region, having action upon the development of all the peoples and states adjacent to the steppe zone. Nomadic invasions of new territories led, as a rule, to military crises, lengthy wars, etc. Among the Greek states of the Black Sea coast the Cimmerian Bosphorus was situated as the very first advanced post on the route of barbarian movements from east. Several phases in its history may be named as crisis or even catastrophic (480 B.C.; around 270 B.C.; second half of the 2nd century B.C.; and probably some other ones as well, albeit they are not so evident yet). In all likelihood, these crises were closely connected with the movements of new nomadic tribes going westwards.

The Bosporan Greeks were able to resist successfully the Scythian threat in 480 B.C. by entering into a defensive alliance with the ruling dynasty of the Archeanactides at the head. There are valid grounds to believe that already the Archeanactides used with big success in their interests the contradictions that were in existence in the midst of barbarian tribes of the Northern Pontic area.

Simultaneously with the increase of cavalry role in the Bosphorus, the significance of civil militia forces was diminishing, and such disappeared at all after the establishment of the Spartocides' power. A considerable factor

of international policy in the Black Sea northern coast under the Early Spartocides was the Bosporan-Scythian alliance which determined for a long time a sufficiently quiet, stable situation, influencing so the heyday of material culture in the 4th century B.C. throughout the region in question. Close relations with the Scythians promoted to some degree a transformation of the Bosporan military system, which had begun to show some earlier, through the strengthening of local borrowings. After the collapse of Great Scythia at the turn of the 4th — 3rd centuries B.C., the most important place in a system of relations of the Bosporan state with the barbarian world was occupied by the Sarmatians. For this reason, Sarmatian features became to manifest themselves in Bosporan warfare.

In spite of such a transformation the Bosporan army was not, nevertheless, a version of Scythian or Maeotic troops. It kept always a Greek army which differed drastically from armed forces of barbarian tribes, viz. in armament, battle formation, ways of conducting military actions, etc. There was an active relationship between the colonies and the mother country, including in the field of warfare. All the main achievements in military sphere were permanently brought from the Mediterranean Greek world to the Bosphorus by professional soldiers, mercenaries, who were invited for military service by the kings of the Bosphorus with pleasure. During various historical phases, there served as mercenaries the natives arriving from many lands of Greece, as well as the Thracians and Celts.

A combination in the Bosporan army under the Spartokides of the three principal components — aristocratic

cavalry troops, detachments of Greek and other mercenaries, contingents of allied barbarian tribes — enabled for the space of almost three centuries to solve the highly complex military problems that were inspired by global military-political and ethnical changes in the Northern Pontic area (as, for instance, in the second quarter of the 3rd century B.C.). Only the serious system and political crisis which began in the Bosphorus, like in the other Greek states of the Northern Black Sea coast, within the latter half of the 2nd century B.C. resulted in the downfall of the Spartocides and the transition of power to Mithridates VI, the king of Pontus. One of the most important reasons of such a course of events seems to have consisted in the absence of any reliable support in the midst of barbarians of the region for establishing a long-term alliance that would have been a guarantor of stability both in the Bosphorus and in the lands adjacent to it.

After the defeat and death of Mithridates VI (in 63 B.C.) as a result of his struggle against Rome, the Greek states of the Northern Pontic area, including the Bosporan kingdom, fell into the Romans' control and turned into their outposts moved out far north-eastwards — in the very thick of warlike, dangerous to the civilized world, tribes. The new historical realities had undoubtedly an influence upon the warfare of the Bosporan realm, although it remained, as a matter of principle, in the course of those regularities which had been outlined by the entire preceding development.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Алексеевич Виноградов родился в 1950 г. в Ярославской области. В 1976 г. с отличием окончил кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В том же году был принят на работу в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН), где и трудится по настоящее время в должности ведущего научного сотрудника. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э.», а в 2002 г. — докторскую на тему «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху». Автор более 130 печатных работ. Принимал участие во многих археологических экспедициях в нашей стране и за рубежом (в Йемене). В 1982—1995 гг. руководил раскопками городища Мирмекий в Восточном Крыму, а в настоящее время возглавляет Бугазский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН, занимающийся научными изысканиями на Таманском полуострове. Является членом-корреспондентом Немецкого археологического института (Берлин).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Греки и варвары на Боспоре. Проблемы существования.	9
Глава II. Военное дело скифов.	15
Глава III. Греки на берегах Керченского пролива. Первые шаги	24
Глава IV. Боспор в борьбе со скифской агрессией .	50
Глава V. Спартокиды создают державу	63
Глава VI. Усобица сыновей Перисада I	85
Глава VII. Боспор после падения Великой Скифии.	100
Глава VIII. Боспор между скифами и сарматами (вторая половина III—первая половина II в. до н. э.)	112
Глава IX. Спартокиды накануне падения	131
Глава X. Подчинение Боспора Митридату VI Евпатору	142
Глава XI. Митридат и Боспор	157
Заключение.	177
Список использованной и рекомендуемой литературы	182
Список сокращений	190
Summary	191
Об авторе	195

Серия
«Militaria Antiqua»

ВИНОГРАДОВ Ю. А.

«ТАМ ЗАКОЛОЛСЯ МИТРИДАТ...»
Военная история Боспора Киммерийского
в доримскую эпоху
(VI—I вв. до н. э.)

научно-популярное издание

ISBN 5-85803-262-1 («Петербургское Востоковедение»)
ISBN 5-98111-020-1 («Филоматис»)

Набор — Ю. А. Виноградов
Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технические редакторы — Е. М. Денисова,
Г. В. Тихомирова
Художник — А. В. Сильнов

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 5.11.2003. Формат 70×100¹/₃₂
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 2000 экз. Объем 6¹/₂ печ. л.
Заказ № 4736

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ НАШЕГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА
совместно с издательством «Филоматис»**

Новая книжная серия, выпускаемая издательством «Петербургское Востоковедение» в сотрудничестве с московским издательством «Филоматис», называется «Militaria Antiqua» и посвящена истории военного дела народов и государств Евразийского материка в древности и средневековье.

Войны и военное дело играли огромную роль в жизни древних племен и государств, определяли их судьбы, меняли карту мира, поэтому изучение всех этих предметов всегда было важной задачей для историков-профессионалов. Но не менее важно для них другое — донести результаты своих исследований до самой широкой читательской аудитории.

Настоящая серия объединяет в себе ученый профессионализм и популярность изложения. Все книги серии хорошо иллюстрированы.

В серии вышла книга:

Ю. С. Худяков.
Сабля Багыра: Вооружение и военное
искусство средневековых кыргызов

В книге рассматривается полная драматизма военная история кыргызов — кочевого народа тюркского происхождения, который обитал в средние века на просторах Южной Сибири и Центральной Азии. Автор в доступной и увлекательной форме рассказывает о войнах кыргызов с кочевыми империями, о создании ими в IX в. великой державы — Кыргызского каганата. Особое внимание он уделяет оружию кыргызских воинов и их искусству ведения боевых действий.

MILITARIA
ANTIQUA

В серии вышла книга:

**В. А. Горончаровский.
Между Империей и варварами:
военное дело Боспора римского времени**

Книга представляет собой первое всестороннее исследование военного дела и военно-политической истории Боспорского царства на рубеже и в первые три столетия нашей эры, т. е. в тот период, когда оно находилось в сфере политического влияния Римской империи, но тем не менее единственное из всех античных государств Причерноморья сохраняло тогда относительную независимость. Подробно рассмотрены организация, снаряжение и тактика боспорской армии.

В серии вышла книга:

С. М. Рубцов.
Легионы Рима на Нижнем Дунае:
военная история римско-дакийских войн
(конец I—начало II века нашей эры)

Книга посвящена истории военных кампаний римских императоров Домициана (в 89 г. н. э.) и Траяна (в 101—102 и 105—106 гг. н. э.) против Дакии — царства, располагавшегося на территории современной Румынии. Автор не только уделяет внимание событийной стороне этих полных драматическими событиями войн, но и рассматривает особенности военного дела противоборствующих сторон — организационную структуру, вооружение, стратегию и тактику как римской армии, так и войск даков и их союзников (кочевников-сарматов и других народов бассейна Дуная).

В серии готовится книга:

**Никоноров В. П., Худяков Ю. С.
«Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч»
Аттилы: Военное дело азиатских хунну
и европейских гуннов**

В книге рассматривается военное искусство и вооружение центральноазиатского кочевого народа хунну (сюнну) — могущественного северного противника Китая начиная с середины III в. до н. э., а также генетически связанных с хунну европейских гуннов, которые доминировали в степях Юго-Восточной Европы с 370-х до 460-х гг. н. э. Повествование построено на использовании данных древней письменной традиции и археологии и хорошо проиллюстрировано изображениями находок оружия того времени и графическими реконструкциями облика хуннских и гуннских воинов.

MILITARIA
ANTIQUA

Следующие книги серии:

Морозов М. А.
Оружие «христово воинства»:
история военного дела
в Византии в IX—XI вв.

Никоноров В. П.
«Украшение Арианы» в огне:
Военная история Бактрии от раннего
железного века до раннего средневековья

Рец К. И.
Завоевание Поднебесной:
Военное дело центральноазиатских кочевников
. эпохи «Азиатского переселения народов»
(III—первая половина VI в. н. э.)

MILITARIA
ANTIQUA

Следующие книги серии:

Шувалов П. В.
Секрет армии Юстиниана:
восточноримская армия в 491—641 гг.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С.
Военное искусство на
Великом шелковом пути:
Согд, Тюркский каганат,
Восточный Туркестан

Сильнов А. В.
На службе Аресу и Аполлону:
греческая военная архитектура
эллинистической эпохи

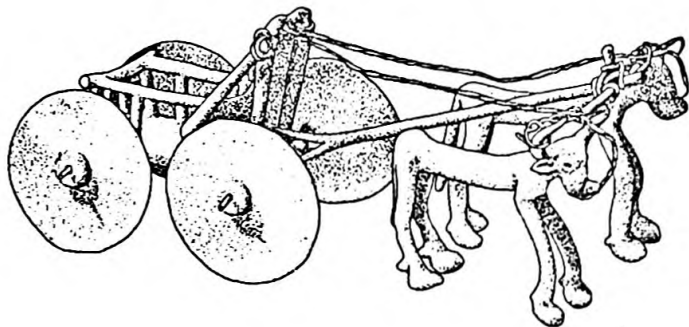

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
рекомендует читателю
новую книгу в серии:

А. К. Нефедкин.
ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

Настоящее издание рассматривает различные стороны военного дела чукчей на всем протяжении известной нам по письменным и другим источникам эпохи начиная со второй половины XVII в., когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, и вплоть до начала XX в., когда еще происходили столкновения на почве кровной мести. Привлекаются сведения о соседних народах, азиатских и американских эскимосах, коряках и русских, что позволяет лучше раскрыть особенности военного дела чукчей. Книга является первым в историографии трудом, посвященным военному делу чукчей. Она будет полезна не только специалистам-этнографам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся военным делом.

Рекомендуем читателю книгу:

**Нефёдкин А. К.
Боевые колесницы и колесничие
древних греков (XVI—I вв. до н. э.).
СПб., 2001. 528 с.**

Книга представляет собой первую в историографии монографию, специально посвященную греческим боевым колесницам на всем протяжении их существования. Колесницы рассматриваются на общем фоне развития военного дела древних греков. Автор не ограничивается рассмотрением колесниц только в Древней Греции — он показывает их эволюцию в контексте мирового развития. Книга во многом носит справочный характер.

Издание богато иллюстрировано.

ORIENTALIA

В серии готовится новое издание книги:

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.
Государства и народы евразийских степей
(древность и средневековье)

Данная работа посвящена проблемам происхождения, древней и средневековой истории тюркских народов, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура на востоке до Дуная на западе. Основное внимание авторы уделяют возникновению и истории первых кочевых империй, в недрах которых сформировались вначале племенные союзы, а затем и народы, говорившие на тюркских языках — Тюркским каганатам (VI—IX вв.), Караханидскому и Огузскому государству в Центральной Азии, тюркским государствам в Поволжье: Болгарскому, Хазарскому, Золотой Орде, казахским жузам, Казахскому ханству.

Длительная история государственности у кочевников Евразии рассматривается в тесной связи с историей их соседей — Китая, Ирана, Византии, Руси. Тюркская государственность породила специфические формы религиозных верований и письменной культуры, создавших неповторимый облик древнетюркской цивилизации, истории которой в монографии так же уделено немалое место.

Тематика монографии хронологически охватывает историю почти двух тысячелетий: от древности и средневековья до периода вхождения Поволжья и Сибири в состав Московского царства. С этого времени история тюркских народов степной Евразии определяется иными геополитическими условиями — начинается процесс их интеграции в Россию, судьбу которой им во многом предстояло разделить.

Обо всех новинках издательства
«Петербургское Востоковедение»
вы можете узнать на нашем сайте
в Интернете

www.pvost.org

Распространением книг серии
«Militaria Antiqua» занимается

издательство «ФИЛОМАТИС»

119905, Москва, ул. Погодинская, д. 8, к. 232

Для корреспонденции:

129226, Москва, ул. Сельскохозяйственная,
д. 11, к. 3. Телефон: (095) 248-09-62.

Факс: (095) 248-09-62.

E-mail: filolog@binec.ru.

www.filolog.ru

Ю. А. Виноградов
"ТАМ ЗАКОЛОЛСЯ
МИТРИДАТ..."

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО
В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ

В книге излагается военная история одного из важнейших центров греческой колонизации Северного Причерноморья - Боспора Киммерийского (древнее название Керченского пролива и прилегающей к нему территории) в период от возникновения Боспорского государства до установления римской гегемонии как результата победы Рима над Понтийским царством.

Издание снабжено большим количеством иллюстративных материалов, включая графические реконструкции вооружения и доспехов боспорских воинов. Рассчитано на всех интересующихся военной историей далекого прошлого Юго-Восточной Европы.

ISBN 5-85803-262-1

МИТРИДАТОВА